

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**НОЯБРЬ
2001**

**ХЕШВАН
5762**

№ 11 (115)

ДОЛГ ЖИВЫХ

В последнее время мы являемся свидетелями волны террора, прокатившейся по миру, очень многих катастроф. Самым тяжелым днем для меня был тот, когда я приехал в Сочи, чтобы быть вместе с семьями погибших в авиакатастрофе самолета, летевшего из Израиля в Новосибирск. Я старался облегчить их страдания, дать понять, что их горе – это и наше горе. Думаю, для них было очень важно чувствовать, что еврейство России с ними.

Почти каждый, кого я там встретил, хотел получить ответы на мучившие его вопросы. Люди спрашивали: почему с их родственниками такое произошло, как Б-г мог это допустить? Те же вопросы у переживших теракты в США. Еще больше усугубляет трагедию одних и других тот факт, что большинство тел погибших не найдено, и родственники не имеют возможности похоронить останки своих близких.

Я объяснял людям, что понять пути Всевышнего человек не способен. Но мы должны твердо верить: Б-г любит Свои творения, и во всем, что Он делает, есть глубокий смысл. У каждого человека есть своя миссия на земле и определенный срок жизни. Он дается, чтобы люди преобразовывали себя и этот мир, будучи партнерами Творца. Каждую секунду мы совершаем выбор: добро или зло. «Выбери добро» – к каждому сердцу из поколения в поколение взывает Тора. Любовь, добро и Закон, выраженные в заповедях Б-га, – необходимые условия жизни.

Все позитивные действия человека улучшают не только окружающий мир, но и саму душу. Исполнив свое предназначение, она возвращается к Б-гу, а тело предают земле. Как сказано в Торе: «Ибо ты прах и в прах возвратишься».

Благодаря выполнению той работы, ради которой душа опустилась в этот мир, возвращаясь к Б-гу, она оказывается на еще более высоком уровне, чем прежде. Окончательное совершенство всех душ наступит с приходом Мошиаха.

Главное для Б-га и для нас – это душа, которая будет жить вечно, но и у тела своя миссия, оно тоже свято и у него есть своя роль в вечности. Один из основополагающих принципов нашей веры – воскрешение мертвых с приходом Мошиаха. Открытия современной науки, в частности, клонирование, уже позволяют представить, по какому принципу это может произойти. Согласно Талмуду в человеческом теле есть маленькая кость, необычайно прочная – в еврейской традиции ее называют луз, которая сохраняется даже тогда, когда все другие истлели. С этой костью и связана идея вечной жизни тела человека. Она и есть носитель того «чертежа», по которому с приходом Мошиаха будет восстановлено тело – вместилище вечной души. Часть души всегда остается при теле, сохраняя с ним связь после смерти человека и через семь дней, и через тридцать, и через год, сотни и тысячи лет.

Думаю, поминальная молитва, принятая в иудаизме, у человека несведущего может вызвать недоумение: в ней человек даже не упоминается, вся она – о Б-ге. Мы молимся о том, чтобы часть Б-га, заложенная в нас, наша б-жественная душа, стала еще более свята и благополучно вернулась к своему Истоку.

К сожалению, бывает, человек плохо прожил свою жизнь и не успел сделать то, что ему дано было сделать. Но отпущено ему столько было времени, сколько необходимо для выполнения поставленной перед ним задачи. А бывает, не дай Б-г, что весь свой потенциал человек использует во зло. Много дает нам Б-г, но как использовать это богатство, вопрос личного выбора.

Терроризм не имеет никакого разумного объяснения, никакой связи со священным. Удивительно, как некоторые могут думать, что, совершив такие акты, они попадут в рай. Цель решившихся на убийство, террор – уничтожение всех моральных ценностей, приведение мира в хаос. Жизнь человека, созданного по образу Б-га, в Его власти, и никто не вправе покушаться на этот дар. Написано, что посягающие на него получают самое большое наказание. Нам нужно понимать: мы должны нести в этот мир доброту и осознание ценности нашей жизни здесь и в будущем мире и творить добро и свет. А перед лицом беды, тяжелых испытаний надо объединяться, помогать, поддерживать друг друга.

Мне понятно горе людей, которые, потеряв в катастрофе авиалайнера или при немыслимом террористическом акте в Соединенных Штатах своих близких, страдают из-за того, что не могут выполнить свой человеческий долг перед ними, оказать уважение, предав их тела земле. Их мучает и то, что у них не будет такого места, куда можно приходить, чтобы почувствовать свою связь с ушедшими дорогими людьми... Но с нами остается память о погибших. Как говорят наши мудрецы: «Если человека помнят – он жив». У нашего народа есть прекрасная традиция – в память об ушедших творить добро, продолжать их хорошие дела. Тем самым они продолжают жить среди нас.

Дай Б-г скорее дожить до того дня, когда Б-г осушит все слезы, и с приходом Мошиаха наступит вечная жизнь!

Āĕāāī ūé āāāēī Dīññè Āādē Ēāçāð

УРОКИ ТОРЫ

ААЗИНУ

Глава Аазину начинается большой речью Моше: «Внимайте, Небеса, я говорить буду, и услышит земля речи уст моих...» В одном из мидрашей, всегда столь чутких к языковым нюансам, подчеркивается, что Моше говорит это так, словно он близок к Небесам и далек от земли. У Иешаяу мы встречаем стих, почти противоположный по смыслу: «Слушайте, Небеса, и внимай, земля» — здесь подчеркнуты удаленность от Небес и близость к земле. Таким образом, перед нами два типа отношений. Какому же из них подобаает следовать еврею? Должен ли он стремиться к Небу и «воспарять» над суетой земли? Или он, как Иешаяу, обретает духовное пристанище именно в земном бытии? И каково значение этой дилеммы в дни, когда обычно читается данная глава Торы – в течение Десяти дней трепета, тех, что следуют сразу за Йом Кипуром, когда для еврея наступает время задаться самыми главными вопросами?

О БЛИЗОСТИ И УДАЛЕННОСТИ

В одном из мидрашей (Сифри, нач. Аазину. Ср. Зогар, Аазину, 286б) говорится, что Моше был «близок к Небесам» и «далек от земли», именно потому сказано им: «Внимайте, Небеса, я говорить буду, и услышит земля речь уст моих». «Внимайте, Небеса» – здесь слышна интонация, с которой обращаются к находящемуся рядом, тогда как слова «услышит земля речь уст моих» подчеркивают некую удаленность.

Точно так же в этом мидраше отмечается, что Иешаяу был «далек от Неба и близок к земле», когда говорил: «Слушайте, Небеса, и внимай, земля» – слова эти зеркально противоположны словам Моше (Иешаяу, 1:2).

Однако эта противоположность поистине удивительна, ведь «Тора» означает «учение», и каждое ее слово – наставление для еврея (Зогар, ч. III, 53б). Когда Моше говорит «Внимайте, Небеса, я говорить буду, и услышит земля речь уст моих», посылка, содержащаяся в этом высказывании — всякий еврей должен стремиться к Небесам и к тому, чтобы освободиться от земных противоречий. Но если даже Иешаяу, величайший из пророков (Ялкуп, Иешаяу, Ремез 385), не смог достичь неба, то как же Тора требует того от каждого еврея? А если близость к Небу по сути своей достижима для любого еврея, черпающего вдохновение в словах и деяниях Моше, и вдохновение это всегда теплится в еврейской душе (Тания, ч. I, гл. 42), так почему же Иешаяу не смог этого достичь и подняться на такой уровень?

Это тем более странно, если учесть, что в мидрашах сказано (Сифри; Ялкуп, Аазину, Ремез 942): слова Иешаяу были произнесены в прямое продолжение слов Моше. Но если пророк говорит, отталкиваясь от слов Моше, то Иешаяу было легче, чем многим иным, подняться до уровня Моше.

Отсюда следует: в словах Иешаяу отражен не более низкий уровень по сравнению с тем, который подразумевал Моше, а более высокий. Именно в этом смысле он продолжает оттуда, откуда Моше закончил свою речь. Взойдя на высоты, где пребывал

Моше, – «вблизи Небес», Иешаяу смог добиться большего – быть «рядом с землей». А поскольку его слова также часть Торы, они ниспосланы всем евреям.

И мы должны учитывать: поскольку каждый урок, который дает нам Тора, имеет специфическое отношение к тому периоду года, когда читается соответствующая глава (ср. Шало, нач. Ваешев. Ор а-Тора, нач. Ницавим), то высказывание Моше, продолженное Иешаяу, особым образом связано с промежутком, отделяющим Рош а-Шона от Суккос – именно в это время обычно читается глава Аазину.

ДНИ ПЛАЧА

Раби Ицхак Лурия, Ари, говорил (При Эц Хаим, Шар а-Шофар, гл. 5): «Тот, кто не проливает слез в Десять дней трепета, душа того несовершенна». Смысл сказанного прост: в Дни трепета Б-г подступает совсем близко к каждому из нас (Рош а-Шона, 18а /объяснение на стих Иешаяу, 56:6/. Рамбам, Законы Тшувы, 2:6). Хасидизм учит, что это «близость источника света к искре пламени» (Дерех Хаим, 13д, 21б, 91а).

А если даже в дни милости и прощения еврей не «дозрел» до слез покаяния, душа его с изъяном. Ничто не способно пробудить ее, ничто не способно вернуть эту душу к истоку. Она слишком отдалилась от своего предназначения.

И все же говоря «Тот, кто не проливает слез», Ари распространяет сказанное на всех евреев, даже на тех, кто воистину праведен. Но ведь сожаление в смятении, изливаемое в слезах, есть сожаление о совершении греха, о нарушении заповеди, поступке несправедном, а праведник от этого чист. Как же можем мы ждать от него покаяния – покаяния столь сильного, чтобы излилось оно слезами? И разве, если праведник не плачет покаянными слезами, душа его несовершенна?

Замечание Ари было бы понятно, если б относилось к «бенони», еврею, который никогда не грешил, даже в мыслях, но при всем том не изгнал из сознания само желание совершить нечто несправедное, хотя желание это каждый раз им подавлялось (Тания, ч. 1, 12, 13 и далее). В таком человеке всегда присутствует сама возможность греха, и одного этого достаточно, чтоб лить слезы в дни предельно честного самоанализа.

Однако совершенно праведному, чья природа не тронута даже отсветом неверного желанья, казалось бы, что ему плакать? У него нет причины для слез.

Но смирение толкает его к слезам. Даже Раббан Йоханан бен Закай плакал, говоря при этом: «Видя два открытых предо мною пути: один ведет в Рай, а другой – в Геинном, и неведомо мне, какой из них будет мне предназначен, могу ли я не рыдать?» (Брохойс, 28б). Исполненный рвения, праведник полагает себя человеком недостойным. Но почему Ари настаивает, что праведники не только могут порой проливать слезы раскаяния, а должны их лить? Ведь достигнутое самопознание есть добродетель, и представлять себя хуже, чем ты есть, – не есть долг человеческий.

СЛЕЗЫ РАДОСТИ И ГОРЕЧИ

Алтер Ребе поясняет (Ликутей Тора, Теце, 37д): слезы, о которых говорит Ари, – не слезы горечи и самообвинения, это слезы, подобные тем, что лил рабби Акива, когда проник в тайное тайных Торы (Мидраш а-Неелам, Ваера, 98б), – слезы радости.

Однако слезы, о которых идет речь, не могут быть лишь слезами праведников, иначе обнаружилось бы, что Ари использует одно и то же слово для обозначения противоположных понятий: радостных слез праведников и горьких слез остальных евреев. Одни слезы свидетельствуют о близости к Б-гу, другие же – об удаленности от Него.

ДУХУ СУЖДЕНО ВЕРНУТЬСЯ

Объяснение тому кроется в следующем: тшува не есть просто раскаяние, она не что-то, приходящее только тогда, когда было совершено прегрешение. Тшува означает «возвращение души к истоку» (Ликутей Тора, нач. Аазину). «А дух возвратится к Б-гу, Который дал его» (Коэлес, 12:7).

Даже праведник с любовью и страхом всем своим существом служащий Б-гу, не достигает того состояния близости с Ним, которое испытала душа до своего рождения (Тания, ч. I, гл. 37). Земное существование создает дистанцию между душой и Г-сподом, и ни один праведник не в силах преодолеть ее целиком – в этом и сокрыты скорбь праведных и источник их слез. Праведник чувствует, что даже когда он ведет жизнь до предела высокую и чистую, она далека от той высоты, с которой сошла душа, знавшая близость к Небесному Трону. И его слезы, как и слезы простых евреев, рождены из сознания того расстояния, что отделяет его от Б-га.

СЛЕЗЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Но и этот ответ неполон. Ибо в таком случае праведный скорбел бы о том, что составляет саму основу нашей жизни: о простом факте, что в земном существовании немислимое расстояние разделяет Г-спода и душу. Однако этот факт непреложен. И нельзя винить себя в том, что изменить не в твоей власти.

Если бы праведник думал о собственном духовном удовлетворении, он чувствовал бы горечь от того, что само рождение было для души утратой. Он может не столько казнить себя, испытывая чувство вины, сколько скорбеть. Однако праведные люди не думают о себе. Они помышляют о Г-сподней воле (там же, гл. 10) – это Ей было угодно, чтобы данная душа была ограничена узкими рамками этого мира. Над чем же тогда плакать праведным?

Может быть, им подобает плакать потому, что они еще не выполнили свою миссию? Ибо нисхождение души в материальный мир еще не конец; нисхождение влечет за собой восхождение, ведущее куда дальше вверх — к полному самозабвению, когда душа осознает, что она – ничто, и ей откроется всеобъемлющая реальность Б-га. И пока праведник полагает, будто сам он есть нечто реальное (там же, гл. 35), он еще не достиг конца пути. У него есть повод для слез.

И если даже величайший из людей не может достичь этой стадии, как же можем мы говорить о том, что подобает ему это сделать? Нельзя требовать невозможного.

Истина в том, что еврей есть часть Б-га. Он способен подняться над обычными духовными возможностями этого мира. И он льет слезы над ограниченностью человеческих возможностей, ибо в этом и заключен путь их преодоления.

«Из тесноты воззвал я к Б-гу, и ответил мне Б-г, (вывел меня) на простор» (Теилим, 118:5). Смысл данного стиха такой: даже после всех достижений, к которым может привести праведная жизнь, человек все еще пребывает в «тесноте» и выйти «на

простор» можно лишь ценой отказа от самости, тем самым обнаруживая готовность к слиянию с Б-гом.

ЕДИНЕНИЕ С Б-ГОМ В МИРЕ

В этом состоит важность и значение Десяти дней Тшувы – периода, когда Б-г ближе всего к человеку, и при том Тшува всегда сохраняет свою важность (Рамбам, Законы Тшувы, 2:6). Но эти дни не только несут в себе особую милость – они выводят на новый уровень. Происходит не только раскаяние в совершенных грехах, но само возвращение к Б-гу, которое кладет конец духовному отдалению. Человеку выпадает возможность понять, что ограниченность человеческой природы – еще не все, из нее есть выход. Можно эту ограниченность преодолеть. Она может быть залита слезами – каждого еврея.

Когда человек достигает выхода за собственные пределы, он совершает прорыв, в земных условиях доступный только душе. Он сливается с Бесконечным в самой сердцевине конечного. И тем утверждает, что для единения души с Б-гом нет ни преград, ни пределов: ведь единение с Ним было достигнуто в этом мире. «Из тесноты воззвал я к Б-гу,» – из этого тела, этого узкого мира, – «и ответил мне Б-г, (вывел меня) на простор».

ШОФАР

Здесь кроется объяснение, почему на Рош а-Шона трубят в шофар. Звук шофара (учитывая специфическую форму этого инструмента: его узкий конец напоминает о «тесноте», а широкий – о «просторе») мы призываем Царство Г-спода. Талмуд сообщает (Рош а-Шона, 16а, 34б), что

Г-сподь сказал: «В Рош а-Шона возглашайте предо Мной о царствии, храните память, трубите в шофар. О царствии – ибо вы поставите Меня Царем над вами... Как? Звук шофара».

Слова эти могут вызвать недоумение, ибо естественно было бы сначала провозгласить Б-га Царем нашим, а потом лишь подчиниться его велениям (ср. Мехилта и Ялмут Шимеони, Итро, 20:3). Как можем мы пробудить в Б-ге желание быть Царем над нами, исполняя то или иное из Его повелений, если само это исполнение предполагает, что Он уже Царь?

Объяснение этому в молитве, которая читается перед трублением в шофар: «Из темницы воззвал я к Б-гу...» Наша «темница» – это не только грехи наши, это – само наше существование в ограниченных рамках, когда мы чувствуем, что отделены от Г-спода, и покуда длится это состояние, мы не можем принять Б-га как Царя и Владыку над нами. Но если мы пребываем в «темнице» и все же «взываем к Б-гу», то достигаем самой сути Б-жественности, тем самым преображая сердцевину человеческой жизни в «просторное место», место для Б-га. Так устанавливается Его царская власть. Он – Царь, пребывающий в материальном мире, а не только в Небесах.

«ТЕСНОТА» МИРА И ЕГО ПРЕОБРАЖЕНИЕ В «МЕСТО ПРОСТОРНОЕ»

Теперь нам понятна связь между главой Аазину, словами Моше, продолженными Иешаяу, и Десятью днями Тшувы (как и теми четырьмя днями, что следуют за Йом Кипуром).

В течение года наша религиозная жизнь сосредоточена на «земных» вещах, на изучении Торы и практическом исполнении заповедей. Даже «долг сердца» связан с нашей человеческой, личностной сущностью, с нашими интеллектом и темпераментом.

Но в течение Десяти дней трепета «дух возвращается к своему создателю, к Б-гу». Еврей должен осознать, насколько «темница» олицетворяет весь этот мир и насколько подобает рыдать, пребывая в этой «темнице». Он должен воззвать к Г-споду, воззвать с доверием и рвением, чтобы слиться с Ним.

Человек там, где пребывает во

ля его. И тем, что он проливает слезы из-за заключения в «темнице», он выходит за пределы своего узилища. Он становится «близок к Небу» и «далек от земли». Его самое сильное и сокровенное желание – «приблизиться к Небесам», и он воистину достигает Небес.

Б-г отвечает на это тем, что «выводит на простор», а Его присутствие на земле раскрывает саму сущность Б-га как здесь, так и в духовных мирах. Бесконечное входит в порядок человеческого существования. Так происходит обретение Б-га, «вблизи земли» и «далеко от Небес».

УРОК ИЕШАЯУ

Это истинно для жизни каждого еврея.

«Небеса» – это Тора, слово Б-га. «Земля» – заповеди, деяния человека (Тора Ор, нач. Брейшис; Ликутей Тора, Аазину, 746). Изучая Тору, еврей приближается к Б-гу (Тания, ч. 1, гл. 23. Ср. там же, гл. 5). Исполняя заповеди, он вносит в мир присутствие Г-спода (там же, гл. 37).

Прежде всего еврей должен быть «близок к Небесам». При том, что он обязан соблюдать заповеди, сердце его должно быть отдано изучению Торы.

Однако это – лишь первая ступень. Со временем он должен постичь, что «сущностно важно не изучение, но – деяние» (Пиркей Овойс, 1:17), ибо истинная задача человека – преобразить этот мир, сделав его обителью Б-га (Бава Басра, 14б).

И опыт Иешаяу нужен нам, чтобы взойти на эту вторую ступень. Ибо Тора была дарована Моше, но именно Иешаяу суждено было пророчествовать о грядущем спасении (Тания, ч. 1, гл. 23. Ср. там же, гл. 5), о времени, когда мир станет обителью Б-га, когда «всякое создание познает, что Тобой создано» (Молитва на Рош а-Шона и Йом Кипур), когда все сущее в мире соединится с Бесконечностью Б-га.

БРОХА

В день Симхас Тойра (день Радости с Торой) мы завершаем годовой круг чтения Торы и начинаем его заново. Какова же связь между этим днем и читаемой главой Броха (Везойс а-Броха), последней в Торе? И почему праздник в честь Торы по установлению отмечают именно в этот день, а не в Швуэс, когда Тора была дана народу Израиля? Чтобы ответить на эти вопросы, следует обратить внимание на одну особенность данной главы. Шмини Ацерес, восьмой день Суккос, и отмечаемый на следующий день Симхас Тойра изначально были единым

праздником. Однако в диаспоре, пока наш народ пребывает вне земли Израиля, мы празднуем их поочередно, как два праздника, ведь мы тоже разделены. И все же по сути своей эти два дня - единый религиозный праздник, о чем и говорится в настоящей главе.

ШМИНИ АЦЕРЕС И ГЛАВА ТОРЫ К НЕМУ

Рамбам пишет (Законы Тфила, 13:8), основываясь на Талмуде (Мегила, 31а), что в каждый из праздников мы читаем определенный отрывок из Торы, имеющий отношение к этому дню, ибо «установил Моше Израилю, чтобы в каждый из праздников читалась соответствующая часть Торы». Далее Рамбам определяет, что надлежит читать в какой праздник, и говорит: «В последний день (Суккос) читают отрывок, начинающийся словами “Кол а-бехор” (“Все первенцы...”), а на следующий день читают Броха (Везойс а-Броха) – “И вот благословение, которым благословил Моше...”» (33:1).

Мы читаем главу Броха, последнюю в Торе, на второй день Шмини Ацерес не только потому, что это, как резонно можно заключить, конец цикла годовых праздников, который Моше закончил благословением Израилю (Ран, Мегила, 31а). И не потому, что этот праздник совпадает с окончанием годового цикла чтения Торы (Махзор Витри, 385). Даже не затем мы читаем этот отрывок, чтобы соединилось благословение Моше с благословением Шломо, произнесенным перед народом в день Шмини Ацерес (там же, Авудрахам). Все это подобающие основания, чтобы читать данный текст, и однако же они вторичны. Главная причина, по которой следует его читать, состоит, как указывает Рамбам, в том, что глава Броха имеет непосредственное отношение к самому празднику.

Что же это за связь?

ОСОБЫЙ НАРОД

В Талмуде (Сукка, 55б) объяснено символическое значение жертв, которые приносят в праздники Суккос и Шмини Ацерес. «За что приносятся семьдесят тельцов (таково жертвоприношение, совершаемое в Суккос)? За семьдесят народов мира. За что приносится единственный телец (в день Шмини Ацерес)? За единственный (то есть выделенный среди прочих народов) народ Израиля».

Таким образом, день Шмини Ацерес – тот самый, когда раскрывается особая роль народа Израиля.

Все это непосредственно связано с главой Броха. Ибо благословение, произнесенное Моше, начинается словами: «Б-г от Синая пришел, и показался им в сиянии от Сеира, показался от горы Паран» (33:2). Упоминание здесь Сеира и Парана Раши объясняет следующим образом. «Сперва обратился Он к сыновьям Эйсав (населяющим Сеир), не примут ли они Тору, но те отказались. Тогда обратился Он к сыновьям Ишмаэля (живущим на Паране), не примут ли они Тору, и те также отказались». Потомки Эйсав и Ишмаэля олицетворяют здесь весь мир за пределами еврейства, и значение слов Моше состоит в том, что «всему миру (Авойда Зора, 2б) во времена Синая была дана возможность принять закон Б-га, но один лишь Израиль, “среди народов единственный”, возложил на себя этот Закон».

И однако, даже если акцент на избранности Израиля и связывает главу Броха со Шмини Ацерес, все же она больше связана с другим праздником, Швуэсом, «днем

дарования Торы». Ведь Моше упоминает события, связанные с горой Синай, то есть то, что произошло в день Швуэса.

РАЗБИТЫЕ СКРИЖАЛИ

Объяснение тому мы найдем в словах, которыми заканчивается данная глава, завершающих Пятикнижие Моисея: «И не было более пророка в Израиле, подобного Моше... по всем могучим деяниям, и по всем страшным свершениям, которые совершил Моше на глазах у всего Израиля» (33:10, 12).

Раши задается вопросом, какое же именно из деяний прежде всего имеется в виду, когда говорится о том, что «совершил Моше на глазах у всего Израиля»? И отвечает: то было мгновение, когда «сердце подвигло его разбить скрижали (с Десятью заповедями) на глазах у народа Израиля».

Но почему этот поступок ставится Моше в особую заслугу, как свидетельство его добродетели? Внешне он связан с эпизодом, в котором упомянут гнев Г-спода. Ведь пишет же Раши в другом месте (Дворим, 10:7): «смерть праведника столь же омрачает Святого Благословенного, как день, в который были разбиты скрижали». Раши сам отвечает на этот вопрос, указывая, что, когда разбил Моше скрижали, «Святой Благословенный пребывал в согласии с Моше» и возрадовался за него.

Однако вряд ли это может разрешить стоящую перед нами проблему. В Талмуде (Шабос, 87а) говорится о причинах такого поступка Моше: «Если, когда идет речь о пасхальной жертве, которая лишь одна из 613 заповедей, сказано в Торе (Шмойс, 12:43), “никакой чужак не должен есть ее”, а тут вся Тора, и весь народ Израиля был отступником, насколько же превышена мера!» Иными словами, Моше защищал сам дух Торы, не желая передать ее «отступникам», но в то же время подчеркивал низкий уровень Израиля. Но как же глава Броха – благословение Моше Израилю может заканчиваться осуждением его народа? Ведь тогда бы конец главы противоречил ее началу, и, начинаясь утверждением об избранности Израиля, принявшего Тору, она бы кончалась признанием его несоответствия такому дару. Это тем более странно что последние слова Торы, суть которой быть обращенной к Израилю и принятой им, касаются эпизода с разбиванием скрижалей, на которых был написан Закон.

ВТОРЫЕ СКРИЖАЛИ И ПУТЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Вместо всего вышесказанного мы должны признать, что Б-г одобрил Моше за то, что тот разбил скрижали, ибо тем самым он действовал не только во славу Торы, но и во славу Израиля.

Однако следует помнить, что Б-г не сразу одобрил Моше. Он ждал и лишь по прошествии сорока дней повелел: «Вырежи себе две скрижали из камня – такие же, как первые» (там же, 34:1; Дворим, 10:2). Раши, давая свою интерпретацию, указывает, что слова Г-спода, обращенные к Моше, стали словами прославления не раньше, чем пришел черед главы Броха, смерти Моше, то есть лишь сорок лет спустя. Отсюда предполагается, что вся доблесть и праведность, которые явил Моше, разбив скрижали, открылись только в конце его жизни.

Объяснение тому ниже. Талмуд (Авойда Зора, 4б, Раши к данному фрагменту) говорит, что «израильтяне затем лишь сотворили золотого тельца, чтобы представить веское доказательство вернувшимся и раскаявшимся». Г-сподь допустил народ Израиля

впасть в соблазн и сделать золотого тельца только затем, чтобы Израиль из всех сил покаяться – то было беспрецедентное раскаяние, которое вывело евреев на иной духовный уровень, намного выше того, что был достигнут ими до этого прегрешения (ср. Рамбам, Законы Тшувы, 7:4).

Тем самым разбиение первых скрижалей, спровоцированное поклонением золотому тельцу, подготовило возможность дарования вторых скрижалей, прославленных более, нежели первые (Шмойс Раба, гл. 46). Они были вечным напоминанием о силе раскаяния, которое не просто стирает грех прошлого, но выводит на новые духовные высоты.

Следует также учесть и категоричный отказ Моше дать Тору «отступникам». Моше хотел своим поступком не только защитить славу Торы, но и пробудить в народе Израиля стремление вернуться к Б-гу. Он действовал как отец, изгоняющий заблудшего сына из дома не ради того, чтобы отвергнуть его, но дабы пробудить в нем желание вернуться под отчий кров (Ср. Ор а-Тора, Ваэра, с.123). Вот почему Моше разбил скрижали «на глазах у Израиля» (Дворим, 9:17). То был своего рода демонстративный жест, адресованный Израилю, чему Израиль должен был стать свидетелем, чтобы этот опыт изменил его к лучшему.

Потому пост 17 Тамуза, день, когда были разбиты скрижали (Мишна, Таанис, 26а), с приходом Мошиаха станет днем радости и ликования (Зхарья, 8:19). Сейчас мы видим лишь первые последствия поклонения золотому тельцу в пустыне, страдания изгнания. Ряд серьезнейших трагедий изгнания произошел именно в 17-й день месяца Тамуз. Потому в этот день мы и соблюдаем пост. Но когда Израиль полностью вернется к Б-гу, станет понятно, что само это возвращение началось тогда, когда были разбиты скрижали, и сам этот день станет днем радости.

Но лишь когда даны были вторые скрижали – в знак власти, которой обладает покаяние, Б-г воздал Моше великим даром. Но само это воздаяние не было явлено, пока жизнь Моше не подошла к концу – только тогда тот удостоился видения «последнего дня» и узрел «все, что случится с Израилем в будущем, вплоть до дня, когда мертвые воскреснут» (Сифри и Раши, Дворим, 34:2). Ибо именно тогда Моше увидел победу раскаяния, мессианское исполнение того, чему положено было начало на горе Синай.

РАДОВАТЬСЯ ТОРЕ

Такова связь, существующая между главой Броха и праздником Шмини Ацерес.

На внешнем уровне следует праздновать Симхас Тойра, Радость с Торой, в день Швуэс, когда впервые были даны Десять заповедей. Однако самая великая радость связана с дарованием вторых скрижалей на Йом Кипур. А Шмини Ацерес – конец цикла праздников, начинаемого Йом Кипуром (Ор а-Тора, Шмини Ацерес, с. 1779 и далее).

При этом мы должны помнить и то, что слова Моше, открывающие его благословение «Б-г от Синая пришел...» (33:2), относятся к первому дарованию Торы и тем самым должны быть связаны с праздником Симхас Тойра.

ПРАВЕДНОСТЬ И РАСКАЯНИЕ

Разница между первыми и вторыми скрижалями подобна разнице между праведностью и раскаянием. Когда были даны первые скрижали, Израиль еще был праведен; когда были дарованы вторые скрижали, народ Израиля согрешил и раскаялся.

Праведны те, чья добродетель – жизнь в соответствии с Торой. Но раскаяние поднимает выше, чем Тора (Ср. Ликутей Тора, Ахарей, 26с; Дерех Мицвосеха, Заповедь Видуй у-Тшува). Оно возносит туда, где связь между Б-гом и человеком сохраняется, даже когда мы преступаем Его закон. И потому, когда дарованы были первые скрижали, Израиль получил Откровение от Торы. С дарованием же вторых скрижалей народ Израиля сам послужил Торе Откровением. Он превысил ее уровень, достигнув сущностного единения с Б-гом.

И в этом связь главы Броха и Симхас Тойры. Наша недельная глава начинается повествованием о первых скрижалях, когда Израиль возрадовался Торе. Кончается же она намеком на вторые скрижали, когда сама Тора возрадовалась Израилю. Соответственно, Симхас Тойра означает и «Радость с Торой», и «Радость Торы».

ЭТОТ ДЕНЬ И ГОД

Праздники – это не сами по себе, вне связи с другими существующие дни света и радости. Наша задача – пронести чувства, испытываемые в праздник, через весь год. Они – подобны святилищу внутри потока времени, святилищу, чей свет достигает каждого дня календаря, как бы далек он ни был.

Но, сталкиваясь с этой задачей, еврей может почувствовать некую растерянность перед ее грандиозностью. Как можно побудить этот материальный мир, от которого Б-г скрыт, являясь в мирах высших, принять свет оттуда – свет святости?

И наша глава указывает на прецедент и пробуждает силы для исполнения данной задачи. Ибо даже событие, кажущееся горестным и мрачным – разбивание скрижалей, по сути своей есть начало пути, ведущего назад к Б-гу. Через это нам открывается новый, оптимальный доступ к вершинам духа. Вот почему сразу, как только прочитаны слова, относящиеся к скрижалям, – «на глазах Израиля», мы опять возвращаемся к тем, что открывают Тору: «В начале сотворения Всесильным...» Ибо покуда с евреем сила Б-га, сила, которую он открывает, возвращаясь к Г-споду, он может выстоять в охватывающей невежественный мир тьме и сотворить новый мир. Он – архитектор и строитель мира, в котором «каждая тварь знает своего Создателя, и каждый из пределов земных признает власть Б-га» (молитва на Рош а-Шона).

ХОЛОДНЫЙ БУЛЬОН

Ī aī eñ Ōdeāi aī

Если спросить человека, выходящего в воскресенье из церкви: «Верите ли вы в Б-га?», он будет шокирован: «Что за вопрос? Конечно, верю». Если после этого вы спросите его: «Считаете ли вы себя религиозным человеком?», ответ будет: «Конечно! Поэтому-то я и здесь».

Если в пятницу пойти в мечеть и спросить там рядового мусульманина: «Верите ли вы в Б-га», каков будет ответ? – «Само собой разумеется!» – «А считаете ли вы себя религиозным человеком?» – «Очевидно, да».

Это вполне нормально. Такие разговоры не лишены смысла.

А теперь пойдем в синагогу в Йом Кипур. Спросим сидящего там постящегося еврея: «Верите ли вы в Б-га?»

Прямого ответа вы не получите: «М-м-м... все зависит от того, что вы подразумеваете под “Б-гом”». Так вам ответит человек с философским складом ума. Другие же попросту скажут: «Кто я такой? Что я, раввин? Не знаю!»

Тогда спросите: «Считаете ли вы себя религиозным человеком?» Пробовали ли вы когда-нибудь спросить американского еврея, религиозен ли он? Да он лопнул бы от смеха: «Вы шутите? Знаете, что я ем на завтрак?»

Однако каждый из них скажет: «У меня был дед по материнской линии – вот это был религиозный человек. Но я?..»

Тогда задайте логически напрашивающийся вопрос: «Тогда зачем вы здесь?»

По какой-то причине этот средний еврей, который не верит в Б-га и не слишком религиозен, посмотрит на вас, как на сумасшедшего, и скажет: «А чего тут спрашивать? Ведь сегодня Йом Кипур!»

Но это не нормально! Давайте проанализируем. Что подразумевал еврей, говоря так?

Вы спросили его, верит ли он в Б-га, и он ответил: «Нет» или «Когда я был моложе, то верил», или «Когда состарюсь, стану верить!»

– Значит, вы не верите в Б-га?

– Нет, не верю!

– Вы религиозны?

– Отнюдь нет!

– Так почему вы здесь?

– Да ведь Йом Кипур!

Он хочет сказать вам: «Почему? Да потому, что Б-г желает, чтоб в праздник Йом Кипур еврей был в синагоге. Так где же мне еще быть?»

Итак, вы говорите: «Значит, вы не верите в Б-га?»

Он отвечает: «Ну и что из этого?» – и не понимает, почему это ставит вас в тупик.

Он говорит: «Сегодня Йом Кипур, я знаю это, даже если у меня нет календаря. А это синагога, даже если она мне не нравится. Я – еврей, даже если я не религиозен, а Б-г есть Б-г, даже если я в него не верю. Так что же вам неясно?»

Это можно счесть – и, к сожалению, многие так и делают, – чистейшим лицемерием. Мы говорим: «Вы не верите в Б-га, вы не религиозны, так не приходите в синагогу! Не приходите сюда только ради того, чтоб продемонстрировать, что вы – еврей!»

Однако у Любавичского Ребе другой подход: это-то безумие и делает нас евреями. Оно-то и показывает наше особое отношение к Б-гу.

Это называется правдой. Не обо мне речь. Я не хочу быть религиозным. Не хочу верить в Б-га, не желаю об этом и слышать. Но Он хочет, чтобы я был здесь, поэтому я здесь!

То же самое происходит и на Пейсах. Каждый еврей сидит на сейдере. Спросите на сейдере рядового еврея, верит ли он в Б-га? «Оставьте меня в покое», – ответит он. «А вы религиозный?» — он от смеха подавится мацой.

«Значит, вы празднуете Исход из Египта, который произошел тридцать три века назад?» – «Я не знаток истории!»

«Так зачем же вы здесь?» – «А где мне быть? Сейчас ведь Пейсах!»

Это-то и великолепно в евреях!

Теперь перенесем это в наш контекст. Три тысячи триста тринадцать лет назад Б-г спросил нас, хотим ли мы сочетаться с Ним браком? Состоялась грандиозная свадебная церемония со всякими спецэффектами. Мы были повенчаны и принесли друг другу клятву верности. После свадьбы Он сказал: «Прошу тебя кое о чем позаботиться. Сделай это ради Меня!.. А Я скоро вернусь!» И с тех пор о Нем ни слуху ни духу. Три тысячи триста тринадцать лет – ни слуху ни духу! Правда, были нарочные, послания, открытки – знаешь, эти письма на стене... Но за все это время никакого личного общения, ни слова!

Представьте себе, что люди только что поженились и после брачной церемонии муж говорит жене: «Пожалуйста, приготовь мне что-нибудь поесть. Я сейчас вернусь». Она начинает готовить... Муж возвращается спустя три с лишним тысячи лет, входит в дом, подходит к столу, берет свой любимый стул, садится и пробует бульон из тарелки. Но бульон оказывается холодным!

Как он на это отреагирует? Если это умный человек, он не станет жаловаться. Скорее всего подумает: «Чудо, что дом еще стоит и стол с любимым стулом еще на месте». Он будет в восторге от того, что на месте и тарелка с бульоном. Холодный бульон? Ну что ж? Ведь прошло больше 3300 лет, он мог и остыть.

Сейчас мы ждем Мошиаха. Ребе высказал радикальную мысль, что надо ждать скорого прихода Мошиаха. Что в этом такого уж радикального? Значит, он придет без предупреждения. А мы-то всегда думали, что прежде чем он придет, будет какое-то предупреждение, чтоб мы смогли подготовиться, подрепетировать свою роль. Мошиах уже грядет? Но я не готов! Я не хочу представать перед Его судом в таком виде! Меня надо заблаговременно предупредить.

Если Мошиах придет сейчас и захочет вершить свой суд, что он найдет? Холодный бульон?

– Если Мошиах придет сейчас, – говорит нам Ребе, – то найдет невероятно здоровый еврейский народ. Прошло три тысячи триста тринадцать лет, но мы хотим оставаться евреями, а это значит, что мы заботимся о своих отношениях с Б-гом.

Если Мошиах придет сегодня, он обнаружит остывший бульон. Мы страдаем от беспокойства из-за разлуки. Мы страдаем, что порваны узы, которые связывали нас с предками. Мы страдаем, что порваны даже семейные узы. Бульон остыл. Бульон очень холодный! Но чья это вина? И кому надо поставить в заслугу, что есть какой-то бульон вообще?

Мы – это чудо! Все, что нам нужно, это черпать из этого чуда. Мы – лекарство! Не только для самих себя, но и для всего мира. Через нас лечение будет холистическим, естественным, органичным. Органична наша связь с Б-гом. Мы черпаем не из религии, а из себя, из того кто мы, что мы... Дело не в религиозных предписаниях, которых мы придерживаемся, а в нас самих, в том, кто мы и что мы!

Итак, Ребе говорит, мы должны идти тем путем, что ведет прямо к Б-гу. Можно перепрыгнуть через все ступеньки, через Кабалу, но надо идти прямо к Б-гу, и

целенаправленно. А цель эта – не кабалистическая. Цель эта личная! Б-гу нужно, чтобы ты творил мицву. Он послал тебя в этот мир, чтобы ты был тем, кто ты есть, потому что эту мицву можешь выполнить только ты. Правда, для всех нас мицвы одни и те же. Но когда ты выполняешь свою мицву, это совсем другое дело, потому что это твое! Это связано с твоими эмоциями, твоими прошлыми переживаниями. Твоими семейными обстоятельствами, твоими знаниями и твоим невежеством. Все это вместе взятое и делает твою мицву уникальной.

Так пусть придет Мошиах и застанет нас с нашим холодным бульоном: нам нечего этого стыдиться! Мы – невероятные люди. Когда Б-г решил вступить с нами в брак, он знал, что сделал правильный выбор.

НОВОСТИ ФЕДЕРАЦИИ

ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН

ЕВРЕИ В «ГОРОДЕ НЕВЕСТ»

Известная французская писательница Натали Саррот (Черняк) пишет, что она родилась в 1900 году в семье «единственного в Иванове еврея». И это трудно объяснить, поскольку данные переписи конца XIX века свидетельствуют, что в Шуйском уезде, куда входил и город Иваново, проживали 237 иудеев, из них в Иванове – 143. В областном архиве каких-либо документов о жизни общины в советское время не сохранилось. Известно только о нескольких молельных домах, в которых евреи собирались по праздникам, пекли мацу, был даже свой шойхет. Лишь в 1993 году несколько энтузиастов написали устав и организовали Общество еврейской культуры, которое возглавляли сначала К. Затуловская, а позже Р. Маркензон. С конца 1999 года при содействии Федерации еврейских общин России наконец-то восстановлена и еврейская религиозная община. Сегодня в еврейской жизни уже принимают участие более 300 человек.

Минута молчания в память жертв Холокоста.

Еврейское население города, как и по всей России, значительно ассимилировано, но интерес к еврейской национальной жизни, безусловно, растет. Еврейские концерты проходят в Иванове с аншлагом. В городе уже побывали Хасидская капелла, Московский еврейский театр «Шалом», ансамбль «Симха», Камерный театр из Костромы, ансамбли из Владимира, Казани, Нижнего Новгорода, других городов.

Ивановские евреи принимают заметное участие в культурной и общественной жизни города. Всем известны их имена, это десятки учителей, врачей, музыкантов, строителей, спортсменов. Продолжают выступать заслуженные деятели культуры М. Шершова, А. Жуковский с его уникальной Хоровой капеллой мальчиков, Р. Гринберг с театром-студией им. В. Высоцкого. На праздновании Дня города 4 августа «еврейская часть» концертной программы заняла более часа и была многократно отмечена в прессе. В последние два года община принимает активное участие в Фестивале российской культуры, проводя в его рамках «еврейские» дни.

Налаживаются отношения общины с властями. Председатель общины награжден за восстановление и развитие еврейской культуры в 2000 году городской премией «Триумф».

И все же некоторые, впервые попавшие в этом году на Пейсах, были приятно удивлены, не увидев страха на лицах тех, кто приходит на такие мероприятия не первый год. Каково же было их удивление, когда евреев с этим главным праздником еврейской истории поздравил губернатор Ивановской области В. Тихонов!

Общинная жизнь на глазах становится все интенсивней. ФЕОР помогла организовать воскресную еврейскую школу, «Джойнт» – различные виды благотворительной помощи, разворачивает свою деятельность Хесед «Яд лебаним» («Рука друзей»). С торжественной скорбью был отмечен День памяти жертв Холокоста. Впервые за все советские годы на еврейском кладбище прозвучал Кадиш.

Конечно же, есть у общины и проблемы. Но они характерны: отсутствуют постоянные помещения для проведения мероприятий, нет библиотеки. К сожалению, предприниматели города не хотят участвовать в возрождении еврейских традиций... И все же жизнь общины задалась, а значит, проблемы будут решаться.

Y. Evedoai

САМАЯ ДРЕВНЯЯ ЕВРЕЙСКАЯ ОБЩИНА

Не исключено, что самая древняя еврейская община России находилась в Анапе. На территории бывшего эллинского Боспорского царства археологи нашли надгробные мраморные плиты с надписями на древнееврейском языке, русский перевод которых опубликовал в 1865 году известный еврейский востоковед и историк А.Я. Гаркави. Они свидетельствуют, что в Горгинии (ныне Анапа) в 42 году до новой эры имелись еврейские общины, а значит, и синагоги.

Однако возрождение еврейской общины здесь произошло лишь год назад – в сентябре 2000 года, то есть спустя более двух тысяч лет после ее первого упоминания в исторических документах. Особенность анапской общины состоит в том, что большинство ее членов – недавние беженцы и переселенцы, с распадом Советского Союза прибывающие сюда искать работу со всех концов бывших советских республик: Украины, Прибалтики, Средней Азии, Кавказа и других. Это люди в основном неустроенные, поэтому помощь Федерации еврейских общин России нашей общине буквально жизненно необходима.

В анапский регион, кроме самого города, входят нескольких десятков станиц, поселков, хуторов и других населенных пунктов, и еврейская община проводит работу на всей территории этого административного района. Других еврейских организаций здесь пока нет.

Люди стараются поддержать свою общину чем могут. Арон Гамуилович Шаулов предоставляет помещение для встреч, выделяет необходимый автотранспорт для проведения мероприятий; доктор медицинских наук Михаил Юсупович Юсупов проводит

медицинское обследование малоимущих, а детей обучает компьютерной грамотности. Бескорыстно участвующих в общинной жизни немало: это и Роберт Дмитриевич Макаровский, и Елена Игоревна Зайкова, и Мириам Срольевна Левина. Значительную практическую помощь в становлении еврейской общины Анапы, особенно на первых порах, оказало руководство общины Новороссийска во главе с ее председателем Дмитрием Александровичем Беккером.

Главное сейчас для общины – к первой годовщине своей деятельности обзавестись собственным помещением, необходимым оборудованием для осуществления первоочередных и стратегических планов. А планы эти обширные: создание воскресной еврейской школы и курсов по изучению иврита, организация семейного и молодежного клубов, налаживание работы по дальнейшему выявлению и привлечению к еврейскому образу жизни новых членов общины...

È. Dräëüüäã

ЕВРЕЕВ ВЫБОРГА ПОНАЧАЛУ ПОДДЕРЖАЛА ХРИСТИАНСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

В этом году наша община отмечает юбилей – 10 лет, как возродилась в Выборге еврейская община. Мы проделали большой путь, и это заслуга всего нашего дружного коллектива.

Согласно архивным источникам первые евреи поселились в Выборге в 1831 году. Это были два солдата-кантониста, по окончании двадцатипятилетней службы получившие разрешение поселиться с семьями в Выборге, бывшем частью Великого Финляндского княжества, которое входило в состав Российской империи. Еврейская община официально появилась здесь только спустя почти 40 лет, в 1870 году. К этому времени она была уже довольно большая – около 200 человек. Однако дальнейший ее рост был ограничен квотой, установленной городским советом и утвержденной сенатом Финляндии. Это объяснялось тем, что финские купцы и ремесленники боялись конкуренции со стороны быстро прогрессирующей еврейской общины.

В 1890 – 1895 годах в Выборге на улице Калевалкату открылась синагога. В 1908 году было создано выборгское общество еврейской культуры, даже начала выходить

первая выборгская еврейская газета «Финский еврей». Руководителем общества и редактором газеты был студент Сантери Якобсон. Когда в 1918 году Финляндия получила независимость, еврейская община Выборга была официально зарегистрирована и утверждена Государственным советом Финляндии.

Через год в Выборге открылась первая еврейская школа (из-за малого количества учеников ее неоднократно закрывали). В 1930-м было создано еврейское спортивное общество «Кадур»... Казалось, еврейская жизнь неуклонно пойдет в гору. Но спустя 9 лет началась северная война. При первой же бомбежке была разрушена синагога. Всех евреев Выборга эвакуировали – кого в Финляндию, кого в Швецию. До 1958 года Выборгское еврейское общество существовало в Хельсинки. Последним его председателем был Самуэль Масловат.

Как же появилась нынешняя община? После второй мировой войны население Выборга и прилегающего к нему района сформировалось исключительно за счет миграции из различных районов СССР. Еврейское население было здесь представлено военнослужащими, получившими назначение в Выборг для продолжения службы, врачами и инженерно-техническими работниками, направленными на работу в этот район, и бывшими жителями Ленинграда, в силу тех или иных обстоятельств к окончанию войны лишившихся жилья и прописки... Еврейская жизнь не задалась.

Только осенью 1991 года в городской газете «Выборгский коммунист» появилось объявление, приглашающее на встречу всех евреев города. Эта встреча состоялась... в лютеранском соборе и была организована финской христианской организацией. На встречу пришли 25 человек. Некоторые из них были между собой знакомы, но многие встретились впервые. На следующий день та же группа собралась на частной квартире. Было решено воссоздать Выборгское еврейское общество. Выбрали совет — 6 человек во главе с председателем Львом Романовичем Креймером, одним из членов совета был Евгений Владимирович Штейнберг.

Материально общество поддерживала финская христианская организация. Это создавало сложную парадоксальную ситуацию: с одной стороны, деятельность общества была направлена на восстановление еврейской традиции, изучение истории народа, иврита, празднование Суббот и еврейских праздников. С другой, еврейская община ощущала постоянное евангелизационное давление. Так не могло продолжаться долго, и

спустя полтора года Выборгское еврейское общество прекратило свои отношения с финской христианской организацией. Появились контакты с крупными еврейскими организациями – «Джойнтом», ИКЦ и другими.

Сейчас в Выборге две еврейских организации – Иудейская община Выборга и Выборгского района и Выборгское еврейское культурное общество. Обе они официально зарегистрированы в управлении юстиции Ленинградской области. Каждую из этих организаций возглавляет совет. И автор этих строк, председатель объединенного совета, возглавляет еврейское движение уже 10 лет!

Год от года жизнь евреев города все больше налаживается. Есть здесь свой Хесед, он особенно необходим при нынешней жизни. И обслуживает он более 500 человек. Среди них более 30 детей воскресной школы. Ребята изучают иврит, основы иудаизма, историю своего народа, традиции, танцы и песни. В этом им помогают 5 преподавателей. Помочь провести Субботу приезжают ученики ешивы, открывшейся при петербургской Хоральной синагоге. В течение двух с половиной лет работает еврейская благотворительная столовая, рассчитанная на 21 человека, престарелым людям и инвалидам горячую пищу доставляют на дом. Всех нуждающихся обеспечивают необходимыми лекарствами, медицинским инвентарем, оборудованием. Более 50 семей получают еженедельную продуктовую помощь.

При общине есть свой хор, в репертуаре которого едва ли не сотня песен на иврите, идише, русском. Этот хор довольно известен, он выступает во многих организациях Выборга, Выборгского района и Ленинградской области.

При культурном обществе 5 лет работает Открытый университет Израиля. Семь лет работает клуб выходного дня, медицинский лекторий. Постоянно проводятся встречи Субботы для пожилых людей, детей, молодежи. В 2000 году начал осуществляться новый проект «Теплый дом» для престарелых семейных пар и одиноких людей. Здесь работают с людьми, которые уже не в состоянии себя обслуживать, нуждаются в постоянном уходе.

После долгих лет ограничений, которым подвергались евреи, очень трудно восстановить их самосознание, привить утраченные еврейские традиции. Поэтому в нашей общине в последние годы проводятся такие акции, как «Мезузу в каждый еврейский дом», «Тору в каждую еврейскую семью», «Суббота – день без работы»...

Мы не замыкаемся на собственных делах. Актив еврейской общины помог возродить еврейскую жизнь в Приозерске, где проживает около 400 евреев, в Сортовале – более 500 евреев, в поселке Советский.

Существование еврейской общины невозможно без волонтеров, активно участвующих в еврейском движении. В Выборге это руководитель хора и преподаватель истории еврейского народа А.А. Шлосберг, заместитель председателя общины Е.В.

Штейнберг, рано ушедший из жизни Выборгский поэт И.В. Суриш, его жена З.А. Лимарова, руководитель благотворительной столовой Б.А. Мочалова и многие другие.

Интересная закономерность подмечена в нашей общине. Много людей уезжает на ПМЖ в другие страны, часть уходит из жизни, однако каждую неделю к нам приходят новые люди, и община растет. Все больше евреев не боятся сказать окружающим, что они евреи и этим гордятся.

Планы у нас большие – построить в городе синагогу, открыть еврейское кладбище... И мы уверены – все это будет!

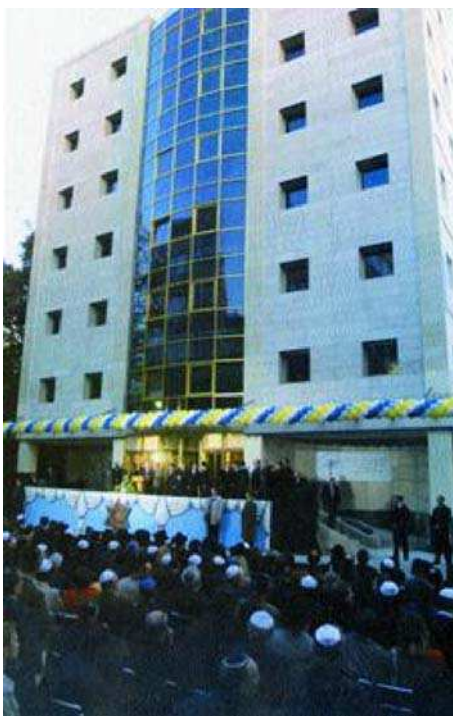
É. Éðáéí áð

Иосиф Слободской

ДУШЕ И ТЕЛУ, СЕРДЦУ И УМУ

Трудно себе представить, что еще совсем недавно, года полтора назад, в Марьиной роще не было Московского еврейского общинного центра. Сегодня эта организация заняла важное место в жизни евреев Москвы. Здесь есть большая синагога, в которой проходят ежедневные молитвы, широко отмечаются национальные праздники, а недавно открылись актовъй зал для культурных, деловых, образовательных программ и великолепно оборудованный спортивный комплекс, состоящий из двух залов. В них сразу же забурлила жизнь.

30 сентября в актовом зале, состоялось открытие программы «Еврейское счастье», которую представил ее ведущий Анатолий Белкин, знаменитый член клуба «Что? Где? Когда?» Вечер получился очень интересным для людей разного возраста. Без сомнения программа перспективна.

4 октября прошел вечер для молодежи с участием известных актеров (молодежными программами занимается Юрий Ваганов). Руководитель культурных программ МЕОЦа Михаил Мельман сказал: «Все, что мы делаем, посвящено одной цели – возвращению евреев Москвы к родным корням».

Для него самого приобщение к еврейской традиции не было такой уж большой проблемой. Он вырос в интеллигентной семье, которой не чужд был еврейский

менталитет. Михаилу Мельману 38 лет, он окончил МАДИ, имеет музыкальное образование, знает идиш, отчасти – иврит, владеет немецким. В МЕОЦе он недавно – всего год, но уже немало успел сделать в области культурных и спортивных программ.

Что привело его сюда? «Меня сюда привлекла возможность заниматься новым интересным делом, делом ради своего народа, – сказал он мне. – Наши программы оригинальны. Воплощая их, мы накапливаем бесценный методический опыт. Программы разные: образовательные, спортивные, есть шоу-программа. Образовательные в этом году стали шире и интереснее. Во-первых, у нас реализуется новая трехступенчатая концепция преподавания английского языка, которая начинается с тестирования. Так же и с ивритом. Группы подбираются с учетом возраста, уровня знаний, способностей. Преподаватели все молодые, но уже с опытом.

Михаил Мельман – руководитель культурных программ МЕОЦа.

Для свободно владеющих английским и ивритом есть два клуба. Здесь совершенствуют разговорную речь.

Есть еще одна важная программа – встречи с интересными людьми. Это своеобразное шоу: приглашаются известные люди, с которыми аудитория получает возможность пообщаться. Этим занимается Юрий Ваганов. Он – человек творческий, интересный и умеющий заинтересовать молодежь.

Что касается спортивных программ – теперь мы имеем собственный спортивный комплекс из двух залов. Один — тренажерный, очень комфортабельный зал, в котором расположены силовые и кардиотренажеры, беговая дорожка, велотренажер, оснащенные кардиодатчиками, приборами, контролирующими пульс и давление. На силовой группе тренажеров работают грамотные инструкторы. Второй зал предназначен для других спортивных программ. Все, кто приходит к нам, довольны. Мужские и женские группы занимаются раздельно. Разумеется, есть раздевалки, душевые комнаты. Желающих много, и число их растет день ото дня. Каждый может выбрать удобное для себя время с 7.00 до 23.00».

Слушая Михаила Мельмана и других руководителей программ МЕОЦа, даже не верится, что так много удалось сделать за короткий срок.

В одном из спортивных залов я встретил Семена Лазаревича (Симху Лейзеровича) Мордковича, мастера спорта по боксу, известного педагога. Сейчас он на

пенсии, но энергичен, подтянут, а главное, опытен. Старость для такого человека – понятие скорее абстрактное, чем конкретное. Вот что он мне рассказал.

«Сюда меня привело желание сделать хоть что-то наконец для еврейского народа. Ведь вся моя жизнь в спорте никак не была связана с национальным признаком. И вот я решил прийти сюда.

Семен Мордкович – руководитель спортивных программ МЕОЦа.

Что могу рассказать о себе? Родился в Каменец-Подольске, в Москву приехал после демобилизации отца в 1945 году. Отец был кадровым офицером, чекистом, заместителем начальника Каменецкого погранотряда, служил на польской границе. После школы я поступил в Московский ордена Ленина институт физической культуры и спорта. Тогда он носил имя Сталина.

Последнее мое место работы – знаменитый клуб “Боевые перчатки” на улице Щепкина. Я был тренером и директором этого клуба. Между прочим, среди евреев есть немало титулованных боксеров. Среди них чемпионы Советского Союза, России, Европы – Сегалович Лева, Яша Браун и другие.

Безусловно, здесь у нас своя специфика. Мы не ставим перед собой цель достичь высоких спортивных результатов. Наша задача — в процессе тренинга провести психологическую разгрузку, потому что современный человек, как правило, живет в состоянии стресса. Он часто этого не замечает, а тем не менее угнетен. Приходя к нам, можно освободиться от напряжения, расслабиться, ощутить моральный комфорт, укрепиться физически и морально. Это великое дело!

Виталий Мехрикадзе – инструктор.

По-моему, в еврейских школах физическому воспитанию уделяется очень мало времени. Это большое упущение: о здоровье надо заботиться с младых ногтей, и дело не

надо пускать на самотек. Я считаю колоссальной заслугой московской еврейской общины, что впервые в России на базе религиозной организации создан великолепный спортивный комплекс. В этом проявилась настоящая забота о развитии общины».

Мне довелось побеседовать с некоторыми из тех, кто пользуется услугами спортивной базы МЕОЦа. Отзывы об инструкторах и самом комплексе восторженные. Один из инструкторов — Виталий Варламович Мехрикадзе, доцент кафедры легкой атлетики Российской государственной академии физической культуры. В тренажерном зале он ведет курс общей физической подготовки у мальчиков и юношей. У девушек тот же курс ведет инструктор-методист Ирина Тимковская.

От Виталия Варламовича я услышал очень любопытный отзыв: «Здесь собирается контингент людей культурных, и я не только тренирую, но и общаюсь с интересными людьми».

Словом, это тот случай, когда рады не только те, кто приходит заниматься, но и те, кто проводит тренировки.

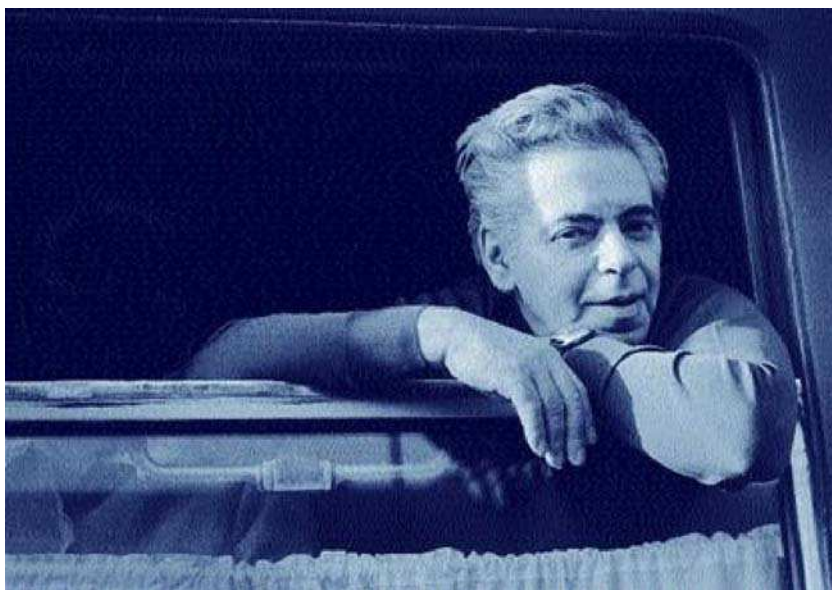
Сказал Баал-Шем-Тов: «Кто живет в радости, выполняет волю Создателя». Сегодня этому служит МЕОЦ.

«ВЕЩЕСТВО ИСКУССТВА»

АРКАДИЯ РАЙКИНА

24 октября исполнилось 90 лет со дня рождения великого артиста Аркадия Исааковича Райкина

Во времена тоталитарного режима расхожими мишенями сатириков были бюрократы, бракоделы, мошенники, бездельники и, конечно же, дураки всех мастей и калибров (разумеется, неперсонифицированные). Эти набившие тогда оскомину персонажи благодаря высокому искусству Райкина становились чрезвычайно выразительными, приобретали неповторимую индивидуальность, а порой даже вызывали симпатию, по сути примиряя – нет, ни в коем случае не с пороками, а с жизнью во всем ее парадоксальном многообразии. Сатира Райкина не была злой, брезгливой и брюзгливой, она талантливо выщучивала, а не бичевала, фиксировала и с педантичной аккуратностью выводила человеческие грехи, а не клеймила их, не вырубала, не выжигала... Что пользы злобно бороться со злом! Его театральный гений был мудрым.

Самыми впечатляющими получались у Аркадия Исааковича бытовые пародии. И особенно на люмпенов – неотесанных, порой агрессивных. В своих антиподов он перевоплощался поразительно точно и ярко, из-за чего многие реплики этих персонажей прочно засели в нашей памяти

(«В греческом зале, в греческом зале!», «В ванной огурчики засолим»...). В его творчестве были разные этапы. В какой-то момент он предпочел отказаться от очень смешных и точно передающих характер персонажей масок: Аркадий Исаакович справедливо решил, что его мастерство не нуждается во вспомогательных выразительных средствах... Сегодня воспоминаниями о Райкине, размышлениями о его жизни и творчестве делится с нами актриса театра имени Вахтангова Екатерина Аркадьевна Райкина, дочь Аркадия Исааковича.

– Когда пришло осознание, что ваш отец – гениальный актер, основатель собственного эстрадного жанра?

– Осознание приходило постепенно. Помню, после войны мне было приятно, что незнакомые люди узнавали отца на улице. Я была тогда девочкой, школьницей. А до конца я смогла постичь величие его непревзойденного таланта, когда уже стала взрослой.

– Отец одобрил ваш выбор профессии?

– Родители относились к нам с братом с большим уважением, считая, что каждый из нас – самостоятельная личность. А потому никогда ни на чем не настаивали. В том числе – на выборе профессии. Учили собственным примером. Атмосфера в семье была очень доброжелательная, мы с Костей никогда не слышали скандалов. Видимо, отец и мать выясняли отношения наедине, но очень достойно. Зато творческих споров мы наслушались много, порой даже на повышенных тонах. Мама, будучи человеком очень умным, образованным и одаренным, с безупречным художественным вкусом, очень помогала папе в театре, где играла сама. Она была камертоном здоровой творческой атмосферы в небольшом театральном коллективе.

Отец всегда жалел, что не может уделять детям много времени. А когда мы с Костей стали взрослыми, после спектаклей (родителей и наших) все непременно собирались за домашним столом. Эти посиделки стали обязательной традицией несмотря на то, что все были очень заняты. Посиделки продолжались даже тогда, когда после учебы я поступила в театр, много выступала в спектаклях, концертах и на телевидении и радио, вышла замуж, родила ребенка. Наспех разгримированные (а папа иногда садился за стол прямо в гриме) мы пили чай, говорили о театре, искусстве, прочитанных книгах, увиденных спектаклях, горячо спорили. Эту радость общения, которое затягивалось далеко за полночь, я бережно храню в своей памяти. Отец был прекрасным собеседником и – редкое качество – внимательно слушал других.

Часто вместе мы ездили отдыхать, а когда мама тяжело заболела и стало ухудшаться здоровье отца, я старательно рассчитывала график гастролей и отпуск, чтобы как можно больше быть вместе с ними. Мама перенесла обширный инсульт, а папа страдал болезнью Паркинсона, которая к концу жизни сильно сковывала его движения, мимику и речь. Это было очень горько и страшно.

– Поэт Евгений Рейн придумал термин – «вещество поэзии». Очевидно, существует и «вещество искусства». Что же это за «вещество», которое возводило вашего отца на недостижимую высоту жанра?

– У этого «вещества» несколько составляющих: доброта, щедрость, любовь и сочувствие к людям. Все эти качества ярко проявлялись в его искусстве. Отец был убежден, что жить так, как живут советские граждане, уважающему себя, имеющему честь и достоинство человеку стыдно. Зрители очень тонко чувствовали эту чрезвычайно искреннюю интонацию. Прибавьте к этому огромное, буквально фантастическое личное обаяние Райкина. Он обращался ко всем присутствующим в зале и в то же время к каждому в отдельности. Люди очень ценили это, невероятно верили Райкину и очень его любили, относились к нему с искренней нежностью и благодарностью.

Я бережно храню массу писем, написанных отцу со всех уголков страны, от людей самых разных. Собираюсь издать их отдельной книгой, может быть, это будет несколько томов. В письмах не только дифирамбы, слова уважения, восхищение и благодарность. Часто авторы писем рассказывали свою очень непростую и горькую историю, просили о помощи. А нередко предлагали темы для театра. Понравившиеся темы отец передавал авторам для разработки, и потом они вместе их воплощали. Как видите, письма играли значительную роль в жизни Райкина и его театра.

– Какие миниатюры отца вы больше всего любите?

– Трудно сказать. В каждой программе были шедевры. И мне очень обидно, что снят целиком только самый последний спектакль – «Мир дому твоему». Смотреть без слез я его не могу, потому что играл в нем отец, будучи уже тяжело больным, ему трудно было говорить, трудно двигаться по сцене, трудно жестикулировать, а всегда подвижное и выразительное лицо походило на маску.

В то же время я понимала, что если бы отцу сказали: «Вы очень больны и должны прекратить выступления. Поезжайте в санаторий, лечитесь и забудьте о сцене», — он бы не смог жить. Зал заряжал отца энергией, и это позволило ему надолго оттянуть трагический финал.

– **Пожалуйста, расскажите о неординарных ситуациях из жизни отца.**

– Это ситуации по большей части драматические. Потому что каждый выпуск программы требовал огромного напряжения нервов, хождения по высоким инстанциям, изнурительных разговоров с чиновниками, с которыми приходилось спорить, что-то им доказывать. Никто ничего не хотел слышать и понимать, люди, не стоившие мизинца великого артиста, смотрели на него скучающими, равнодушными глазами, перед Райкиным оказывалась страшная, непробиваемая стена тупости. Именно этим чиновникам отец был во многом обязан своими инфарктами.

Помню, в театре имени Вахтангова был очередной юбилей, на котором папа должен был выступить (он очень любил этот театр, и его приглашали на все театральные празднества). Он собрался в театр, и тут у него случился сердечный приступ. Вызвали «скорую». По дороге в больницу папе поставили капельницу. Вдруг он поднимает голову: «Нельзя ли проехать по Арбату?» — «Конечно можно». — «Пожалуйста, притормозите у вахтанговского театра и подождите меня минут пятнадцать-двадцать». — «Аркадий Исаакович, я не имею права это делать». — «Я вас понимаю. Но я обещал выступить и должен сдержать слово».

Врач с трудом согласился. Но на всякий случай попросил пациента расписаться, что он по собственной воле подвергает себя огромному риску. После выступления папа умиротворенно лег на каталку «скорой помощи» и протянул руку для капельницы...

Еще один эпизод, не столь грустный. В 1985 году папа получил письмо из США от некоего юриста Стива Райкина. Оказалось, что на международном юридическом симпозиуме к нему подошел советский юрист и, увидев на груди Стива карточку с его фамилией, спросил: «Вы не родственник Аркадия Райкина?» «Кто это такой?» — поинтересовался Стив. «Это наш великий эстрадный артист». Американский Райкин очень захотел познакомиться с советским. И в том же году приехал в СССР. Переводчицей была наша знакомая, великолепная синхронистка. Выяснилось, что оба Райкина никак не связаны родством, но папе очень понравился молодой, улыбчивый, очень милый однофамилец. Симпатия оказалась взаимной, и Райкины решили считать себя дальними родственниками. Может, какая-то ветвь генеалогического дерева была утрачена? Они рассказали друг другу о своем еврейском детстве. Папа, вспомнив, что ребенком ходил в хедер, почему-то расплакался. И, удивляясь собственной памяти, заговорил на иврите (в хедере он назывался древнееврейским).

С ивритом связана и другая встреча. Когда в нашу страну приехал из Франции знаменитый мим Марсель Марсо, папа был на его представлении, а Марсо побывал на

спектакле Райкина. Талантливые мастера душевно потянулись друг к другу, но общаться им было нелегко. Отец с трудом вспоминал отдельные слова из английского, Марсо – из немецкого. В отчаянии папа сказал что-то на иврите, и собеседник радостно подхватил родной язык... Отец пригласил Марселя Марсо в гости, Костя показал придуманные им сюжетные пантомимы, восхитившие гостя фантазией, пластикой и талантом.

– Жалел ли Аркадий Исаакович, что административное руководство Ленинградским театром эстрады и миниатюр в течение сорока лет отвлекало его от творчества?

– Жалел. Отцу очень долго не везло с директором, человеком, на которого можно целиком положиться, которого могли принять на любом уровне, выслушать и помочь. Приходилось все делать самому. Мы говорили ему: «Зачем ты ездешь к чиновникам сам? Позвони». – «Я позвоню, попрошу к телефону нужного начальника, а мне скажут: “Он вышел”. Или: “Он еще не пришел”. Или: “Его срочно вызвали на совещание”. Или: “Ой, вы опоздали, он пришел и сразу же убежал”. Зачем же мне разыгрывать сцены из собственных миниатюр? Я поеду и буду сидеть перед кабинетом, ловить его». И ехал. И сидел иногда часами в приемной какого-нибудь бонзы – в Ленинграде или Москве, в обкоме, ЦК или министерстве. Черт бы побрал этих чиновников. Но правда и то, что во многом они не могли отцу отказать, когда он своим тихим голосом ненавязчиво объяснял, что его просьбу нужно удовлетворить. Срабатывало его неотразимое обаяние.

Труднее было отстоять сомнительные с точки зрения властей предрержащих политические пассажи в новой программе, что грозило очередным инфарктом. Убеждена, отец потерял не один год жизни в этих проклятых кабинетах.

– В последних программах Аркадий Исаакович все же позволял себе смелую для того времени сатиру на советский общественный строй. В частности, в упомянутой вами программе «Мир дому твоему». Другого бы, думаю, актера, чуть менее талантливого, власти стерли бы в порошок. Но с Райкиным приходилось считаться, хотя, очевидно, и у него были неприятности?

– Конечно, были. Прибавьте к этому, что ему никогда не давали забывать, что он еврей. Остроумная мама как-то заметила: «Благодаря твоему таланту тебе прощают даже еврейство». Имея в виду не чиновников, а немалую часть зрителей. Из нескольких мешков присланных отцу писем я отобрала солидную папку посланий от антисемитов. Посланий, которые, к сожалению, характерны для нашего общества.

– Работавшие с Аркадием Исааковичем утверждают, что он был предельно и жестко требовательным, решительно мог расстаться даже с талантливыми людьми, если не находил с ними полного взаимопонимания. Очевидно, гений имеет право диктовать партнерам свою волю?

– Отец был бесконечно требователен к себе и ждал того же от партнеров. Если от актера на сцене хоть чуть-чуть пахло алкоголем, это грозило ему самыми крупными неприятностями (сам Райкин не пил и не курил). Если человек, работавший в театре отца, не проявлял должного уважения к его жанру или актерскому ансамблю, папа очень переживал. Он никогда не пытался удержать пожелавшего уйти актера, при этом ценил партнеров по сцене. Среди них были очень талантливые – моя мама, Ольга Малозёмова, Герман Новиков, Володя Лиховицкий... Все эти актеры до самого конца (своего или папиного) самозабвенно работали с отцом. Он всегда считал, что театр – его семья.

Понимая, что чем талантливее партнер, тем легче и интереснее с ним работать, отец в разное время приглашал к себе Александра Калягина, Геннадия Хазанова, Александра Филиппенко и многих других прекрасных актеров. Но все они понимали, что на сцене рядом с Райкиным будут вторыми.

У папы были сложные отношения с некоторыми авторами. Никто лучше отца не знал тонкости его жанра. Если автор понимал требования театра, все было в порядке. А если выходил за рамки жанра, отцу это не могло нравиться.

Когда папа ушел из жизни, многие из тех, для кого он немало сделал, – неблагородные и завистливые – старались уязвить его, принизить талант и заслуги. Зная, что он не может ответить... Пошли на продажу самые низкие, мелкие и пошлые сплетни. Но больше таких, кого я помню с горячей благодарностью. Это авторы Райкина – Зощенко, Поляков, Хазин, Лиходеев, Жванецкий, Альтов, Мишин, Синакевич, Настроевы, Гинряры (Гиндин, Рябкин, Рыжов) и другие замечательные, талантливые люди, с которыми навсегда связана трепетная память об отце.

Аркадий Аи Айааеи ед Ы їсі ай неее

Фотографии из архива семьи Райкиных.

Диааеёу аеаааадеò Òííá ííááааеёе è дааеòеу еоёиòооу еи . А.Е. Даеёеіà çà ññääёёòаеá, їеаçаї í íá á í íáññòíáеá і аòадеаеá

НУЖНЫЙ МИНИСТР НА НУЖНОМ МЕСТЕ

Среди почти трех десятков министров израильского кабинета Авигдор Либерман занимает вполне определенное место. Этот 42-летний политик, репатриировавшийся из Кишинева чуть более двадцати лет назад, заставляет говорить о себе и в узких «коридорах власти», и в роскошных кафе северного Тель-Авива, и в пестроте базаров – этих индикаторов общественного мнения. Возглавляемая им партия «Наш дом – Израиль» недолго оставалась сугубо этнической, «русской» партией: сегодня она привлекает симпатии определенной части коренных израильтян.

Левая оппозиция обвиняла и продолжает обвинять Авигдора Либермана во многих политических грехах: в радикализме, в популизме, в «маниловщине» и излишней самонадеянности. Иные «знатоки» русской истории сравнивали его почему-то с Распутиным, неосмотрительно упуская из вида те жалкие исторические декорации, на фоне которых действовал этот проницательный мужичок с глазами психопата... Так или иначе, но никто из оппонентов никогда не упрекал Либермана в недостатке ума.

В обстановке вялотекущей борьбы с палестинцами и изнурительного политического застоя, когда фантазия наших политиков не выходит за рамки ветхой формулы «Бить или не бить?», министр национальных инфраструктур Авигдор Либерман выступил с перспективной программой кантонизации Палестинской автономии. При всей ее кажущейся утопичности эта программа обладает главным и несомненным достоинством: она начисто лишена половинчатости, характерной для других вариантов решения палестино-израильского конфликта. Разделение с палестинцами должно быть всецелым и категорическим – без поддержания «взаимовыгодных» экономических связей, включающих десятки тысяч палестинских чернорабочих на израильской территории, без финансового манипулирования и лукавых политических игр. Нам пора отдохнуть друг от друга...

Министр Либерман любезно согласился дать интервью журналу «Лехаим».

– Господин министр, между днем вашей репатриации и этим кабинетом лежит долгий путь. Что это за путь? Был ли он крут, труден, был ли увлекателен?

Испытывали ли вы и до репатриации стремление к политической деятельности? Или уже здесь, в Израиле, учась в Еврейском университете, вы ощутили тягу к политике – тягу, которая, в конечном счете, привела вас в это кресло?

– Я никогда не планировал занятия активной политикой – до того времени, пока в нее не вошел. Я стремился к научной, литературной карьере – но политика...

– Литературной – в каком смысле?

– Литературной, университетской. В те годы, «славные годы» товарища Брежнева, всерьез заниматься международной политикой в России было, естественно, невозможно. В Советском Союзе, помимо МГИМО, было еще два факультета международного права: один в Киевском университете, другой в Ленинградском. Я попытался подать документы в Киевский университет на международное право, но мне сказали: «Неужели вы не заметили, что наш университет носит имя Тараса Шевченко, а не Шолом-Алейхема».

– Это было в Киеве?

– Да, в Киеве, в 1976 году. Мне стало все ясно. Приехав в Израиль, я поступил в Иерусалимский университет, на факультет международных отношений, и благополучно его закончил.

– А литература?

– Еще в Советско

м Союзе я увлекался литературой, даже успел выиграть какой-то конкурс на лучшую пьесу. Этот конкурс проводила газета «Советская Молдавия». О чем пьеса? Пьеса о студентах, она была написана, как тогда было принято говорить, «по горячим следам своей студенческой жизни» – я учился в сельхозинституте, изучал мелиорацию, гидротехнические сооружения. Теперь, в министерстве инфраструктур, столкнувшись с теми же проблемами, я вспоминаю всю эту науку. Прежде всего, это относится к проблеме нехватки воды.

– Значит, пьеса стала первым и последним вашим литературным опытом?

– Первые годы в Иерусалиме я редактировал газету «Иерусалимский дневник», и это было главной сферой моих интересов. К политике я пришел, как говорится, волею случая – в Иерусалимском университете вспыхнули студенческие волнения; это было бурное время. В Гиват-Рама постоянно происходили студенческие беспорядки, потасовки. Показательно, что сегодня в кнессете, в нашем правительстве в определенной степени отражены те наши взгляды и отношения. Многие люди, принимавшие участие в тех событиях, пришли сегодня во власть. Это арабский депутат Бишара, который со мной учился, – мы с ним не один раз дрались в Гиват-Рама, это член кнессета Израэль Кац, это министры Цахи Анегби и Дани Наве.

– Дани Наве был вашим сокурсником в Иерусалимском университете?

– Он был моложе меня на год. Но, в общем-то, это все мое поколение... Гиват-Рам мне дал очень много. Это ведь совсем нелегко – привыкнуть к новой стране, войти с

порога в новую жизнь. Я начал работать поначалу по очень завидной профессии – грузчиком в аэропорту: таскал багаж новых репатриантов.

– **Возможно, мы там встречались. Я тоже работал в аэропорту на приеме новых репатриантов – носил и чемоданы, и коляски с детьми – что придется... Но у меня к тому времени была хорошая практика: в Москве, в отказе, я работал грузчиком – больше никуда не брали.**

– Настоящая, серьезная политика началась для меня примерно в 1983 – 84 году, когда я был назначен секретарем фракции «Ликуда» в иерусалимском муниципалитете. Я познакомился с Нетаньягу, начал работать его помощником, попал в его предвыборный штаб, мы выиграли выборы сначала внутри «Ликуда», потом выборы 1996 года – против Шимона Переса.

– **В России кое-что знают о вашем плане кантонизации Палестинской автономии, но никто не представляет себе толком, что это такое. Я хотел бы услышать об этом из первых уст и передать нашим читателям.**

– Все известные нам межнациональные столкновения, споры, схватки – они оборачиваются конфликтами затяжными, межрелигиозными и очень болезненными. Нет никакого универсального патента на решение этих конфликтов. Стоит только взглянуть на то, что произошло на Балканах, – я уж не говорю о Кавказе, об этом все сегодня говорят. Но ведь конфликты не утихают и в Северной Ирландии, и в Западной Европе. Те же ирландцы – это католики и протестанты, их противостояние продолжается вот уже столетие, и никакие попытки, никакие усилия не приводят к решению проблемы. Но это также и проблема басков, проблема валлонов в Бельгии... Я могу перечислить еще десяток. Но в нашем регионе межнациональный конфликт предельно четко накладывается на конфликт религиозный. Нужно понять, что реального решения тут быть не может, кроме одного – это полное разделение евреев и арабов, во всяком случае серьезное разделение между основной массой евреев и арабов. Любые другие решения являются утопией, маниловщиной, все эти призывы к совместному существованию не могут быть реализованы. Решения нет – есть только красивые лозунги, не привязанные к конкретной ситуации. Ведь не надо забывать о том, что речь идет об огромной массе нацменьшинства: сегодня арабское население внутри Израиля составляет двадцать процентов, а вне пределов Израиля – вместе с Палестинской автономией – достигает трех миллионов человек. А это – половина всего населения страны! Нужно понять, что такие факторы, как темперамент и жаркий климат, да еще вдобавок и религиозный фанатизм – все это делает «совместное существование» совершенно невозможным. Это вещи, о которых у нас боятся говорить прямо, открыто.

– **Иными словами, вы выступаете за решительное и категорическое разделение с палестинцами?**

– Да, несомненно. Вернемся к примеру Югославии. На Балканах, где произошло размежевание населения, где было применено военное решение конфликта, стало возможным политическое урегулирование. И так, военное решение – это попытка выяснить отношения, выяснить, кто есть кто. А там, где не было военного решения и последующего разделения населения, – там не было и политического урегулирования. Возьмем, например, Косово и Македонию – там просто идет затяжной конфликт без какой-либо надежды на его благополучное завершение. И я утверждаю, что в нашей ситуации мой план – единственно реалистичный план, в котором всё названо своими именами.

– **Значит, силовая операция и военное решение – это, по существу, преамбула к политическому урегулированию? Правильно ли я вас понял?**

– Безусловно.

– **Значит, мы должны прекратить болтовню и, вопреки всему, заняться делом?**

– Именно так.

– **Что вы скажете о самой кантонизации?**

– «Соглашения Осло» были абсурдны, поскольку преследовали абсурдную цель: создание единого целого из того, что единым целым никогда не было. Палестинская Автономия состоит из нескольких изолированных частей. Между сектором Газа и Иудеей и Самарией нет никакой территориальной связи. И попытка соединить ту же Газу с Иудеей и Самарией посредством какого-то коридора, который разрежет весь Израиль с юга на север, – ну это не рабочая схема! Все подобные коридоры раньше или позже рухнули. Западный Берлин, Данциг, Западная Германия – эти коридоры разваливаются.

В историческом плане палестинцы никогда не являлись единым целым, у них были разные проблемы. Скажем, Газа – это маленькая территория, там самая высокая в мире плотность населения, а Иудея и Самария пустынные: много земли, мало людей. Поэтому Газу нужно развивать, как Гонконг, – строить дороги, строить наукоемкую промышленность: развитие по вертикали. В Иудее и Самарии все наоборот: там нужно и можно развивать текстильную промышленность, сельское хозяйство – горизонтальное развитие. Я считаю, что самое разумное – это создание четырех независимых кантонов: отдельно Газа, отдельно Иудея, отдельно Самария, отдельно Иерихон. В конце концов, если мы дадим им автономию, там будут созданы свои органы самоуправления, и нам придется работать с ними напрямую, не с единым властным органом. Координация, властные структуры, какими паспортами в пределах своей конфедерации они будут пользоваться, какая будет система образования, кто будет проводить экзамены, как будет налажена система здравоохранения – все это нам следует взвесить самым тщательным образом.

– **По существу, Амман – вот центр притяжения в такой конфедеральной структуре, не так ли? Это отчасти напоминает связь швейцарских кантонов с Берном...**

– Да, полное административное самоуправление палестинских кантонов.

– **А Газа?**

– Для Газы было бы естественно договориться с пограничным Египтом, но Египет не хочет брать Газу с ее проблемами.

– **Значит, надо искать какой-то иной путь, если «коридор» не может стать решением проблемы?**

– Безусловно.

– Следовательно, план кантонизации это также и основа для дальнейших размышлений?

– Это как первый рабочий вариант, в котором вещи названы своими именами и в котором мы не убегаем от решения проблем. Это разумные решения, и они могут стать рабочими. Варианты, которые изобретались в роскошных замках Осло, в условиях ближневосточных реалий не срабатывают.

Совершенно ясно, что палестинцам нужно развивать свою собственную, независимую экономику. Все эти промежуточные варианты, когда они опираются на нашу экономическую систему, каждый день приезжают сюда работать – все это способствует раздвоению личности! Да ведь и мы сами считаем, что они террористы, мы их проверяем, обыскиваем, держим часами в полиции – а в своей среде их подозревают в симпатиях к Израилю, в сотрудничестве с ШАБАКом, Мосадом и прочее, и прочее... Они поставлены в очень конфликтную ситуацию. Поэтому палестинцам так важно создавать свою собственную экономику, свои собственные рабочие места. И это полностью возможно.

– Теперь коснемся темы, которая, я знаю, вам близка – Центральная Азия. С кем, по вашему мнению, нам следовало бы развивать и углублять отношения – с нашими ближними арабскими соседями или с центрально-азиатскими тюрками, также исповедующими ислам?

– В сегодняшней ситуации ни у кого не возникает сомнений, что наши геополитические интересы сосредоточены именно там, в Центральной Азии. Центрально-азиатский регион привлекает сегодня симпатии цивилизованного мира – американские самолеты будут пользоваться базами в Узбекистане, помощь Узбекистана, Казахстана, Киргизии в борьбе с международным террором неопределима. Разумеется, у нас есть прямой интерес развивать отношения со всеми этими независимыми государствами! Ведь они не пошли по пути фундаментализма, они отвергли экстремизм. Они предпочли дорогу общемирового развития и на равных вошли в мировое сообщество. Угроза этим режимам – не «сионистский заговор», как любили говорить в СССР. Сегодня и Израиль, и Запад, и свободные страны Центральной Азии сталкиваются с одними и теми же угрозами – со стороны талибов, со стороны радикальных исламских группировок в Чечне. Стоит только взглянуть на источники финансирования этих террористов, на военных инструкторов, на наемников – все они приехали с Ближнего Востока. Все Хаттабы, все прочие «товарищи» – из международного террористического Интернационала. И все они приехали отсюда.

– Получается, что политическая культура центрально-азиатских стран во многом похожа на нашу политическую культуру: эти страны готовы перенять демократический, европейско-американский опыт. То, к чему не готовы наши ближние соседи...

– Именно поэтому так много факторов ведут нас к сотрудничеству, даже трудно их все перечислить. Вот хотя бы один: готовность принять шкалу ценностей, которой пользуется сегодня все мировое сообщество. Вот еще один: у нас в Израиле проживает громадная община выходцев из Узбекистана – двести тысяч как минимум. Выходцы из Казахстана ненамного уступают нашим «узбекам» – огромное количество людей, которые хорошо знакомы с условиями и Израиля, и Центральной Азии. И это может нам многое дать в сфере экономики, в области культурных связей, природных ресурсов, мы готовы поделиться технологическими ресурсами, у нас есть финансовые возможности выхода на мировой рынок, знание маркетинга Запада. Надо сказать, что все эти предпосылки для сотрудничества никогда не были реализованы должным образом.

– **Есть основания предположить, что все это будет реализовано?**

– Такие основания есть.

– **Ни для кого не секрет, что каждый солдат носит в ранце маршальский жезл. Есть ли у вас, господин министр, желание взять на себя бремя и ответственность руководства страной?**

– При нашем темпе жизни, при всех наших политических и военных коллизиях планировать – бесполезное занятие. Человек предполагает, а Б-г располагает. Работая сегодня в политике, я пытаюсь сделать то, что могу, по максимуму. Это как в машине – давишь на педаль газа и, пока есть бензин, ты едешь. Все политики делятся на две категории: для одних политика это опция, для других – обстоятельство. Я отношусь к первой категории.

– **Всякий человек стремится к максимальному самовыражению. Всецело ли вы удовлетворены вашей жизнью в политике, политическим существованием?**

– Что значит – «всецело»? Меня очень волнует все, что происходит у нас в стране, мне обидно было бы потерять то, что было построено за 50 с лишним лет. Один мой знакомый говорит: «Оставь глупости, надо все бросить и позвать англичан обратно». Теоретически можно рассуждать на эту тему, но очень не хочется прибегнуть к этому британскому варианту!

– **И последнее. По всей видимости, самое основное, что объединяет евреев вообще – и в Израиле, и в диаспоре – это наша история. История – это тот клей, который склеивает нас в народ. И вместе с тем, масса вещей нас разделяет, разъединяет и мешает нам. Ваша точка зрения: что лишнее нужно убрать из глыбы мрамора, чтобы получилась прекрасная фигура?**

– Я так не думаю. Я считаю, что нас объединяет наша солидарность, общемировая еврейская солидарность. Она и внутри Израиля очень высока. Да, конечно, есть у нас разные проблемы и трения, но главная наша сегодняшняя проблема – отсутствие лидера. Нам необходим серьезный и ответственный национальный лидер. Сегодня такого лидера у нас нет. Последние двадцать лет мы переживаем затяжной кризис, кризис лидерства...

– **А кто был последним настоящим лидером?**

– Менахем Бегин.

Ááááá ááé Áááéä Ì áðééø

ПОДНЯВ ЗАБРАЛО

Øëîî î Äëäääé

Не успели высохнуть брызги шампанского, откупоренного и выпитого по поводу наступления третьего тысячелетия, как просвещенный мир был поставлен перед новой проблемой: международным разветвленным террором. Сегодня мало у кого вызывает сомнение тот факт, что борьба с этим явлением станет в обозримом будущем направлением главного удара мирового сообщества – или, по крайней мере, значительной его части. Поле битвы очерчено географическими границами Центральной Азии и Ближнего Востока – именно здесь, в родовом гнезде современной цивилизации, выросли птенцы нынешнего террора, эти драконы о семи головах.

Идеи политического терроризма принято приписывать русским необузданным идеалистам-анархистам – Бакунину, в меньшей степени Кропоткину. Это неверно. Уж если искать камень отсчета на кровавой тропе, уводящей вглубь времен, то пытливый искатель непременно споткнется о «Старца горы» Хасана Саббаха. Этот «старец», чья судьба самым драматическим образом переплелась с судьбой гениального Омара Хайяма, жил и разбойничал в 11 веке.

Взяв, как нынче принято говорить, на вооружение религиозную идеологию сирийских исмаэлитов, Хасан Саббах развернул в Персии разветвленную террористическую сеть и приступил к боевым действиям. Ставка Саббаха располагалась на горе Аламут – откуда и его прозвище «Старец горы». На Аламуте хитромудрый Саббах воздвиг действующую модель мусульманского рая со всеми его атрибутами: барышнями, вкусной едой. Там, «в раю», Хасан Саббах готовил ассасинов-самоубийц, беспрекословно выполнявших приказы своего шефа. «Ассасин» – это слово, не заржавевшее до наших времен, – означает либо «гашишник» (от «хашишин»), либо просто «убийца». Впрочем, одно другому не противоречит: перед командировкой на райские лужайки Саббах накачивал своих ребятков наркотиками. Оклемавшись, они обнаруживали все то, о чем мечтать не могли «внизу, на черной земле». Ребятки, как правило, были склонными к фанатизму выходцами из нищих семей. Отведав сладкой райской жизни, они стремились

лишь к одному – вернуться обратно в «рай». Путь туда вел через убийство кого-либо из политических противников Хасана Саббаха, и молодые террористы готовы были с радостью и нетерпением «замочить» кого угодно: шаха, улема. За это Саббах гарантировал им вечную сладкую жизнь... Так погиб и Малик-шах – покровитель Омара Хайяма.

Как видим, за тысячу лет мало что изменилось в практике ближневосточного фундаменталистского террора. Вместо ставшего легендарным «Старца горы» здесь расплодилось немало ушкуйников, вербующих самоубийц среди нищих обитателей лагерей беженцев и неуравновешенных студентов исламских университетов. По самым скромным подсчетам израильских спецслужб не менее трехсот камикадзе готовы надеть на себя взрывпояс или сесть за руль начиненного взрывчаткой автомобиля. Один миг – и вот уже семьдесят две нежные девственницы ублажают святого шахида в тени райских кустов... Мошенникам, занимающимся вербовкой самоубийц в окрестностях Газы и Дженина, далеко до Хасана Саббаха в его горном дворце. Единственный, кто может сравниться с сообразительным и богатым старцем, – это Усама бен Ладен, «террорист №1». Пожалуй, он вопьется в неподатливый ствол Истории столь же глубоко, как его аламутский предшественник, если не глубже.

Хотим мы того или нет, но появление на мировой сцене такой знаковой фигуры, как бен Ладен, кардинально изменило привычный чертеж нашего существования. Этот одержимый, пророчествующий с телевизионных экранов, подобен неизвестному опаснейшему вирусу, борьба с которым ведется по ходу действия, методом проб и ошибок. Даже делая существенную скидку на эмоциональность журналистов и просто краснобаев, можно признать, что террористическая сеть бен Ладена распространилась на десятки стран в разных концах мира. Это не значит, что страны бьются в этой сети, как рыбы в сачке, – но опорные пункты аравийца с задумчивыми глазами маньяка поразили тела государств подобно нарывам. И до событий 11 сентября западная демократия в рамках своих либеральных законов терпела пульсирующую боль, вместо того чтобы прижечь воспалительные образования или, еще лучше, решительно их вырезать.

Терпел их и Израиль – но только не по причине излишнего либерализма. В новых обстоятельствах, сложившихся в наше время, израильские руководители не могут позволить себе повторить вслед за Бен-Гурионом знаменитую фразу: «Неважно, что говорят гои, – важно, что делают евреи». Да и политический раскол в израильском обществе – раскол, во многом подогреваемый стремлением к власти, – не служит на пользу дела. Однако главной причиной нашей вялотекущей реакции на вопиющие акты террора с использованием самоубийц являлось жесткое и настойчивое нежелание мирового сообщества прослыть «негуманным» и «антилиберальным» в собственных глазах, да и в глазах Третьего мира тоже. И за это, мягко выражаясь, эгоистическое стремление в Израиле вынуждены платить высокую цену.

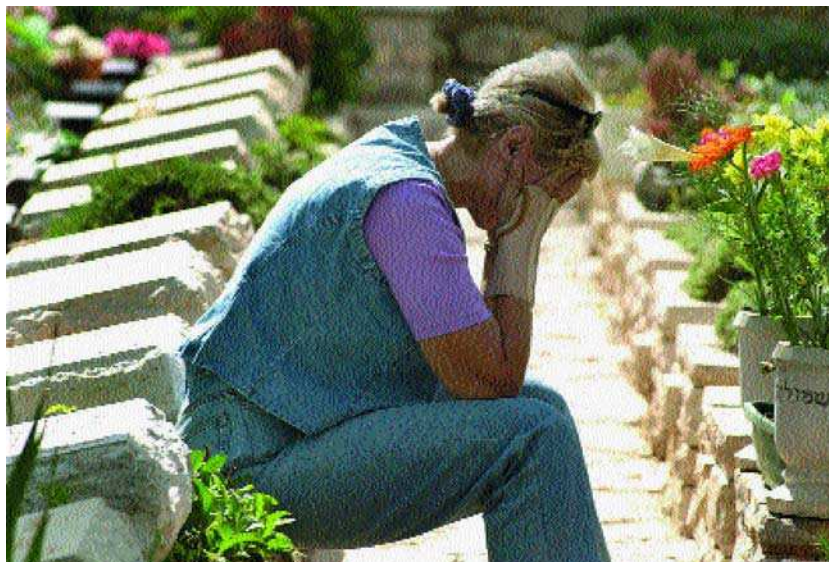
11 сентября – не только день крушения башен нью-йоркского Торгового центра. 11 сентября – День крушения приправленных мистикой надежд человечества на мирную и спокойную жизнь в двадцать первом столетии. Вместе с прошлым веком закончилась львиная эпоха организованного и отчасти уже привычного противоборства сверхдержав – и началась волчья эпоха индивидуального разбоя. Наш поезд прибыл на конечную остановку, дамы и господа, просьба освободить вагоны!

Прав президент Путин, заявляющий, что время нынче идет куда быстрее, чем прежде, и глаз еще не приспособился адекватно реагировать на происходящие изменения; можно сказать и так. Действительно, армия, спецслужбы и питающая их государственная

административная система оказались неподготовленными к диким налетам наследников Хасана Саббаха хотя бы потому, что происшедшее было не представимо: горстка оборванцев, вооруженных ножами, решила атаковать самый укрепленный бастион современного мира. Еще немного – и был бы разрушен вашингтонский Белый дом, ватиканский собор Св.Петра, парижская Эйфелева башня... И эта бандитская операция устрашения, несомненно, парализовала бы Западный мир, лишила бы его воли к немедленному жесточайшему сопротивлению.

Предоставим психологам, историкам и богословам разбираться в том, вполне ли нормальный человек Усама бен Ладен и хороший ли он мусульманин или плохой. Однако люди из его шайки взрываются с воплем «Аллах акбар!» на устах, а не со смиренным обращением, скажем, к Иисусу Христу; было бы легкомыслием пропустить это озвученное обстоятельство мимо ушей. Воинствующий Ислам вышел на бой с Западной иудео-христианской цивилизацией, и тот факт, что сам бен Ладен в его белом тряпье и его подручные в Иудее, Чечне или на Балканах принадлежат к ваххабитскому ответвлению этого вероучения, не имеет основополагающего значения. Главное в том, что локальные на первый взгляд войны, развязанные мусульманскими радикалами, направлены не на поддержку сепаратистов, а – в первую очередь – на завоевание «жизненного пространства» на Севере и насильственное утверждение там учения пророка Магомета. Рассуждения о борьбе бедных с богатыми за экономическую справедливость – не более чем популистский словесный мусор: смешно называть родину Ислама – ближневосточные пески с их нефтью – бедными странами, неспособными существовать без агрессивных набегов на соседей.

В этом контексте взаимоотношения Израиля и его мусульманского окружения выглядят довольно-таки тревожно. В нашем положении не следует зарывать голову в песок – можно запылить глаза и утратить остроту зрения. Во всех без исключения мусульманских странах Ближнего Востока существуют радикальные религиозные группировки, призывающие к уничтожению Израиля и по мере сил и возможностей действующие в этом направлении. И какая нам разница, с кем они борются и кого собираются спихнуть в море – сионистов или вообще евреев! Это разделение на «сионистов» и «евреев», столь популярное в мусульманской среде, лишь пропагандистский трюк, рассчитанный на дураков: конечная цель джихада, направленного против государства Израиль, это возвращение Ислама как господствующей религии на территорию между Средиземным морем и рекой Иордан. Чем такое возвращение грозит «лицам еврейской национальности», ясно видно и без очков.

Говорят: «Два еврея – три мнения». Да хоть бы и четыре! Но после террористического нападения на американцев израильтяне сходятся во мнении, что наша ситуация изменится к лучшему, что всемирная война с терроризмом, в которую наш вклад – в той или иной форме – будет куда как не последним, приведет, наконец-то, к устранению антиеврейской угрозы на Ближнем Востоке. И то, что нас не зовут принять участие в оперативных действиях антитеррористического альянса, вызывает лишь чувство досады: мы такое уже проходили в 91-м году, во время войны в Персидском заливе. Сирию зовут, Палестинскую автономию зовут, а нас не зовут... И вместе с тем, в Израиле прекрасно отдают себе отчет в том, что международная террористическая сеть, которой президент Буш объявил войну, не может быть разрушена без уничтожения ее ячеек – Хизбаллы, Хамаса, Исламского джихада. Это наши главные враги, у нас с ними свои счета. И, поскольку крылатые томагавки едва ли накроют их штабы в Бейруте, Дамаске и Газе, именно нам, надо думать, придется заниматься их судьбой. Мы и займемся, только б нам не мешали!

А дальше? Палестино-израильская проблема не будет решена с исчезновением шейха Насраллы или шейха Ясина, скрючившегося в инвалидном кресле. Да и уход Ясира Арафата в политическое или биологическое небытие мало что изменит. Палестинцы как живут у нас под боком, так и будут жить. Но ведь не один Захир-шах готов вернуться в Афганистан из вынужденной эмиграции! Есть и в палестинской диаспоре здравомыслящие люди, готовые послужить своим соплеменникам, и имена этих людей известны. Суть в том, что палестинское общество, доведенное до точки кипения авантюристами-политиками и разбойниками-террористами, нуждается в смене ориентиров. Подогреваемая всеми средствами ненависть к Израилю – плохой маяк: палестинское государственное судно, держащее на него путь, разобьется о скалы. Налаживание же с палестинцами относительно нормальных связей – без террора, без передачи им Храмовой горы, без возвращения беженцев – возможно в долгосрочной перспективе. Но для осуществления этой цели, вне всякого сомнения, следует безотлагательно провести хирургическую операцию по искоренению террора в регионе. 11 сентября это стало ясно всему цивилизованному сообществу.

Это – в перспективе, а покамест израильтяне в ожидании скадов с неконвенциональными боеголовками из Ирака или Сирии расхватывают противогазы, как горячие пирожки. При этом в панику никто не ударяется: «Береженого Б-г бережет! Запасемся на всякий случай!» И улыбаются несколько смущенно... Но и ракетный удар, если он будет нанесен, мало что изменит в рамках общемирового плана борьбы с террором – только приблизит его развязку. Можно предположить, что даже «багдадский мясник» Саддам Хусейн об этом догадывается. Догадался же он десять лет назад, что первая же ракета, начиненная «химией», вызовет ответный израильский удар, и удар этот снесет город Багдад с лица земли. Правда, догадаться было не так-то уж и трудно: по сообщениям западных СМИ, израильское правительство направило Саддаму сообщение, в котором совершенно недвусмысленно говорилось о возможном ракетно-ядерном ударе по иракской столице.

Противогазы противогАЗами, но о переходе вялотекущей интифады в большую израильскую войну сегодня мало кто говорит. Американская атака Афганистана не вызовет ответной цепной реакции: мусульманский мир напуган, свидетельством тому повальное бегство афганцев в горы, а еще лучше в Пакистан. Если до 11 сентября воевать нам было не с кем, потому что враг был рассеян и существовал как бы в распыленном состоянии, то нынче воевать не с кем, потому что отчетливо выяснилось: враг – это весь необъятный исламский мир, и вести с ним классическую «войну по правилам» практически невозможно в силу сугубо объективных причин. Это ясно и нашим

«ястребам», и «голубям», и «львам», и «агнцам». Поэтому нам остается лишь держать порох сухим и терпеливо ждать развития драматических событий, связанных с мировым походом против террора.

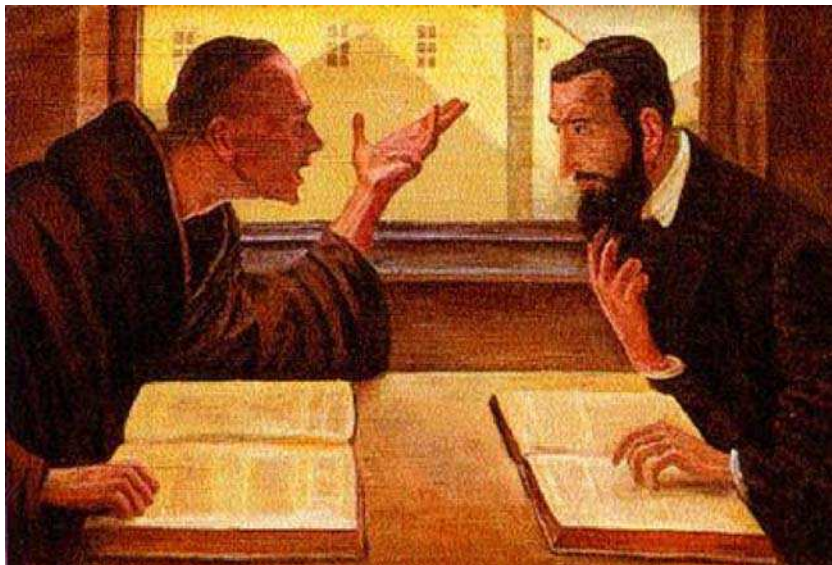
Президент Буш назвал этот поход крестовым. Хочется думать, что это не более чем фигура речи. Крестовые походы явились довольно-таки нелепым предприятием, не принесшим ощутимого успеха, но зато обильно расплодившим авантюристов, мошенников и мародеров. Крестоносцы в конце концов вернулись восвояси, аккуратные черные камни, из которых были сложены их крепости, можно обнаружить сегодня в кладке многих построек Иерусалима, Акко или гористой Верхней Галилеи... Никак не хочется, чтобы неприятные уроки средневекового прошлого повторились. Поэтому куда логичней и продуктивней было бы, подняв забрало, назвать вещи своими именами и открыто заявить о том, что мировое сообщество вступает в борьбу с воинствующим, агрессивным ответвлением Ислама, угрожающим западной цивилизации. Эта борьба не на жизнь, а на смерть, потому что беспрепятственное развитие так называемого фундаменталистского терроризма ведет мир к катастрофе и хаосу. Точка.

Но эта фраза еще не произнесена, и точку ставить рано.

У НЕИССЯКАЕМОГО ИСТОЧНИКА ВЕЛИКОЙ НЕНАВИСТИ

Èàçàðì Ôéééòì àí

*Èçðàèëÿ àáÿ ñò àçàé :óááñ íé
Á-ññ íáü çàðàç ááá :óáà ññ ò áí ðèé.
Í ò ááðç óñò à íñèèòá ááññéí ááññ íé
È áí áí ðè ò ü í ðí ðí éó çáí ðàò èé.
Áàèèéíá áðÿáóíáá ò àèéíññ
Á ñèèò :óááññò í áðáí íá :àèüí ùò áí áé
È í ú í á èàçí ü Ì í ááá ññ ááðè èéáññí-
Óáú! - í áá áááí íé ðí äé í íé ì í áé.
Áñí èí á, Ðóññ ò ù ááñññ ù áááí ù ì ðí èí ì,
Óí òÿ çà áñáò èí íé, ÷áí Áèèááí,
Çàáðàèèááí ù óñò à ò áí èí ì ðí ðí èáí,
È ññíáí áí èüí í á ááí í ò áí èí ì ññáí.
Áé. Ñí èí áááá*

Не сказал Вл. Соловьев, кого он имел в виду под «ослами». Может быть, мы сможем сами понять сие и даже то, почему «гонима Русь роком беспощадным», если ознакомимся с замечательной по своей бессовестности большой работой А. Мельского «У истоков великой ненависти» с примерным для конца XX века подзаголовком – «Является ли антисемитизм признаком некультурности.»* Но следует ли откликаться на каждую, на любую антисемитскую статью? Думаю, что правильно придерживаться срединного пути, рекомендованного нам Рамбамом. Не следует оставлять без ответа прежде всего те публикации, авторы которых претендуют на интеллектуальность и нередко действительно являются таковыми. З. Жаботинский много раньше Лессинга, автора термина «самоненависть», писал: «Наша главная болезнь – самопрезрение, наша главная нужда – развить самоуважение: значит, основой нашего воспитания должно быть самопознание».

*Сборник. Ф.М. Достоевский. «Еврейский вопрос». Изд. «Витязь». 1998. Статью Достоевского изложили всего на 16 стр., а статью Мельского – на 31 странице.

Вместе с познанием действительно исчезают комплексы, но даже Зеев Жаботинский на смог предвидеть, что вместе со знаниями в нашем народе появятся те, кого ныне называют новыми историками.

Ксенофобия и ее особая форма – антисемитизм – однажды возникнув и созрев, превратились в неиссякаемый источник ненависти и иррациональной вражды. Антисемитизм – болезнь хроническая, очень редко излечимая (Г. Форд, М. Салтыков-Щедрин, Н. Лесков, В. Розанов), с временными ремиссиями в скрытой форме, легко переходящая в пандемию. Именно в такой форме и протекает болезнь в нынешней России, и указанная статья г-на Мельского и особенно весь сборник – лучшее, достаточное тому подтверждение.

Г-н Мельский, просвещая читателей, пишет:

«Иудаизм есть религия **ненависти и мести**, христианство есть религия **любви и всепрощения**. Жестокий, кровожадный и лживый образ еврейского племенного бога Я-г-в-е несовместим с христианским пониманием любвеобильного бога истины. И пусть те христиане, которые продолжают верить преступному обману евреев и одурманенных ими христианских богословов, вдумаются в слова Христа, обращенные к иудеям: **“Если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы меня... Ваш отец дьявол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего: он был человеко-убийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины; когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи”**. (Евангелие от Иоанна, 8, 42-44)»...

Проверил – цитата точная. Представляется интересным отметить, что в синодальном издании Библии рекомендуется начинать изучение Библии не с Ветхого Завета, и даже не с первого Евангелия от Матфея, а с процитированного четвертого Евангелия от Иоанна, ибо оно – самое антииудейское. И несмотря на желание г-на Мельского пресечь попытку защититься, призывая христиан не верить «обману евреев и одурманенных (выделено мной. – Л.Ф.) ими христианских богословов», обратимся к другим каноническим Евангелиям. Евангелист Матфей:

«Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела, и прославляли Отца вашего Небесного». (5:16). Что же получается? Еврей Иисус Христос говорит устами еврея-евангелиста Иоанна евреям из народа, что «Если бы Б-г был Отец ваш, то вы любили бы меня... Ваш отец дьявол...», и тот же Иисус Христос говорит устами другого еврея-евангелиста Матфея тем же евреям из народа, чтобы они «добрыми делами прославляли своего Отца Небесного». Добавим, что утверждение евангелиста Иоанна отсутствует и у евреев-евангелистов Марка и Луки. Более того, отсутствует и во всех посланиях всех Святых Апостолов. Откуда взялось такое серьезное противоречие? Ученые-библеисты считают, что Евангелия многократно переписывались и изменялись. Нужно лишь вспомнить, что христиане в течение почти трех веков жестоко преследовались языческим Римом.

А иудаизм, наоборот, одно время пользовался симпатиями у язычников Рима. Отсюда и потребность опорочить и иудаизм, и евреев. В угоду этому и переделывались Евангелия. Разобраться в этом стало невозможно. Даже в пределах одного Евангелия существуют серьезнейшие противоречия.

Французы говорят: «Понять – это значит привыкнуть». Так оно и бывает.

А в христианстве? К какому Иисусу Христу привыкнуть и, следовательно, какому верить?

К тому, который говорит, повелевая: «Возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут» (Матф., 26:52).

А может быть, к тому, который утверждает нечто другое, даже противоположное: «Не думайте, что я пришел принести мир на землю; не мир пришел я принести, но меч; ибо я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее...» (Матф., 10:34). Но г-на Мельского интересует не это, у него другая сверхзадача. И сводится она к отделению «иудаизма – религии ненависти и мести» от «христианства – религии любви и всепрощения». И это отделение должно произвести так, чтобы иудаизм перестал быть монотеистической религией.

Вот для этого и потребовалось Б-га евреев объявить племенным и к тому же «жестоким, кровожадным и лживым». А так как миллиард христиан знают, что их религия связана с Ветхим Заветом, хотя и не знают в большинстве своем, что первые христианские общины состояли лишь из евреев, что все Святые Апостолы Христа Евангелисты были евреями, то этим христианам г-н Мельский и говорит, что их «преступно обманули евреи и одурманенные ими христианские богословы», но это лишь часть решаемой им задачи. Другой частью ее, еще более важной, является «изучение исконных свойств еврейской души».

Г-н Мельский уведомляет:

«Мы ограничимся приведением некоторых характерных мест обширного материала Библии, рассматривая их с точки зрения изучения исконных свойств души». И добавляет:

«Первое, что бросается в глаза при чтении библейских текстов, это страстная и жестокая ненависть евреев к другим народам, подлинная кровожадность, соединенная с циничным эксплуататорским паразитизмом».

В доказательство приводит цитату из Торы, из ее второй книги Шмойс-Исход: «В полночь Г-сподь поразил всех первенцев в земле Египетской, от первенца фараона, сидевшего на престоле своем, до первенца узника, находившегося в темнице, и все первородное от скота (12:29)». Тем временем евреи уже приготовились в дорогу «и просили у Египтян вещей серебряных и вещей золотых и одежды.

Г-сподь же дал милость народу своему в глазах Египтян; и давали они ему, и обобрал он Египтян» (12:26). Слово «обобрал» из Торы – я проверил. Такими были нравы и не только 3313 лет назад, а даже всего-то 200-300. И у всех народов. И российский – не исключение. Ведь прежде чем пойти в грабительский набег, молились богам, чтобы поход был удачным, добыча богатой. А можно и пошутить: Всевышний просто сыграл роль профсоюзного забастовочного комитета, востребовавшего таким оригинальным способом зарплату за сотни лет рабского труда. Да и способ-то вовсе и не оригинальный, а один из многочисленных случаев исполнения большевистского лозунга “грабь награбленное”. Но самое интересное, ибо в корне, в основе опровергающее взгляд «христианина» Мельского, содержится в Коране: «Мы избавили сынов Исраила от уничижительного страдания, – от фараона... Мы по своему ведению избрали их Себе из всех ведомых народов... Сколько оставили они садов, источников, засеянных полей, превосходных жилищ, и прочих удобств, какими они веселились!» (перевод Саблукова, 1907. Сура 44, стихи 29, 30,31, 24, 25, 26).

Не племенной Б-г иудеев – Аллах-Всевышний и вывел евреев из Египта, и избрал их Себе, и знает то, сколько и чего там оставили. Стало быть, не только христианство, но и ислам признает участие и повеление Всевышнего в том, что осуждает «христианин» Мельский.

Г-н Мельский приводит еще один пример жестокости евреев.

«Тех из среды Израиля, которые отрицают Тору и пророков, велено убивать (Маймонид приводит три категории людей, которых следует причислять к “отрицающим Тору” при толковании этого закона; в третью категорию входят христиане и мусульмане). Если имеется достаточно силы, то так и следует поступать».

Маймонид – в еврейской традиции Рамбам – один из авторитетов иудаизма. Без адресной ссылки найти и проверить невозможно. Но вчитавшись, нетрудно понять, что речь у Маймонида-Рамбама идет не о любых христианах и мусульманах, а лишь о тех, кто стал отрицать (!) Тору. Стало быть, сначала признавал Тору, следовательно, был иудеем, а потом перешел в христианство или ислам. Вот за это бывшим иудеям полагалась смерть. Но разве такая жестокость свойственна лишь иудеям? Кто думает, как г-н Мельский, пусть увидит костры инквизиции и пепел тысяч и тысяч еретиков. И костры, на которых в муках корчились и православные за субботничество или за отказ креститься щепотью. А уж ежели православный переходил в иудейство...

Вот факт, приведенный Вл. Соловьевым: «Многим из наших читателей, вероятно, будет интересно, хотя едва ли утешительно, узнать, что в 1738 году в Петербурге были сожжены на костре еврей Лейба Борухов и флота капитан-лейтенант Возницын за то, что первый из них обратил второго, посредством разговоров, в еврейство». А капитан- лейтенант Возницын был не просто офицером императорского флота России, но и родным племянником вице-канцлера П. Возницына. Но и такое высокое родство не смогло спасти его от костра. И произошло это ровно через 534 года после смерти Маймонида-Рамбама в царствование императрицы Анны Иоановны. Но, может быть, такое в XVIII веке могло произойти лишь в отсталой и жестокой России?

Отнюдь. В просвещенной Франции через 24 года после события в Петербурге в царствование Людовика XV во времена Руссо, Вольтера, Дидро и других в 1762 году был казнен колесованием гугенот Жан Калас, неправоммерно обвиненный в убийстве сына с целью помешать его переходу в католичество. Для полноты картины напомним и случай, рассказанный католиком Малколмом Хэем: «Никто не помнит, что случилось с достопочтенным архиепископом из Оранто, когда там в 1480 году высадились мусульмане. Более половины жителей этой области были казнены мучительной смертью, а оставшихся увели в рабство. Престарелого архиепископа распилили надвое». («Кровь брата твоего». С. 205). А вот г-н Мельский не захотел, вернее не смог привести ни одного случая убийства иудеями христиан или мусульман. Не приводит же примеры с христианскими младенцами – даже некоторые папы римские отвергли эти обвинения. Истории известно «Дамасское дело» 1840 года, когда в убийстве католического монаха и его слуги-мусульманина были обвинены евреи. Но судом-то они были оправданы. Так же, как и М. Бейлис в 1913 году.

Но вернемся к Маймониду-Рамбаму, труды которого были неправоммерно истолкованы г-ном Мельским, но которые еще и сегодня представляют интерес. И не только исторический. Когда Рамбаму было 13 лет, мусульмане, правители Испании, где жила его семья, предложили евреям либо переход в ислам, либо смерть. Некоторые семьи перешли в ислам, другие предпочли смерть, а семье Рамбама удалось бежать, что и спасло его. Может, поэтому он подробно описывает «технологии» принятия язычников в иудаизм, делая упор на добровольность. Рамбам писал: «Когда язычник является с целью стать прозелитом, и члены суда проверяют его и заключают, что у него нет задней мысли, они должны сказать ему: “Что ты такого увидел (в еврействе), что пришел перейти в еврейство? Разве ты не знаешь, Израиль ныне жестоко скорбит, утеснен, унижен, смятен и что беды преследуют его?” Если он ответит: “Знаю, и я не достоин” – его немедленно принимают (в прозелиты)»... «Затем ему надо рассказать о наказании за нарушение предписаний. Суд должен сказать ему: “Да будет тебе известно, что до перехода в эту веру, если ты ел запрещенный жир, ты не навлек на себя наказание истреблением; если ты осквернял субботу, тебя не наказывали побитием камнями. Но теперь, став прозелитом, если ты съешь запрещенный жир, ты навлечешь на себя кару истребления, и если ты осквернишь субботу, ты навлечешь на себя наказание побитием камнями”. Если он передумает и не пожелает принять еврейство, пусть идет своим путем». («Избранное». С. 110, 111).

Для сравнения, пожалуй, есть резон рассказать и о явном случае насильственной христианизации, тем более, он интересен еще и тем, что связан с именем великого мореплавателя Магеллана. В 1521 году он высадился на филиппинском острове Себу. Уговорил вождя племени по имени Лапулапу принять христианство. Затем потребовал, чтобы все племя перешло в новую религию, оно отказалось. Тогда Магеллан прибег к испытанному средству – огню и мечу. В сражении Магеллан погиб. А на острове этом ныне стоят «два памятника» – вождю Лапулапу и Магеллану.

А неужто в истории иудаизма не было ни единого случая насильственной иудеизации языческих народов? К сожалению, был один. За 16 веков до Магеллана. В Иудее, в Хасмонейский период, при царе Иоханане Гиркане было завоевано царство Эдома, жители которого – эдомитяне или идумеяне – были принуждены принять иудаизм. И произошло это в конце XI века до н. э. А в 37 году до н. э. царем Иудеи стал Ирод Великий, представитель этого народа, правивший весьма жестоко. И жестокость эту еврейская традиция рассматривает как наказание Г-сподне за насильственную иудеизацию

народа Ирода. А в России? Читаем у историка Иловайского: «Добрыня крестил мечом, а Путята – огнем».

Продолжая изучение «исконных свойств еврейской души», г-н Мельский утверждает:

«По свидетельству ученых исследователей древнего еврейства, как проф. Шарль Пикар, евреи веровали, что Ие-го-ва любит запах крови и паленого человеческого мяса. Иерусалимский храм был, согласно древнееврейскому писанию, грандиознейшей бойней всех времен: пол его так был залит кровью приносимых в жертву животных, что жрецы ходили “по щиколотку в крови” и принуждены были “приподнимать края одежды”». Древнее еврейство – это какие времена, какие века? Если вторая половина VIII века до н.э. – времена древние, тогда утверждение г-на Мельского вряд ли может быть признано истинным, ибо Всевышний устами пророка Исаяи с негодованием отверг жертвы и призвал: «К чему мне множество жертв ваших? Я пресыщен всесождениями онов... и крови тельцов, агнцев и козлов не хочу... И когда вы простираете руки ваши, я закрываю от вас очи мои, и когда умножаете моления ваши, я не слышу; удалите злые деяния от очей моих; перестаньте делать зло. Научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту; вступайтесь за вдову». (Исайя, 1:11-17).

А понадобилось углубиться во времена трехтысячелетней давности главным образом для обоснования нового тезиса: «Традиции этого кровавого культа дошли до нашего времени в виде ритуального убоя скота. Как известно, правоверный еврей ест только “кошерное” мясо, т.е. мясо животных, умерщвленных особым, до мельчайших подробностей установленным способом. Убой этот, при котором животное, поддерживаемое в стоячем положении, медленно истекает кровью под ударом особых колющих орудий, сам по себе является отталкивающей жестокостью».

Странно и удивительно. Ведь только невежда не знает, что главное требование к кошерности мяса в том, чтобы оно принадлежало животному, смерть которого наступила внезапно и мгновенно, чтобы животное не страдало, чтобы оно не успело даже испугаться. Ибо только в этом случае в мясе не будет вредных для здоровья веществ, которые выделяются при страдании и даже при испуге. И, конечно, мясо должно быть обескровлено, ибо в крови – душа. Проскользнула мысль – как повезло евреям, что коррида – убийство быков, убийство как зрелище, именно колющими орудиями – является частью испанской, а не иудейской культуры. Вот когда удалось бы на славу потешиться борцам с еврейской жестокостью. А уж коль коррида – принадлежность христианского народа, то и забыть можно. Но еще больше возмущает г-на Мельского иудаизм, согласно канонам которого «...иудею разрешается ... лгать акуму (по Мельскому – любой нееврей. – Л.Ф.), а также приносить перед судом ложную присягу и клятву .., ибо согласно их верованию Ие-го-ва ежегодно в день праздника “Иом Купир” (так назван он Мельским. – Л.Ф.) расторгает и делает недействительными все клятвы, данные за истекший год сынами избранного им народа». Так полагает г-н Мельский и продолжает: «Вот текст поющей в этот день молитвы “Коль – нидро”, занимающей одно из центральных мест в иудейском религиозном культе: “Во всех обетах, отречениях... также во всех клятвах, дня примирения до следующего дня примирения, который да настанет на наше благо, – мы сим каемся во всем. Да будут все они расторгнуты, бессильны, недействительными, сняты с нас и уничтожены навеки. Да не будут наши обещания – обетами; от чего мы отреклись, да не будут отречениями; в чем клянемся, да не будут клятвами”. Совершенно беспримерный случай религиозного допущения (если не оправдания) того, что

нееврейским сознанием осуждается, как тягчайший грех клятвопреступления!» (выделено Мельским. – Л.Ф.) Что ж, проверим и убедимся, что и в этом случае г-н Мельский, мягко говоря, ошибся. Для начала проверим эту молитву “Кол Нидрей” по русско-ивритскому молитвеннику 1897 года, напечатанному еще с ятями и твердым знаком. Текст дается на обоих языках.

Верно, что иудеи просят Всевышнего сделать недействительными все обеты, клятвы и прочее. Но ничего не сказано ни о каких акумах... Зато в продолжении молитвы в Йом Кипур – для отпущения – иудеи просят Всевышнего о прощении не только сынам Израиля, но и «ПРИШЕЛЬЦАМ» (выделено мной. – Л.Ф.). Вот этот текст.

И для тех, кто действительно читал Тору, в этом нет ничего удивительного, ибо Всевышний многократно повелевает заботиться о пришельцах, но об этом будет говориться ниже. А сейчас еще отметим, что переводчик молитвы «Кол Нидрей» дает очень важное примечание: «По постановлению раввинов, здесь говорится об обетах, заайках и проч., которые мы совершаем необдуманно, легкомысленно или при таких обстоятельствах, по которым мы тому принуждены; но отнюдь мы не можем считать недействительными те, которые мы совершаем обдуманно, при здравом рассудке и без всякого к тому принуждения. Также клятвы, сказанные здесь, как и вышеупомянутые обеты, заайки и проч., относятся лишь к своей личности, а отнюдь не подразумеваются в них присяги, налагаемые судом. Эти никоим образом не должны быть нарушены, так как ими обуславливается общественное благосостояние». И иначе не могло быть, ибо в Торе содержится следующее повеление: «Что вышло из уст твоих, соблюдай и исполняй так, как обещал Г-споду Б-гу твоему, добровольное приношение, о котором сказал устами своими» (Дворим-Второзаконие, 23:23). А для иудея, правоверного еврея, нет священных текстов выше Торы. Стало быть, ни один другой не может ей противоречить. Но г-н Мельский, считая себя христианином, не знает и Новый Завет. А иначе бы ведал, что сам Иисус Христос знал, что иудаизм требует соблюдения клятв: «Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Г-сподом клятвы твои. А я говорю: не клянись вовсе...» (Матф., 5:33-34).

Г-н Мельский, возможно и не осознавая, по-видимому чувствует, что в иудаизме сокрыта некая мощь, некая сила, определяющая притяжение к нему людей. Тех людей, чьи души требовали справедливости и для себя, и для других. Вот и Гегель писал: «Иудейская религия – носитель позитивности, ибо в ней нравственный закон» (Гегель. Философия религии. 1976. Т. I. С. 11 и 43).

Христианство и ислам – ветви иудаизма – лишь потому стали мировыми религиями, что впитали в себя и сохранили, хотя бы только теоретически, этот нравственный закон иудаизма. Потому-то люди и народы принимали эти религии даже тогда, когда они внедрялись огнем и мечом, ибо озарения мудростью пересиливали все прочее. Не случайно, что в XIX веке 30 тысяч человек, целые русские деревни, исповедовали иудаизм.

Но такая реальность никак не устраивает г-на Мельского, ибо представляется ему не соответствующей действительности, а главное – не позволяет решать и решить сверхзадачу российского «патриота». А потому он и ставит перед собой задачу грандиозно сложную, не сомневаясь в своей способности решить ее, хотя очень многие потерпели поражения: «Чтобы сорвать с еврейского вопроса прикрывающие его наложения лжи и подготовить почву для его правильного разрешения в умах, опоенных иудаистическим дурманом народов, обман этот должен быть разоблачен до конца». «...опоенные иудаистическим дурманом...» – видимо, элемент новой технологии,

пиаровский прием, вселяющий надежду. К опоенным иудаистическим дурманом следует отнести таких философов, христианских богословов, писателей, как Э. Лессинг, Л. Толстой, Вл. Соловьев, М. Горький, Б. Чичерин, А. фон Гумбольд, В. Короленко, Г. Федотов, М. Салтыков-Щедрин, Н. Лесков, Н. Бердяев, Л. Андреев, Марк Твен, Томас Манн, епископ Херсонский и Одесский Никанор, аббат Грегуар...

Да как и было не «одурманиться» иудаизмом, если 2500 – 3300 лет назад, когда еще не существовали такие народы, как французский и английский, немецкий и славянский, в Торе были сформулированы и многократно повторены повеления Всевышнего уважать права пришельцев, не обижать их, своевременно «до захода солнца» выплачивать зарплату и даже, что «проклят (будет каждый), кто превратно судит пришельца». И еще: «Любите и вы пришельца, ибо сами были пришельцами в земле Египетской» (Дворим-Второзаконие, 10-19). «Не гнушайся Идумеянином, ибо он брат твой, не гнушайся Египтянином, ибо ты был пришельцем в земле его» (там же, 23:7). Так Тора предписывала во времена древнейшие и повелевает ныне относиться к другим народам. Еще большее восхищение вызывают законы рабства: «Если продается тебе брат твой, еврей или еврейка, то шесть лет должен он быть рабом тебе, а на седьмой год отпусти его от себя на свободу. Когда же будешь отпускать его от себя на свободу, не отпусти его с пустыми руками; но снабди его от стад твоих, гумна твоего и от точила твоего; дай ему, чем благословил тебя Г-сподь Б-г твой. Помни, что и ты был рабом в земле Египетской, и избавил тебя Г-сподь Б-г твой; потому Я сегодня и заповедую тебе сие» (там же, 15:12-15). И еще: «Не выдавай раба господину его когда он прибежит к тебе от господина своего. Пусть он у тебя живет, среди вас на месте, которое он изберет в каком-нибудь из жилищ твоих, где ему понравится; не притесняй его» (там же, 23:15-16). Написал и вспомнил, что злобность отца Достоевского не смогли долго выдержать его рабы-крепостные. Они убили его. А если бы эти законы Торы действовали в России, хотя бы в 1839 году, то жизнь Михаила Андреевича (будущему великому писателю было тогда 18 лет) была бы сохранена. Ибо крепостным вряд ли захотелось бы нарушить заповедь «Не убий», они просто перебежали бы к другому, более доброму помещику, не к такому, конечно, как отец Н. Некрасова. Да и сам Михаил Андреевич при таком законе должен был быть более сдержанным.

Рукопись «*Digesta seu Pandectae*». Еврейские банкиры. Северная Италия. XIV в.

Сам же г-н Мельский «срывает с еврейского вопроса наслоения лжи и разоблачает обман до конца» и таким пассажем: «Начнем с праотца Иакова – корыстолюбие, низкая хитрость, нечестность и трусость характеризуют этого национального героя еврейства, родоначальника всего Израиля. Еще во чреве матери он уже ссорится со своим братом из-за первородства и, пытаясь задержать рождение брата, появляется на свет Б-жий, уцепившись за его пятку (Бытие, 25:22-26)». «Воспользовавшись состоянием острого голода своего брата, он вымогает у него первородство за чечевичную похлебку. Но не особенно полагаясь на действительность этой сделки, он ловко обманывает умирающего отца и, прикинувшись Исавом, незаконно присваивает предназначавшееся старшему брату отцовское благословение (там же, 25:27). Весьма характерно, что обман этот нимало не осужден религиозным сознанием иудаизма».

Оценим оригинальность и свежесть этого суждения, вспомнив отрывок из фельетона Жаботинского 95-летней давности: «Яков – первый жид у антисемитов. Был это удалой человек, на все руки мастер, и купец и боец, и рыцарь и судия, хищный и благородный. Осторожный и отважный, расчетливый и сердечный – настоящий человек, широкий, с великими доблестями и недостатками, с душой, как семицветная радуга или как арфа, на которой все струны целы. Жизнь его была и осталась самой увлекательной поэмой, какая только рассказана земле, и ты читай ее почаще и учись из нее уму-разуму. Учись и любить, учись и бороться, учись и хитрить, ибо земля есть волчье царство, где нужно владеть всеми орудиями защиты и натиска» (Четыре сына). Резанул слух глагол «хитрить», потому наверно, что с юности усвоил афоризм Гейне: «Хитрость есть ум глупых людей». Но в волчьем царстве, как и на войне, хитрость не порок.

Конечно, с точки зрения современного сознания согрешил праотец наш. Но почему-то в изложении г-на Мельского отсутствует мать Якова, праматьер Ривка, а ведь именно ее идеей был обман, более того, всю ответственность, даже возможное проклятие она брала на себя, и действовала она так по внушению Всевышнего. Потому-то как раз в принципе и невозможно осуждение «этого обмана – религиозным сознанием иудаизма», что Всевышний благословлял праотца Якова и даже не один раз. А произошло это событие совсем недавно – 3800-4000 лет тому назад. Незнающим и предположить невозможно – Коран почитает и праотца Якова: «Вспомни также рабов наших: Авраама, Исаака, Иакова, обладавших ВЕЛИКОДУШИЕМ (выделено мной. – Л.Ф.) и прозорливостью» (Сура 38:45).

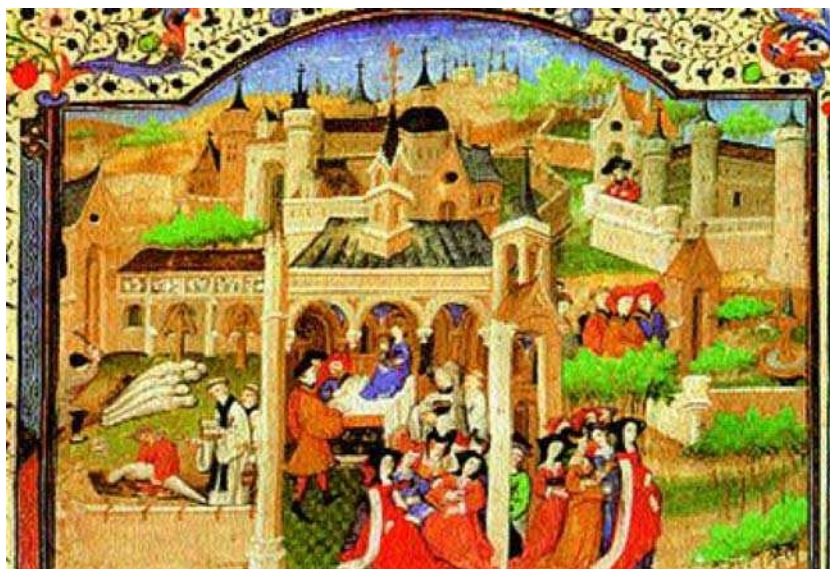
А в русской истории, истории православного христианства все благообразно, сплошное благолепие? 980 год. Князь Владимир побеждает своего брата Ярополка. Приглашает его, своего брата, к себе якобы на переговоры и обманом, тоже обманом, убивает его. Не только обман, но и убийство брата да еще преднамеренное – это же Каиново деяние. Могло ли оно прощено быть Всевышним? А тем более, мог ли Всевышний благословить князя Владимира? Как поступает церковь? Она осуждает его? Нет, она канонизирует его. И становится он Владимиром Святым. И было это давным-давно, аж более 1000 лет минуло.

Пожалуй, самый раз напомнить г-ну Мельскому слово моего соплеменника: «И что ты смотришь на сучок в глазе брата своего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь?» (Матф., 7:3).

Многое. Очень многое возмущает г-на Мельского в библейской истории евреев. Но в изложении ее он почему-то упускает какую-нибудь деталь. Например, продолжая

историю праотца Яакова. Случай с его дочерью Диной, с «лукавством» его сыновей Шимона и Леви, которые вместо того чтобы выполнить свое обещание и отдать Дину, сестру свою, в жены сыну царя шхемского, «умертвили весь мужской пол ... убили мечом ... и разграбили город». Все верно. Но почему-то он при пересказе не упомянул, что Дину сын царя Шхема до того схватил и изнасиловал? Тора ясно указывает на это как на причину. Может потому, что считал эту деталь несущественной? А не существенной потому, что в истории того же князя Владимира летописец Нестор сообщил всему миру честно, что Владимир отличался не только жестокостью...: получив отказ полоцкой княжны Рогнеды идти за него замуж, он захватывает город и на глазах родителей княжны насилует Рогнеду. А отца и братьев ее убивает. Может быть,

г-н Мельский потому и не сообщает об изнасиловании Дины, что отлично знает – изнасилование Рогнеды не испортило биографию князя Владимира и не помешало ему стать Святым. И если г-н Мельский делает вывод: «герои библейских повествований носят все специфические черты, извечно отличавшие еврейское племя», то мы знаем, что о свойствах русского племени не следует, просто абсурдно судить по характеру князя Владимира и многих других его представителей: в любом народе всегда можно найти и праведников, и злодеев.

Боккаччо. «Декамерон». «Черная смерть» во Флоренции. В 1321 году по Франции распространился слух, что для уничтожения христианства евреи и прокаженные вступили в союз с дьяволом и мусульманами с Иберийского полуострова и отравили колодцы с помощью яда, составленного из крови, мочи, снадобий, «тела Христова», голов гадюк, лягушачьих лап и женских волос. Распространяемый менестрелями и хронистами слух этот стал расхожей темой европейского фольклора и возродился во время эпидемии «черной смерти», которая вспыхнула во Флоренции в 1348 году и опустошительно пронеслась по Европе. От одной трети до половины европейского населения стали ее жертвами.

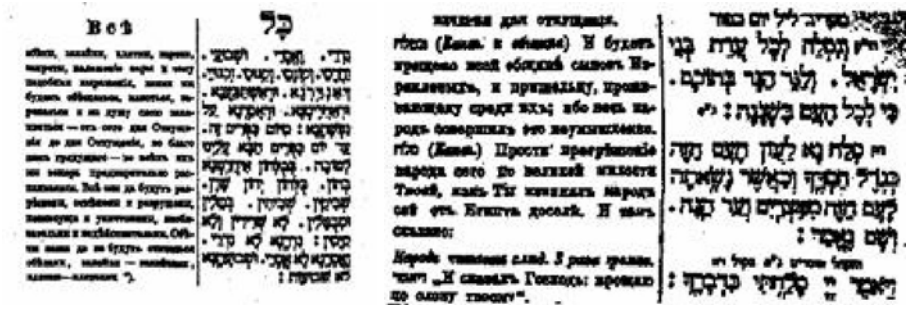
Г-н Мельский пожелал еще раз обратиться к теме Б-га Израиля, снова назвав его племенным и опять противопоставив его христианскому богу. Он декларирует: «Древний Израиль наделил своего племенного б-га... чертами необычайной жестокости, мстительности и несправедливости. Этот кровожадный образ отталкивает и возмущает этическое сознание нееврея и не имеет ничего общего с образом любвеобильного и милостивого Б-га-Отца». Ничего нового не сказано. Повторил, как повторяют рекламу. С той же целью. Следует сказать, что в России существует и другая группа антисемитов,

которая, мысля более логично, понимает, что разорвать родовую и идейную связь христианства с иудаизмом невозможно. А потому отбрасывает и христианство, предлагая вернуться в язычество. Перед вами выдержки из одного такого сочинения.

«Отчаявшись поработить руссов хазарским кнутом, кагал подбросил византийский пряник. Лукавая христианская империя с самого начала паразитировала на славянской крови, натравливая на Русь готтов, обров, аланов, печенегов, татар... Невозможно быть последовательным, непримиримым борцом против кровожадного Ие-го-вы и одновременно поклоняться “сыну б-жьему” – Иисусу... Борьба Святослава с христианством велась не только ради защиты отеческих святынь. Это была борьба за русскую независимость против поработителей. И убийцами Святослава были наемники Византии печенеги. Убрав Святослава, враги постарались закабалить Русь внедрением своей религии. Христианство призвано было подчинить непокорных северян господству противорусских сил... Но в движение за возрождение Русского Духа снова внедряются юродствующие во Христе, отождествляющие духовность с “православной” религиозностью. Но русская духовность – это не смрадный душок “православия”, т.е. того же иудаизма, приспособленного для русских. Можно лишь поражаться неодолимому запасу крепости, завещанному нам по Роду:

“Мы челом бьем – да не каемся. Мы зубами рвем, да ухмыляемся...” Ни один народ не выдержал бы столь роковых сокрушений и вымер бы».

Автор-язычник тоже утверждает «...исконно русскую жажду Правды,.. где правит справедливость». А справедливость-то какая: «мы зубами рвем. Да ухмыляемся ... и не каемся». Зато как логична мысль: «Невозможно быть борцом против кровожадного Ие-го-вы и одновременно поклоняться “сыну б-жьему” – Иисусу». Понимает это и г-н Мельский, а потому и отделяет Б-га Израиля от христианского Б-га-Отца. Разумеется, этот прием сработает, но только среди самых невежественных. Но тот, кто хоть раз прочитает Нагорную проповедь, даже только один стих: «Не думайте, что я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел я, но исполнить» (Матф., 5:17), тому должно стать ясным, что Христос имел в виду закон Торы, закон Моисея, данный ему Всевышним. Да и пророки, о которых сказал Христос, это еврейские пророки. А немного более образованным христианам известно, что Б-г – Сын очеловечился в иудее Иисусе. Характерно, что каждый раз педалируются эпитеты «кровожадный», «жестокий» и другие в отношении Б-га Израиля в противопоставлении милостивому и любвеобильному христианскому Богу.

Как будто неведомо, что Б-г жесток постольку, поскольку жестоки и неправедны люди. Как будто неведомо, как православные именем Бога любвеобильного и милосердного расправлялись даже не с врагами своими, а с соотечественниками. Выше уже писал, добавлю еще чуть-чуть. Сначала пример из дохристианской Руси. Когда князь Олег в 907 году прибил свой щит на вратах Царьграда, то «...и много убийства сотворил в окрестностях города грекам, разбил множество палат, и церкви пожгли. А тех, кого

захватили в плен, одних иссекли, других замучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море».

А после христианизации? «Служители Христа открывали процессии умерщвления людей, повинных лишь в ином способе поклонения Христу» (Юрий Феофанов). А. Солженицын: «За чудовищную расправу со старообрядцами – кострами, щипцами, крюками и подземельями, еще два с половиною века продолженную бессмысленным подавлением 12 млн. безответных безоружных соотечественников,.. – за этот грех господствующая церковь никогда не произнесла раскаяния». Забыл Александр Исаевич еще о вырывании языка и отрубании руки, о чем прочесть можно в «Житие» протопопа Аввакума. А происходило такое на Руси не 4000, даже не 1000, а всего 200 – 300 лет назад. Так многое ли изменилось после христианизации? А казни-то какие напридумали служители Бога милосердного – колесование, четвертование, разрывание щипцами, сваривание заживо... Ф. Ницше обобщил: «В таком культурном состоянии добродетелью души считается изобретательность и ненасытность в ЖЕСТОКОСТИ (Л.Ф.); деянием жестокого наслаждается община; в ней она черпает свою энергию и силу. Жестокость принадлежит к древнейшим ПРАЗДНИКАМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА (Л.Ф.). «Утренняя заря, или мысль о моральных предрассудках»). Вот и получается – «Б-г человек, люди бесчеловечны».

Полагая, что есть некоторая вероятность того, что философ Н. Бердяев знал историю религии не хуже г-на Мельского, приведу его мысль о жестокости: «Элемент садизма занимает большое место в истории религии, он силен и в истории христианства... Утверждение человечности христианства вызывает настоящую ненависть у тех многочисленных христиан, которые считают жестокость признаком ортодоксальности». «Бессовестность христиан беспримерна в истории. Из христианства умудрились сделать самые бесчеловечные выводы, поощряющие садистские инстинкты людей» (Самопознание. С. 457 и 365).

Г-н Мельский же делает другой еще промежуточный вывод: «Духовные, психологические черты этих героев вызывают невольное отвращение всякого нееврея. Деяния их, вызывающие наше возмущение, нимало не смущают, однако, совесть иудаизма, а наоборот воодушевляют сынов Израиля. Тут раскрывается уже та непреодолимая пропасть, которая пролегает между всем мировоззрением, моралью и правосознанием еврея и нееврея и которая неизбежно вызывает горячие чувства антисемитизма везде, где бы ни проявлялась низменная, корыстолюбивая, жестокая и глубоко порочная природа еврейства».

С жестокостью вроде бы разобрались, попробуем разобраться и с корыстолюбием. Хотя достаточно заглянуть в тюрьмы России и других стран, чтобы убедиться – евреи не ходят в передовиках. Но раз г-на Мельского интересует не суровая правда жизни, а определенного рода сказки, то обратимся и к литературе: «О злое семя! ... занятие их – войны, и все желания их – богатство, единственная пища для ума – буква закона, а их богопочитание – бесконечное количество зверским способом забитого скота», – писал Святой Бернар (XII век) о евреях, конечно. И он же, Св. Бернар, хорошо зная своих христиан и корыстолюбие их, и такое утверждал: «Я не распространяюсь насчет того прискорбного факта, что там, где нет евреев, христиане жидовствуют еще хуже, чем выжимая проценты». Стало быть, евреи – ростовщики – не так жестоко «христианствуют», выжимая проценты. Потому-то и был вынужден Св. Бернар сделать оговорку: «там, где нет евреев», ибо там, где они были, христиане не имели возможности устанавливать грабительские проценты. Конкуренция ограничивала: у евреев они были

ниже. Потому-то и требовали изгнания евреев все конкуренты, используя антииудаизм святош, порождая различные клеветы-наветы.

Службник аббатства Сент-Пьерр. Гент. Аллегии Церкви и Синагоги. Одной из форм антиеврейской церковной пропаганды в XI веке были аллегорические картинки, на которых церковь изображалась величественной коронованной девой, держащей знамя и чашу. Синагога же имела вид неопрятной старухи с уродливым лицом и съехавшей набок короной, с закрытыми или завязанными глазами, что означало «слепоту евреев». В руках старухи были скрижали Закона, сломанный скипетр или голова какого-нибудь животного (в данном случае – козла, символизирующего дьявола). Подобные образы распространялись по всей Европе и воплощались в скульптуре, живописи и церковных витражах, а также встречались на обложках и в иллюстрациях Библии и молитвенников.

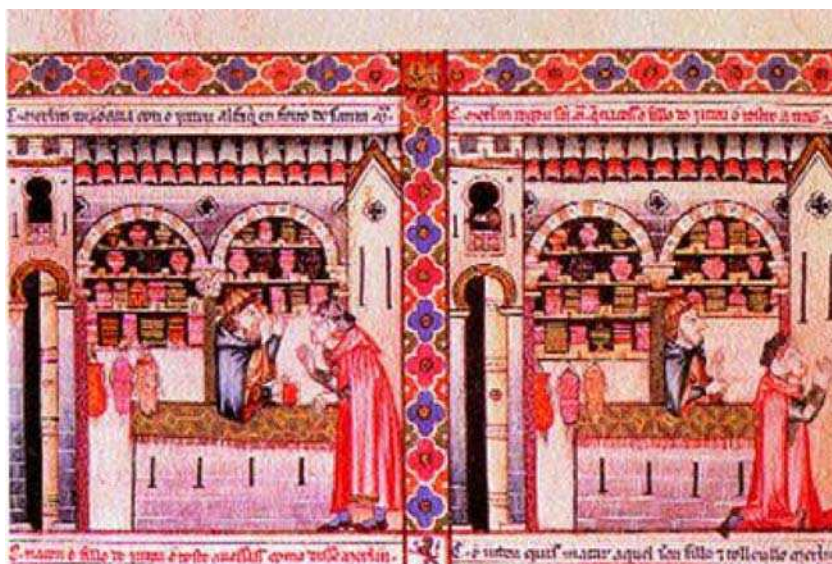
Борьбу с корыстолюбием христиан вели и папы римские. О духе наживы у русских писал и Достоевский: «Носится как бы какой-то дурман повсеместно, какой-то зуд разврата. В народе началось какое-то повсеместное извращение идей с повсеместным поклонением... народа перед деньгами, перед властью золотого мешка». У него же можно прочесть: «Украдешь пять рублей – прокляну, украдешь сто тысяч – благословлю». По себе знал. Желая разбогатеть, проигрывал в рулетку все до нитки, пальто и платье жены, деньги, вымоленные у друзей на обратные билеты. И не единожды.

Следует отдать должное г-ну Мельскому: он не довольствовался лишь необходимыми ему юдофобскими высказываниями авторитетов из язычников и христиан, что делали многие и до него. Он же смог привлечь для решения своей задачи, для достижения столь желанной ему цели и мусульман. Прочитав высказывание одного авторитета: Адб-аль-Квадир-Жиляни (545 год н.э.): «Иудеи, которые живут рассеянными во всем мире, все же крепко держатся друг друга – хитрые, полные ненависти к людям и опасные существа, с которыми надо обращаться, как с ядовитой змеей, т.к. если позволить ей хотя бы на мгновение поднять голову, она непременно укусит, а укус ее безусловно смертельный». Новое отсутствует, но форма по-восточному цветиста. Возникают, однако, два недоразумения. На которые г-н Мельский почему-то не обратил внимания: в 545 году н.э. мусульмане еще не существовали. Только через 25 лет, в 570 году, 28 августа родится пророк Мухаммад, а ислам – лишь в 622-м. И потом хитрость в исламе не порок, ибо сказано: «И хитрили они, и хитрил Аллах, а Аллах – лучший из хитрецов» (Коран, сура 3, стих 47). Использовал г-н Мельский и Коран: «Целый ряд мест в Коране характеризует отношение к евреям Магомета. “Из-за несправедливости их мы запретили евреям кое-что хорошее, что раньше было им дозволено, потому что они далеко отстранились от религии

Б-жьей и занимались ростовщичеством, что им запрещено, и незаконно поглотили имущество других людей”, читаем мы в 4 главе отдела Зуре. И далее: «Ты никогда не должен уставать избличать их (иудеев) обманы. Они обманщики почти все без исключения». В суре 4 в стихах 158 и 159 есть очень похожий текст.

Решаюсь процитировать не только эти два стиха, но и несколько предшествующих, из которых следует, что Мухаммад как-то знал и Тору, и Евангелия, а также видно и его отношение к истории распятия Христа: «И за то, что они нарушили их завет, и не веровали в знамения Аллаха, и избивали пророков без права, и говорили: “Сердца наши не обрезаны”. (Нет! Аллах наложил печать на них за их неверие, и веруют они только мало), и за их неверие, и за то, что они изрекли на Мириам великую ложь, и за их слова: “Мы ведь убили Мессию, Ису, сына Мариам, посланника Аллаха” (а они не убили его и не распяли, но это только представилось им; и поистине, те, которые разногласят об этом, – в сомнении о нем нет у них об этом никакого знания, кроме следования за предположением. Они не убивали его, – наверное, нет, Аллах вознес его к Себе: ведь Аллах велик, мудр! и вот, за несправедливость тех, которые исповедуют иудейство, Мы запретили им блага, которые были им разрешены, и за отвращение ими многих от пути Аллаха, и за то, что они брали рост, хотя это было им запрещено, и пожирали имущество людей попусту, Мы и приготовили неверным из них мучительное наказание» (сура стихи: 154, 155, 156, 158, 159).

Напомню, что в мусульманском мире еврейские имена получили несколько другое звучание: Моисей – Муса, Давид – Дауд, Соломон – Сулейман, Иисус – Иса и т.д. Вернемся к теме и обратим внимание, что в цитате г-на Мельского в стихе 159 отсутствует последняя строчка. А из нее следует, что Аллах-Всевышний наказывает не всех иудеев, а лишь «неверных из них», т.е. только виновных. Стало быть, не все (!) «они брали рост» и не все (!) «пожирали имущества». А вот последнюю фразу из его цитаты мне найти не удалось. Да это и не важно: Коран даже в таком изложении проявляет, в отличие от г-на Мельского, некоторую слабость: «Они обманщики почти все без исключения». Как это? Если «почти все», то исключения есть. Хотя бы Ты, Читатель, или я, или мы с Тобой. А если «без исключения», то нельзя говорить «почти все». А среди представителей нации г-на Мельского все исключительно честные, безгрешные? Сознательно сделал упор на исключения, ибо они – исключения – способны нанести и наносят смертельный удар интеллектуалам от антисемитизма. Ибо наличие исключений априори требует перехода к статистическому анализу. А статистика показывала и будет показывать, что ни один из народов не является ангельским.

Альфонсо X. «Кантигас де Санта Мария». Кантига 108: Мерлин спорит с еврейским ученым. Несмотря на симпатию короля мудрецов к евреям его труды не избежали всех антиеврейских предрассудков христианского мира: евреи представлены врагами христианства, учениками дьявола, воплощением жадности и коварства. Кастилия, XIII век.

А в Коране действительно есть много интересных мест. И я не могу удержаться, чтобы не привести один стих, который совершенно одинаково оценивает и иудея, и христианина, т.е. уравнивает г-на Мельского со мною. Каково ему будет узнать об этом?

«О, вы, которые уверовали! Не берите иудеев и христиан друзьями: они – друзья один другому. А если кто из вас берет их себе в друзья, тот и сам из них... (сура 5:56)». Мне кажется, что для г-на Мельского будет интересно, хотя и огорчительно, узнать, что не только среди христианских богословов, но и среди мусульманских есть «одурманенные иудаизмом». Вот что пишет в наше время проф. Абдулла Хади Палацци – директор института культуры мусульманской общины Италии.

«В Коране множество изречений, воздающих хвалу еврейскому народу. Коран представляет Моисея как исполнителя Б-жественной воли, выведшего свой народ в Обетованную Землю. Коран цитирует слова Моисея, обращенные к своему народу: “О народ мой, помни благословение Г-спода, когда он пошлет пророков в твою среду, даст тебе царей и наделит тебя тем, чем не наделяет другие народы” (сура 5:20-21). Это свидетельство избранности еврейского народа запечатлено в священной книге ислама. Разве данный факт сам по себе – не показатель отношения Корана к евреям? В том же стихе Корана говорится следующее: “О народ мой, войди в Святую землю, которую Б-г выбрал для тебя, и не поворачивай назад, а иначе ты будешь свергнут к собственному своему разрушению”. То есть Коран признает не только право евреев владеть Святой землей, но утверждает это как божественный завет. Более того, Святой Коран открыто говорит о восстановлении еврейского присутствия на земле перед Последним судом. “И говорим мы детям Израиля: “Поселитесь безопасно на Земле Обетованной. И когда придет исполнение последнего пророчества, вы соберетесь все вместе смешанной толпой” (сура 17:104). Можно ли пренебречь этим пророчеством?» Полагаю, что любой комментарий лишь снизит эффект.

Выполняя свой стратегический план полного окружения евреев отрицательным полем, пока полем, г-н Мельский по-своему умело, хотя не очень добросовестно, использует и авторитет еврейских исследователей. Например, историка С. Лурье: «Исследователи древнейших судеб еврейского народа, в том числе и еврейский ученый С. Лурье, утверждают, что главным занятием Израиля уже на заре его истории было ростовщичество и что он уже в древнем мире играл могущественную роль благодаря своим денежным операциям». Соответствует ли изложенное истине? Опровержение содержится в исследовании сэра Гарольда Идриса Белла, который написал в социальной истории евреев в древнем Египте и Александрии: «Они не были банкирами или ростовщиками, как можно было бы ожидать... Не обнаружено никаких свидетельств финансовой мощи евреев». (Bell Harold Idris. Jews and Christians in Egypt. London, 1924. P.11). Еще большее удивление возникает при сопоставлении написанного в книге С. Лурье с утверждением г-на Мельского о ростовщичестве евреев. Все цитаты из его книги «Антисемитизм в древнем мире...». (Переиздание в «Библиотеке Флавиана» в 1924 году).

Соломон Лурье – профессор древней истории в 1-м Высшем педагогическом институте Петербурга писал: «... самой излюбленной профессией была медицинская деятельность,.. огромное большинство евреев занималось ремеслами, немало евреев занималось земледелием,.. несомненно внушительный процент евреев занимался свободными профессиями, в частности наукою – еврейской и общеэллинской»... «Необыкновенная склонность евреев к чисто теоретическим беседам и рассуждениям – было первое, что привлекло интерес греков к евреям. Древнейшее греческое свидетельство о евреях – это указание Феофраста, называвшего их расой философов. Живший также в III веке до н.э. ученик Аристотеля Клеарх из Сол прямо считает евреев не народом, а философской школой. (С. 41, 42)».

«Но, может быть, антисемитизм, – задает вопрос С. Лурье – вызывало не то, чем занимались евреи, а то, как они занимались тем или иным делом? На этот путь и пытались стать авторы трудов об антисемитизме в древности. Эти ученые обвиняют евреев древности в кровожадности, корыстолюбии, коммерческой недобросовестности и простой нечестности. “О кровожадных финансовых делах, в которых Штегелин обвиняет евреев Александрии, мы, однако, не имеем никаких сообщений”, – пишет Блудау, настроенный отнюдь не юдофильски... Гораздо настойчивей выдвигались в научных трудах обвинения евреев в коммерческой недобросовестности. При этом исходили из трех документов... Допустим на минуту, что вина лиц, упомянутых в этих документах, доказана. Что же можем из этого заключить? Что среди евреев древности были и недобросовестные люди. Но это само собой понятно и не нуждается в доказательствах... Между тем ... нееврейские документы (о кражах, мошенничестве и т. д.) из Египта дошли во множестве, тогда как еврейских только 3. Поэтому Вилькен справедливо замечает, что “ничего не может быть несправедливее, чем обобщать эти отдельные случаи или, с другой стороны, закрывать глаза на то, что как раз относительно греков и египтян нам также документально сообщается много случаев обмана, кражи и т.д.”» (С. 44-45). Неправда ли, как убедительно «подтверждает» С. Лурье утверждение г-на Мельского? Представляется забавным, что ученые проводят исследования, чтобы оправдать то, что в нем не нуждается. С древнейших времен до сего дня, да и в будущем, ростовщичество, именуемое ныне кредитованием, было и есть способом и средством развития. Аристотель еще в IV веке до н.э. писал: «Самым же значительным видом деятельности, имеющей своим предметом обмен, является торговля... Вторым видом деятельности, имеющей своим предметом обмен, служит ОТДАЧА ДЕНЕГ В РОСТ...» (выделено мой. – Л.Ф.) (Аристотель. Т. IV. Политика, 1984. С. 396). Но и Аристотель знал, что ростовщичество

вызывает ненависть. Хорошо известно – ислам, еще раньше христианство, и еще раньше иудаизм запретили ростовщичество. И сегодня в Израиле в синагогах – я это точно знаю – ссуды выдаются только беспроцентные.

Продолжая наступление на иудаизм, г-н Мельский дополнительно увеличивает напряженность отрицательного эмоционального поля: «Той же кровожадностью, той же ненавистью к другим народам и вечным стремлением к их порабощению проникнуты и песнопения Псалтыри» (в иудаизме Псалмы. – Л.Ф.) Из трех приведенных им примеров воспроизведу лишь один, который действительно не может не покорибить сознание современного человека: «Дочь Вавилона, опустошительница! Блажен, кто воздаст тебе за то, что ты сделала нам! Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!..» (Пс.136, в Танахе-Псалом 137). Не просто жестокость, которую можно списать за давностью лет, а жестокость по отношению к младенцам... К счастью, и С. Лурье не смог оставить без внимания, без анализа этот феномен. Он тоже процитировал концовку этого псалма в вольном переводе Н. Языкова: «Блажен... Кто плач Израиля сторицей на притеснителях отмстит! Кто в дом тирана меч и пламень и смерть ужасную внесет! И с ярким хохотом о камень его младенцев разобьет!» Вдумаемся в рассуждения проф. С. Лурье: «Только наше понимание сущности еврейской религиозной и демократической пропаганды даст нам возможность объяснить себе существование столь непримиримых с виду явлений, как посвящение себя пропаганде среди притеснителей – “язычников”, с одной стороны, и жажде мести этим же притеснителям, с другой. Жажда мести – нечто совершенно непонятное у “народа апостолов”, “предназначенного” для пророческого служения язычникам, и совершенно нормальная и законная реакция у народа со здоровым национальным чувством. В эпохи тяжелых гонений – особенно после осквернения храма Антиохом Епифаном и гонений при Птолемеях VII и его преемниках, а затем при Калигуле, в Египте – эти ноты начинают особенно часто раздаваться в еврейской литературе. Естественно, что больше всего должно проявляться это чувство в псалмах ввиду их чисто лирического характера» (С. 107). А вот самое важное для нас: «Что касается чувства мести к женщинам и детям, то чтобы парализовать рассуждения о специфической еврейской (“шейлоковской”) жестокости, процитирую для примера продукт греческого правового сознания – теосский закон V века до н.э. “того, кто приготовляет яды ... казнить самого и все его... потомство. Того, кто препятствует ввозу хлеба в Теос ... казнить самого и все его потомство... Того, кто злоумышляет против Теосского государства,.. казнить и самого и все его потомство!” Итак, здесь повинна психология человека вообще, не евреев в частности» (С. 112). Добавлю только – не литература, не лирика, а закон государства! Наверно, есть некое различие...

Действительность, как всегда, не столь однозначна, не столь проста. Так же не просто с чувствами ненависти и мести. Прекрасным примером этому является Филон Александрийский. Из книги С. Лурье: «Он был очевидцем ужасного погрома 38 года, членом делегации по поводу этого погрома, подвергшейся насмешкам... Можно себе представить, какое удовлетворение он должен был испытать, узнав, что оба гонителя евреев – и наместник Египта Флакк, и император Калигула погибли самой жалкой смертью». Филон написал молитву: «Мы не радуемся, о Г-сподь, тому, что Ты наказал нашего врага, так как Священные книги Закона воспитали нас в духе сострадания; но мы благодарим Тебя и т.д...» (С. 113)

Причина не только в том, что «Священные книги Закона» воспитывали сострадание. Истина, но не полная. Правильно утверждает и С. Лурье «об атрофировании у евреев в целях самосохранения чувства живой ненависти к притеснителям из-за

столетий унижения и угнетения». Но вряд ли это справедливо для времен Филона и его самого, ибо впереди еще великие восстания евреев. Истина еще и в том, что правоверные евреи, помня и сознавая свою миссию избранности, должны были считать и действительно считали страдания свои следствием наказания Всевышнего за грехи свои. Потому и накладывали на себя новые заповеди – мицвойс. Объявляли длительные посты, молились и требовали более строгого соблюдения прежних.

При таком понимании люди и народы, причинившие зло, виделись лишь исполнителями воли Всевышнего.

«Кантигас де Санта Мария». Кантига 25, где еврей изображен как средоточие алчности и нечестивости в торговых делах.

Разобравшись с «исконными свойствами еврейской души» в древности, г-н Мельский перебрасывает мостик в современность: «Извечная иудейская ненависть к нееврейскому человечеству и напоминаются неизменные политические методы еврейства, протянувшие по истории нашей планеты свой кровавый след – от избиения первенцев в земле Египетской до всероссийской ритуальной бойни, учиненной в двадцатом веке последователями Мардохая-Карла Маркса на необъятных просторах нашей страны. Из всего вышеизложенного с исчерпывающей ясностью вырисовывается вся глубина обмана, пытающего внушить доверчивым и неосведомленным христианам, что вся их жизнь “освещается историей евреев, их поэзией, их законами”...». Все известно, ясно и многократно разобрано. Но он уверен, что, утверждая навязчиво-липко о «вырисовывающемся с исчерпывающей ясностью обмане неосведомленных христиан», ему самому удастся обмануть их. И в самом деле удастся – не всех, конечно, но значительную часть. Ибо какие бы аргументы ни привести – книги Ветхого Завета, еврейское происхождение самых распространенных христианских имен, как Иван-Иоанн-Жан-Хуан-Джон, Мария, Анна,.. наименование христианского мира – Новый Израиль, еврейство всех основателей, включая еврея Андрея Первозванного, чье имя носит высший

орден царской и нынешней России – все уже объявлено г-ном Мельским «преступным обманом евреев и одурманенных ими христианских богословов». Разберем еще одно интересное высказывание г-на Мельского: «Один из присяжных обманщиков из иудейского стана, еврей д-р Пасманик ... приводит принцип “люби ближнего, как самого себя” как основную заповедь иудаизма, и замечает, что утверждение “антисемитов” о том, что заповедь эта касается только евреев, неверно. Услышим же правду из уст самих раввинов. Приведем для наглядности библейский текст и соответствующее толкование Шульхан Аруха». Кто прав? На чьей стороне истина? Если судить по Торе, по повелениям Всевышнего, цитировавшимся мною выше: идуменянин – брат твой, не гнушайся египтянином, люби пришельца, а пришелец ведь непременно – нееврей, пока не стал прозелитом, – то прав «присяжный обманщик» д-р Пасманник. А если судить по одному из высказываний Иисуса Христа, отказавшего вначале женщине-хананеанке вылечить ее дочь, сказав при этом: «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева» (Матф., 15:22-24) и (Марк, 7:26-27), то в этом случае прав г-н Мельский.

А как опровергает «присяжного обманщика» сам г-н Мельский? А он как раз и сравнивает положения Торы, ее книгу «Второзаконие» с положениями книги «Шулхан Орух» раввина Иосефа Каро 1552 года, из которой следует, что еврей может поступать по отношению к акуму не так «праведно», как к еврею.

Признаем сразу – да, были раввины, полагавшие именно так. И разве не об этом свидетельствуют выше приведенные слова Иисуса Христа? Но только лицемер постарается единичное выдать за всеобщее, а всеобщее – за единичное. Разве национальный эгоизм присущ лишь евреям, а не всем народам мира? Может, православный народ России – исключение? Все дело в мере. А как иудаизм боролся с ним, расскажу ниже.

Хайме Серра. Фрагменты росписи алтаря Св. Стефана. Евреи слушают в синагоге проповедь святого. В христианской традиции изображения евреев намеренно искажались, чтобы и их одеяния, и черты лица определяли характеры. Именно из мастерской Серры, прежде сохранявшего нейтралитет в этом плане, появились первые произведения каталонской живописи, рисовавшие вероломство евреев: зловещие выражения лиц показывают их дьявольскую природу. Каталония, XIV век.

Ошибается г-н Мельский и в том, что, по его мнению, «акум – идолопоклонник – понятие, которым раввины обозначают всех иноверцев, и в первую очередь христиан». Правда же заключена в том, что слово «акум» – поклоняющийся звездам – было введено в иудейские книги, прежде всего в Талмуд, не раввинами вовсе, а ватиканскими цензорами

для того, чтобы отделить от них именно христиан. Более того, хорошо известно, что начиная с XVI века, на титульных листах еврейских книг печаталось примечание, которое разъясняло необходимость различать неевреев-язычников и неевреев-христиан. Ибо язычники не признают ни законов Моисея, ни иудейских пророков, ни Ветхого Завета, а христиане и признают, и почитают. Вот и раввин Иоханан бен Наппаха утверждает: «Всякий, отрицающий идолопоклонство, называется евреем». Это мнение зафиксировано в Талмуде (Трактат «Мегила», 13а). Рав Менахем бен Шломо за три века до И. Каро утверждал: «Иноверцы в наших местах (т.е. христиане) не поклоняются идолам, а чтят Творца небес и земли.» (Тойсфойс к трактату «Авода Зора» 2а; к трактату «Санхедрин» 63б и к трактату «Бхойройс», 2б.) В Талмуде есть требование уравнивания иноверцев с евреями перед Б-гом и людьми (трактат «Бава Кама», 38а, 113б; трактат «Хулин», 94а).

Но есть выражения ненависти и презрения к иноверцам (трактат «Шабос», 14б; трактат «Ксубойс», 111а). Существует в Талмуде и пример юридического неравенства иноверцев – необязательность возвращения ему утерянного им (трактат «Бава Кама» 113б). Но уже цитированный рабби Меири писал: «В наши времена (XIII – XIV века) никто не следует этим обычаям, ни гаон, ни рабби, ни ученый». И рав Меири не одинок. Ицхак бар Шешет Берфет в конце XIV века тоже полагал: «Мы не должны считать, что ограничения иноверцев были созданы как твердо установленные предписания, которые нельзя отменять, наоборот, их первоначально создали только для того, чтобы они отвечали нуждам данного поколения, данного места и данного времени».

Такое различие в отношении к иноверцам не должно удивлять. Ибо оно обусловлено не только различием убеждений, но и отношением нееврейской среды к евреям в определенной местности и в данное время. Но в целом Талмуд обязывает относиться к иноверцам гуманно, помогать неимущим иноверцам, посещать их больных, хоронить их мертвых, поздравлять в дни праздников (трактат «Брохойс», 17а; «Швиис», 4:3; тойсофойс «Авода Зора», 1:3, и др). Более того, Иерусалимский Талмуд запрещал дискриминацию иноверцев (трактат «Бава Мециа», 2:5, 8б).

Таким образом, мнение раввина И. Каро не есть мнение всех раввинов точно так же, как мнение г-на Мельского не есть мнение всех антисемитов, что было показано выше. Кстати известно, что сам И. Каро никогда в своих респонсах не ссылался на свою книгу «Шулхан Орух». Кроме того, и это пожалуй самое важное, в иудаизме существует принцип хилул а-Шем – поругание имени Б-жьего. Согласно этому талмудическому принципу правоверный еврей обязан вести себя с неевреями так, совершать такие поступки, чтобы у неевреев возникало желание воскликнуть «Слава Б-гу Израилеву!» Если еврей поступал не в соответствии с этим принципом, то это был грех против Г-спода. Талмудический принцип хилул а-Шем позволил не только снять то негативное, что было в Талмуде, но и действительно бороться с национальным эгоизмом. Не всех, конечно, а лишь тех, кто был и есть истинно верующим и богобоязненным. А так как г-н Мельский исследует иудаизм, то именно такие евреи его и должны интересовать.

А как обстояло дело в христианстве с отрицательным отношением к евреям? Кому-то не известно? Католическая церковь принесла извинения, протестантская тоже. А вот ежели судить по статье г-на Мельского и многих других, то аналогичного от православия ждать придется долго.

Изучение антисемитской литературы позволяет подтвердить общий закон антисемитизма: «Не было, нет и быть не может антисемитского произведения, автор

которого не лукавил, не хитрил и даже не лгал, либо не был бы невеждой в истории народов и религий». И весьма убедительным подтверждением правильности этого общего закона может служить предпоследняя цитата из статьи г-на Мельского: «Из всего вышеприведенного вытекает вполне категорический и не терпящий возражений ответ на поставленный нами в этой главе вопрос: **антисемитизм отнюдь не является “признаком некультурности”, а, наоборот, одареннейшие и культурнейшие люди всех времен и всех народов, соприкасавшиеся с еврейством, были убежденными антисемитами.** Это наблюдение заставило известного французского историка и философа Эрнеста Ренана признать, что “антисемитизм всегда был отличительным признаком просвещенных умов”». Но разве обоснованно «вытекает категорический и не терпящий возражений ответ...», как пытается убедить г-н Мельский? Ведь все разобранное ранее свидетельствует об обратном: выше названные приблизительно 20 действительно просвещенных умов с мировой известностью не только не были сами антисемитами, но и боролись с ними. И ссылка на Ренана спасти не может, хотя Жозеф Эрнст Ренан в данном вопросе авторитет планетный. Из-за отсутствия адресной ссылки проверить правильность невозможно, а доверять г-ну Мельскому, мы это знаем, нельзя. Да и оснований сомневаться предостаточно. Изученная Ренаном история возникновения христианства вылилась в семитомный труд. При осмыслении ее он исключил даже все сверхъестественное в ней. Изучение им истории израильского народа привело к созданию пятитомного труда. Из его трудов хорошо известно, что Ренан раннее христианство признавал «исключительно творением древней религии и еврейского национального гения». Впрочем, чтобы прийти к такому выводу, достаточно прочитать «Деяния Апостолов». И при этом знать, что все Апостолы и Евангелисты были евреями.

Но факт, что Ренан «стремится извлечь объяснение возвышенно идеальных свойств христианства из особенностей еврейского национального характера» – дорогого стоит. В зрелом возрасте Ренан писал: «Отец Небесный, благодарю Тебя за то, что дал мне жизнь. Жил я не без греха, но я всегда любил истину...» А потому, любя истину, симпатизируя больше грекам, он «восхваляет также и еврейский вклад в человеческую цивилизацию». Десять заповедей – достояние всех народов мира, и они вовек останутся заветом «Б-жьим» – так утверждал Ренан. Его восхищало в иудаизме и то, что он, в отличие от христианства, требовал от евреев праведной жизни, не обещая «пряник» после смерти. Этот же факт, восхитивший Ренана, позволил Р. Вагнеру – истинному юдофобу – отнять у иудаизма даже статус религии. «В действительности у евреев нет религии, – утверждал Вагнер, – а есть только вера в известные обетования своего бога: эти не имеют как во всякой настоящей религии, своего исполнения во вневременной жизни, по ту сторону нашего земного существования, а относится единственно к нашей земной, настоящей жизни: здесь в самом деле призывается еврей властвовать над миром...». Кстати, Вагнер сумел обидеть и французов. Да так, что исполнение произведений его во Франции было фактически запрещено на многие десятилетия. И, наконец, еще лишь одна мысль Ренана, еще один тезис его, способный возвыситься и стать тем айсбергом, о который непременно разобьется любой «титаник» антисемитизма: «Так как религии – самые полные произведения человеческой природы, выражающие ее с наибольшей цельностью, то они настолько же подвержены ее противоречиям и не допускают суждений простых и абсолютных. Святой и негодный, прелестный и отвратительный, апостол и фокусник, небо и ад подают друг другу руку, как видения тревожного сна...». Разве не видно, что г-н Мельский запрограммирован видеть все односторонне и искаженно?

Для общего впечатления об одном действительно просвещенном воспроизведу цитату из статьи г-на Мельского: «Евреи – не что иное, как невежественный и варварский народ, который издревле соединяет грязнейшее корыстолюбие с отвратительнейшим

суеверием и непреодолимейшей ненавистью ко всем народам, среди которых они терпимы и за счет которых они обогащаются». «Невежественный и варварский народ» – это сказано о народе сплошной грамотности в течение 18-ти веков, которому через 200 лет после этого высказывания будет принадлежать почти 20% Нобелевских премий при относительной численности около 0,2%. А относительно «грязнейшего корыстолюбия» и прочего, то полагаю, что в данной статье достаточно опровергающего материала. Стало быть, это высказывание могло принадлежать лишь невежественному глупцу. И одновременно – гению, ибо даже страшно подумать, но это – Вольтер.

Не будем удивляться, лучше поймем, что не только нам боги даруют право говорить глупости, но и гениям тоже. И они это право успешно используют. Еще один пример: «...негр представляет природного человека во всей его дикости и бойкости: чтобы это понять, необходимо абстрагироваться от всякого уважения и морали; в его характере невозможно найти ничего, что напоминало бы человека... Широко распространено и допустимо поедание человеческой плоти». Для такого исследования потребовался гений Гелеля. Вернусь на минуточку к гениальному Вольтеру. Биографам известна его страсть к спекуляциям. Спекулировал из корыстолюбия и сколотил солидное состояние. Продолжал заниматься денежными спекуляциями и тогда, когда состоял на службе у Фридриха II, получая 20000 франков годового содержания. Но вдруг по Берлину стали ходить слухи, что Вольтеру удалось «перехитрить хитрейшего из берлинских жидов». Скандал в обществе вызвал гнев Фридриха. Король разбил Вольтера, и он был вынужден принести Фридриху свои извинения. Не в этом ли кусочек причины вольтеровской ненависти?

А вот его соотечественник, граф Альфред де Виньи, тоже много раз высказывавшийся о евреях так, как они «заслуживали», вдруг пишет нечто совершенно непозволительное:

«Заметка о евреях. Это восточное племя, прямые потомки патриархов, преисполненные всеми древними знаниями и гармонией, обладают **высшими способностями, которые ведут их на вершину успеха в делах, литературе и особенно в искусствах... Всего сто тысяч израильтян среди тридцати шести миллионов французов, но они без конца получают первые призы в лицах.** (выделено мною. – Л.Ф.). Четырнадцать из них завоевали первые места в Нормальной школе. Пришлось сократить число тех, кому разрешается участвовать в конкурсе...». Вот так: у Вольтера «невежественный варварский», у де Виньи этот же народ «обладает высшими способностями, ведущими на вершину успеха...». Не ясно ли, что в условиях «Свободы, Равенства» даже без «Братства» и стало очевидным то, о чем и написал граф де Виньи. А после этой очевидности снова пришлось отобрать равенство: «пришлось сократить число тех, кому разрешается участвовать в конкурсе», т.е. ввести процентную норму. И В.К. Плеве – министр России в 1902 – 1904 годах, видимо с учетом французского опыта, заявлял: «Благодеяния высшего образования мы можем предоставить лишь ограниченному числу евреев, так как иначе скоро не останется работы для христиан». Потому-то антисемиты так ненавидят демократию, что она предполагает равенство возможностей. В те времена писали открыто. Ныне приходится использовать другие технологии. Ясно и весьма огорчительно – демонизация евреев, стремление представить их врагами рода человеческого лишь потому, что собственная душа переполнена одной лишь ненавистью к ним. по разным причинам, – есть признак атрофирования нравственной основы личности, возможно усугубленный и психическими сдвигами. Ведь и намек не чувствуется, что в душе «интеллектуала» Мельского имеет место хотя бы на зачаточном уровне борьба между ненавистью и этическим началом. Потому и огорчительно весьма, что видна опасность и не только для народов России. Это лишь К.

Маркс думал и уверял нас, что копией трагедии исторической будет фарс. Не будем наивными, должно помнить и нам – в бесовской антисемитской интеллектуальной галиматье был сокрыт в прошлом будущий Холокост. Копией погрома еще ни разу не был фарс.

Прочитаем заключительный абзац статьи Мельского и убедимся, что он уже созрел, даже детерминирован на палачество: «Мы видим, что будь ли то Диодор, писавший на заре н.э., Магомет, Вольтер, Наполеон или Достоевский – все они, в силу своих наблюдений, приходили к одинаковым выводам, к тем же выводам, к которым неизбежно приходит всякий объективный исследователь основных свойств, постоянно соприсущих еврейскому: глубоко порочная природа еврейства представляет собой смертельную опасность для нееврейских народов, среди которых оно живет, подобно болезненной, внутренней опухоли, отравляющей и подтачивающей их организмы. Народ, желающий жить, должен понять всю глубину еврейской опасности и, поняв, принять радикальные меры к ее устранению».

Разве не предстают перед взором нашим марширующие колонны соратников со столь знакомыми устрашающими символами, созревших и готовых «принять радикальные меры к устранению еврейской опасности»? И разве неизвестны кое-какие дела их?.. Ненависть – чувство истинное, но произведения ее – не истина. Истиной непреложной, не терпящей никаких возражений, явится вывод: кто-то освободил г-на Мельского от «такой химеры, которая называется совесть». И совести нет, и психические сдвиги усмотреть можно. Наверно, при таком сочетании и проявляет себя то, что называют иногда дьяволом. Ибо дьявольское это дело превращать людей не только в дураков, но и в нелюдей-сволочей, способных к окончательным решениям. А узрел дьявола, то как после этого не взмолиться, не обратиться к Всевышнему: «Отец наш, царь наш! Расстрой замыслы ненавистников наших. Отец наш, царь наш! Сорви заговор врагов наших». Испокон веку евреи молили об этом (молитва «Авину, Малкейну»). И добавлю от себя – «Вразуми, пожалуйста, г-на Мельского, как вразумил Ты В. Розанова в 1917-м и Г. Форда в 1927-м, также сотворивших мифы-клеветы юдофобские. Но Ты сотворил чудо, и Г. Форд опубликовал извинения, а В. Розанов покался и написал: “Да будет благословен еврей!” А написал потому, наверно, что вспомнил он Слово Твое, сказанное Аврааму: “Я благословлю благословляющих тебя и злословящих тебя прокляну” (Бытие, 12:3). Но я прошу Тебя, не проклинай в России злословящих нас, народ в течение трех поколений оторван от Библии, потому и сделай исключение для России лет на 60. Ты ведь помнишь письмо восьмилетней девочки Аси, посланное Тебе: “Я прочитала, что Христос – еврей, но он же Твой сын, так что – Ты тоже еврей?” А через 60 лет и девочка Ася и дети ее будут знать все, да и православное священство в России встанет вровень с нынешним католическим и протестантским или придет хотя бы к состоянию 1913 года, когда царское правительство не смогло найти ни одного священника, согласного подтвердить на процессе Бейлиса использование евреями христианской крови. А ныне такой проблемы нет. Помнишь, Ты обещал Аврааму-авину пощадить жителей Содома, если найдется хотя бы 50 праведников, и по просьбе Авраама согласился снизить число их до 10? А в России, я знаю, есть 50 праведников и даже много больше, даже в Петербурге праведников больше 50. Я знаю, народ русский – добрый и хороший, не хуже любого другого. Дай ему, пожалуйста, еще 60 лет. Я верю, что тогда “закон умножения зла перестанет быть таким злым”.

За Великую Тору спасибо великое. Но не только девочке Асе, мне тоже, прожившему жизнь, не очень-то ясно существенное в мироздании Твоем. Может, нам только кажется, что обладаем Свободой Воли? А на самом деле все предопределено всемирными законами природы, Твоими законами? Иудаизм допускает сомнения,

поощряет вопросы. Но где найти ответы? В Торе, в заповедях Твоих? У пророков, у философов? Но ведь даже такие знатоки Торы и пророков, как фарисеи-прушим и саддукеи-цдуким, по-разному, не однозначно понимали Тебя. Если фарисеи полагали, что все в мире совершается по Твоей воле, но человек не свободен от ответственности – “Все предопределено, но право выбора дано”, то саддукеи считали, что Ты определяешь лишь судьбы народов, а не судьбу каждого человека. Философы-детерминисты полагали, что возможно предсказание всего (Лаплас). Да и теории любые научны лишь тогда, когда они изложены в математических формулах (Лейбниц). Вот и пророк Твой, Иеремия, говорил: “Знаю, Господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущего давать направление стопам его” (10:23).

Детерминированность, предопределенность – вроде бы факт истории. Подтверждение – действительно сбывшиеся многие предсказания и для отдельных людей. Но тогда может ли г-н Мельский, и не только он, а мы все быть ответственными перед законом и Тобою? Фарисеи ответят положительно. Саддукеи – тоже. Философы-детерминисты отвечали – нет. А Спиноза утверждал, что Ты лишь создал мир, но не управляешь им. Созданный Тобою мир природы совершенен, гармоничен, но существовать может лишь за счет поедания одними других. А Венец Творения сколь совершенен в одном, столь же примитивен в другом. Прошел уже 5761 полный год. Как Ты сотворил мир, адам лучше не стал. Ни наказание Каина, ни Потоп не помогли. Ты сам увидел, что человек стремился ко злу, что помыслы его несправедны изначально (Бытие, 6:5). Но и потомки Ноя-праведника уже после потопа тоже почему-то оказались склонными ко злу. И трудно не согласиться с И. Бродским, что в мире, Твоем мире, действует закон умножения зла. Каждую секунду рождается человек, а через несколько – убивается другой. Казалось бы, что может быть неясного, спорного в заповеди Твоей: “Возлюби ближнего, как самого себя”? Из нее следует прежде всего: любовь к себе естественна и непредосудительна, ибо без нее невозможно любить других.

Вот и Спиноза, а еще раньше Аристотель, не знавший эту заповедь, считали, что любовь к себе есть добродетель. А реформист Кальвин, наоборот, полагал – что порок. Зато Ницше утверждал – любовь к другим есть слабость, а эгоизм – добродетель. “Любовь к людям – признак вырождения. Эгоизм – вот основа благополучия. Думаешь о своей выгоде, действуешь во имя ее, следствием будет польза всем”.

Философы столь же противоречивы, сколь противоречив мир, Тобою сотворенный. В нем дуализм, противоречия правят бал. Вот и ненависть неоднозначна. Есть – рациональная, разумная, обусловленная угрозой жизни, здоровью, свободе. Но существует и ненависть иная – деструктивная, разрушительная. Она иррациональна, ибо для нее нет нужды в реальном источнике враждебности. Она-то как раз и обусловлена лишь особенностями психики личности. Такие деструктивные личности распространяют свою ненависть на целый этнос, нацию, причисляя к ней нередко и тех, кто к ней не принадлежит вовсе. Характерной особенностью носителей такой злой, разрушительной ненависти является стремление одеться в белые одежды и сознательно или подсознательно выдать свою ненависть за рациональную. Такова ненависть г-на Мельского. Но верю я, что среди титульных россиян найдется достаточное число праведников, способных не допустить, чтобы мельские перековали орала на мечи. Верю – прав Вл. Соловьев – “гонима Россия беспощадным роком, не за грех Белеама, а, наверно, за грех Балака”».

Источник неиссякаемой ненависти – природа человеческая. Потому и неиссякаемый, что воспроизводится вместе с человеком. «Хама Грядущего победит лишь Грядущий Христос» – утверждал Д. Мережковский. Хама Настоящего побороть невозможно, но возможно устоять, как устоял праотец Яков.

Великие религии способны иногда ограничивать, а временами и усиливать мощь источников беспричинной, а потому хамской ненависти к целому народу. Ибо апостолы этих религий – тоже люди. И среди них бывают пастыри-победоносцы ненависти, и пастухи-бедоносцы ее.

В АНГЛИЙСКОЙ СИНАГОГЕ

Àíàòíèèé Èíçàé

На берегу Ла-Манша, который британцы упрямо называют «Английский канал», привольно раскинулся курортный Истбуорн — один из тех городков, которые сразу же очаровывают вас, если удастся поехать по провинциальной Англии. Впрочем, понятие «провинция» звучит в данном случае достаточно условно: всего полтора часа на электричке, и вы в Лондоне. И все-таки тихое графство Восточный Суссекс пленяет своими сельскими ландшафтами, приморскими рыбацкими деревушками, старинными замками.

Набережная в Истбуорне отдаленно напоминает нашу Ялту: так же вдоль набережной выстроились гостиницы, пляжи пестрят яркими тентами, только здесь все фундаментальнее, богаче.

Я оказался в этом городе в канун еврейской Пасхи, в начале апреля. Сразу же по приезде отправился искать синагогу.

Спустя время я спрашивал себя: что мной руководило? Я не религиозен и в еврейский храм отправился не молиться. Просто синагога, как я понимал, то самое место, где наверняка можно увидеть здешних евреев, пообщаться с ними, узнать об их жизни. Интересно, на каком языке они между собой говорят? На идише или на совершенно незнакомом нам, российским евреям, ладино? Ведь, как известно, английские евреи, в отличие от нас, пришли когда-то в Британию не через Польшу, Литву, Румынию, их путь на здешние острова лежал из Испании, Португалии, Италии... Это в большинстве своем сефарды, потомки марранов, о которых приходилось столько читать.

История здешних общин известна кровавыми событиями.

Английская литература изобилует еврейскими персонажами от шекспировского Шейлока до знаменитого Феджина (Фейгина) из «Оливера Твиста». В историю Англии

вошли имена великих евреев – Дизраэли, Монтефиоре, Ротшильда. Не так давно членом кабинета министров был еврей Рифкинд, отвечающий за оборону Великобритании. Как же не познакомиться со здешней общиной?!

Синагогу в Истбуурне я разыскал не сразу. Расспрашивал о ней где только мог, и вот, наконец, в небольшом парфюмерном магазинчике отвести меня к синагоге вызвался хозяин – симпатичный молодой человек. По дороге он рассказал, что сам родом из Турции, а зовут его Хусейн. Приветливость и дружелюбие этого человека даже удивили меня. Казалось, зачем мусульманину, оставив свою лавку, провожать незнакомца в еврейский храм за несколько кварталов?.. Сначала Хусейн привел меня в большой магазин по продаже телевизоров и представил его хозяину-еврею. Нет, он не спрашивал его о синагоге, просто представил меня, и мы двинулись дальше. Потом он завел меня в полутемный гараж, где поблескивали черным лаком несколько автомобилей. Хусейн куда-то исчез. Мне стало жутковато: насмотревшись по нашему телевидению американских боевиков, я вдруг представил себе, что сейчас из темноты должен показаться гангстер с крупнокалиберным пистолетом и потребовать чековую книжку...

Однако вместо гангстера из каких-то дверей появился все тот же улыбающийся Хусейн и не один: он вел ко мне хозяина гаража – еще одного местного еврея, с которым мы только перебросились несколькими ничего не значащими фразами, и отправились дальше. Зачем водил меня Хусейн по этим местам? Вероятно, ему было приятно представить местным евреям такую редкую птицу, как их соплеменник из далекой, почти неведомой здесь Москвы. Надо сказать, некоторые здешние обыватели задавали мне вопросы о том, как мы обороняемся от медведей, по их представлению, эти звери в России бродят прямо по улицам и заходят чуть ли не в каждый подъезд.

А вот и синагога. Это оказалось не массивное величественное здание, какие приходится наблюдать в европейских столицах. Мы стояли возле белого двухэтажного домика, над узкой дверью которого виднелся глазок телекамеры. Но напрасно нажимали мы на кнопку звонка – никто не отвечал.

На следующий день мы, то есть я с дочерью, которая попутно выполняла роль переводчика, стояли перед синагогой с самого утра. На этот раз дверь нам открыли, это был раввин – изящный седой господин в очках с золотой оправой, улыбаясь, он пригласил войти. По-видимому, он уже знал о нас. Скорее всего новость о гостях из далекой Москвы дошла до него еще вчера. Ничего удивительного: думаю, мы были первыми и последними евреями из современной России, неожиданно посетившими крошечную общину приморского Истбуурна. Войдя в синагогу, мы очутились в небольшом помещении, где стояли столики с нарядными скатертями, уже накрытые для пасхальной трапезы. Раввин, не вступая в разговоры, торопливо повел нас по лестнице на второй этаж, где разместился маленький молитвенный зал человек на пятнадцать-двадцать. Молитва уже началась, но женщины, стоявшие ближе к выходу позади нескольких мужчин, при нашем появлении сразу же приветливо заулыбались. Моя дочь осталась возле них, а меня раввин быстро провел к первому ряду. Тут же из-под свободного сиденья был извлечен талес, мне помогли его надеть, дали молитвенник...

Вот тут я должен покаяться. Мной овладело едва ли не паническое чувство. Я растерянно огляделся: рядом истово молился крупный, даже, я бы сказал, могучий мужчина с удивительным, на мой взгляд, для Англии библейским лицом: большой крючковатый нос, вывернутые толстые губы, немного навывкате глаза. Такого еврея можно было встретить, наверное, на выжженных аравийским солнцем холмах древней Иудеи в белом одеянии верхом на ослике, но никак не в современной христианской

Британии. Мелькнула мысль о славных марранах, приплывших сюда когда-то из знойной Кастилии и с Мадейры... Он же, как мне показалось, не заметил моего появления, продолжая молиться.

Я был безмерно смущен, и смущение мое было вызвано тем, что я НИКОГДА В ЖИЗНИ НЕ МОЛИЛСЯ! Не знаю ни одного слова из еврейских молитв! Никогда не стоял в синагоге среди молящихся! Но тогда зачем я здесь? И как себя вести? Я оказался в нелепом положении человека, которого, например, вели в театре за кулисы, а он оказался вдруг на сцене, под ослепительным светом рампы на виду у переполненного зала!

И в то же время я понимал, что происшедшее логично. Еврей разыскивает синагогу в дни Пасхи и, разыскав, с самого утра является туда. Естественно, он пришел помолиться, верно? Кому из окружающих может прийти в голову, что эти русские евреи выросли в условиях тотального, беспощадного атеизма, да и не только атеизма, когда синагога была если не совсем запретным, то во всяком случае таким местом, которое в силу ряда причин мало привлекало людей?..

Я простоял в оцепенении несколько минут, не зная, как быть дальше. Притворяться, что молюсь? По-моему, это было бы кощунством, хотя старый товарищ, выслушав мою смятенную исповедь, говорит, что надо было притвориться. Я осторожно стащил с себя талес и, опустив глаза, сгорая от стыда, прошел между молящимися к выходу. Я готов был провалиться сквозь землю, так мне было неловко. И было больно, что среди своих соплеменников, которых так хотел увидеть, я оказался белой вороной. Даже не представляю себе, как расценили потом евреи Истбоурна наш приход и поспешное бегство из синагоги.

Мы сказали раввину, что нас ждет автобус в Брайтон (так и было на самом деле), и договорились обязательно встретиться завтра. Но следующим днем распорядилась сама судьба: наш маршрут по Англии круто изменился, и мы покинули город на Ла-Манше навсегда.

Прошло уже несколько лет после этого случая, но до сих пор, вспоминая крошечную еврейскую общину в том городке и свое позорное поведение в синагоге, я ощущаю острое, непреходящее чувство стыда.

Кто-то из наших московских евреев, услышав мой рассказ, машет рукой: «Подумаешь! Стоит ли из-за этого переживать!». Для меня же та история стала серьезным уроком, после которого я сделал для себя твердый вывод, вернее, несколько:

1. Каждый еврей обязательно должен знать если не все, то хотя бы основные, главные еврейские традиции и правила поведения, предписанные еврею.

2. Да, надо знать хотя бы основные еврейские молитвы, пусть не в совершенстве, но без их знания ты не еврей.

3. Необходимо владеть еврейским языком, если не ивритом, то хотя бы идишем, чтобы в любой стране среди евреев не требовался переводчик.

4. Всегда оставайся евреем.

К великому сожалению, по сей день я не могу похвастаться выполнением всех этих правил. Чтобы преодолеть силу многолетней инерции, нужна колоссальная воля и, наверное, определенная среда...

Но что я вижу среди своих сверстников, рожденных евреями? Уверен, большинству из них, окажись они в Истбуурне, в голову не пришло б искать местных евреев, да еще в синагоге. Они и дома то посещают синагогу только ради материальной помощи. Почти все в юности вступили в смешанные браки и спокойненько сносят презрение своих детей и внуков к иудаизму... Один из них, в прошлом журналист, оставшись без работы, на мое предложение писать для еврейской прессы, только рассмеялся, другой просто спросил: «А что у тебя общего с жидами?», третий постоянно с удовольствием рассказывает о щах с кислой капустой и поросенке с хреном, которых мастерски готовит его жена, четвертый, дожив до восьмидесяти лет, знает на идише всего два слова, пятый, заявив, что ни за какие коврижки не поедет в Израиль, укатил в Германию... На их фоне я не самый худший еврей. Впрочем, не такое уж это и утешенье.

Та история в английской синагоге по-прежнему всплывает в памяти, заставляя переживать смятение чувств. А вы как думаете, дорогой читатель, правильно ли я тогда себя повел в английской синагоге?

ПРОГУЛКИ ПО НОВОДЕВИЧЬЕМУ

Ḥēiḥi ḥi Ḥēiḥi

Продолжение. Начало в №113.

«БЕЗ КОГО НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

В книге Даниила Данина «Бремя стыда» есть несколько страниц о поэте С.А. Васильеве. Посмотрел в указатель своей книги «Некрополь» и убедился, что среди полусотни Васильевых, покоящихся на Новодевичьем, есть Васильев с такими же именем и отчеством – Васильев Сергей Александрович (1911-1975), поэт, переводчик.

И вот что у Данина:

«... он при всякой встрече, в клубном ли ресторане или клубном сортире, однообразно уговаривал меня статью о нем написать. Долговязый, преступнолицый – со вмятиной на переносице и алчно-красивыми глазами – он умел угрожающе нависать над собеседником. И пошучивая, вовсе не шутил:

– О ком ты только не писал, старик... А обо мне, мать твою так, еще ни слова! Подумай о душе, старик!

И мне оставалось отшучиваться в ответ: “Создай что-нибудь эдакое – тогда...”».

В 49-м он создал!.. Его юдофобская поэма «Без кого на Руси жить хорошо» безнаказанно ходила по рукам в гранках «Крокодила».

Редактор «Крокодила» был человек умный и хитрый. Он заслал этот «шедевр» в набор, чтобы продемонстрировать свою готовность публиковать, а затем отправил гранки в ЦК КПСС, спрашивая указания – печатать или нет?

Не желая «наследить», оттуда ответили: на ваше усмотрение. И поэма света не увидела.

(1-12-2)

НЕОТРАЗИМЫЙ ДОВОД

В 1946 году предстояли выборы в Академию медицинских наук СССР. Кандидатом в академики выдвинули уролога Фронштейна Рихарда Михайловича (1882 – 1949).

Претендентов на столь высокое звание было в несколько раз больше, чем объявленных вакансий. Ясно, что исход выборов не в последнюю очередь зависел от весомости аргументов, изложенных в письмах ученых, лечебных и научных учреждений, ходатайствующих за своих кандидатов.

В архиве Академии медицинских наук мне предоставилась возможность ознакомиться с личным делом Фронштейна, в котором хранятся и «предвыборные» документы.

Начал читать их и быстро понял, что мне, далекому от медицины, все равно не оценить «убойную» силу профессиональных доводов в пользу кандидатуры Фронштейна.

Решил уже бросить, но привлекло внимание письмо на бланке депутата Верховного Совета СССР, адресованное президенту Академии медицинских наук СССР Н.Н.Бурденко. Писал М. Цхакая, бывший председатель Президиума ЦИК Грузинской ССР.

Цхакая считает, что Фронштейн, пациентом которого он был многие годы, достоин представлять урологию в Академии, и подкрепляет это таким «неотразимым» доводом:

«... урология в будущем – важнейшая отрасль единой медицинской науки, ибо вопрос касается самого важного центрального органа человека, без которого его производство невозможно...»

Сыграл ли именно этот довод решающую роль в борьбе с конкурентами, не знаю, но знаю, что Фронштейн стал первым среди урологов действительным членом Академии медицинских наук СССР.

(1-11-3)

«ОБЪЕКТ-12»

В конце января 1949 года Жемчужину Полину Семеновну, которая к этому времени оказалась уже кругом «бывшим»: бывшим наркомом рыбной промышленности, бывшим кандидатом в члены ЦК ВКП (б), бывшим членом партии и даже бывшей женой Молотова (они разошлись, выполняя требование Сталина), – пригласили в ЦК, чтобы там ее... арестовать.

В чем только не обвинили Жемчужину – близкие отношения с врагами народа, поддержка их националистических действий, связь с международным сионизмом, встречи с Михоэлсом, участие в его похоронах, распространение слухов о его насильственной смерти, частые встречи с послом Израиля Голдой Меир...

Всего этого другому с лихвой хватило бы на смертный. Ей вынесли относительно мягкий приговор: пять лет ссылки в Кустанайскую область.

В конце января 1953-го, когда у Жемчужиной позади было более трех лет ссылки, ее по указанию Сталина специальным рейсом доставили в Москву.

В оперативной документации Жемчужина значилась как секретный «объект-12».

Месяц длились новые допросы, но вдруг прервались... Умирал Сталин.

На следующий день после его похорон Жемчужина была освобождена. И прожили они с Молотовым еще 17 лет.

По просьбе Молотова Жемчужину похоронили рядом с ее матерью – Карповской С.А., и на памятнике сделали надпись:

Жемчужина-Молотова Полина Семеновна

(1897 – 1970).

Полина по-еврейски – Перл, что значит «жемчуг». Отсюда и ее фамилия-псевдоним. Но двойную фамилию она никогда не носила. Почему же так на памятнике?

Посмертное «удвоение» фамилии, по-видимому, продиктовано желанием здравствующего тогда Молотова себя морально реабилитировать и продемонстрировать, что все перенесенное Жемчужиной их не разлучило.

(1-43-29)

СМЕРТЬ БЕЗ СЕНСАЦИИ

Умер сам или ему «помогли»? Самоубийство или убийство? Погиб случайно или катастрофа организована?..

Когда такая альтернатива возникает в определении судеб знаменитых людей, чей уход из жизни остается загадкой (Аллилуева, Есенин, Маяковский, Фрунзе, Орджоникидзе, Михоэлс...), поиск правдивого ответа не «истекает за сроком давности», ибо в истине очень заинтересована история.

Но докопаться до правды, увы, как правило, удается в очень редких случаях. А потому годами живут разные версии, легенды, будоражащие умы, влекущие доморощенных исследователей...

Сенсация, о которой пойдет речь, связана с именем Литвинова Максима Максимовича (1876 – 1951), выдающегося дипломата, который был народным комиссаром иностранных дел, послом в США в годы Великой Отечественной войны...

Создали сенсацию двое. Точнее – один рассказал (Микоян), а другой – обнародовал (Бережков).

Журналисту-международнику Валентину Бережкову довелось не только работать с известнейшим партийным и государственным деятелем Анастасом Ивановичем Микояном, но и частенько беседовать с ним в домашней обстановке. И, как правило, такие встречи заканчивались предложением Микояна «поговорить о прошлом».

Вот одна из их бесед.

«... Литвинова, – рассказал Микоян, – решили заменить, когда наметился пакт с Гитлером.

Литвинов как еврей, да еще человек, олицетворявший нашу борьбу против гитлеровской Германии в Лиге Наций и вообще на международной арене, был, конечно, неподходящей фигурой на посту наркома иностранных дел в такой момент...

В итоге Литвинов оставался до осени 1941 года не у дел.

Только тогда, когда наши дела стали катастрофически плохи, когда Сталин был готов хвататься за любую соломинку, он решил снова использовать опыт Литвинова и направил его послом в Вашингтон.

Можно сказать, что он спас нас в тот тяжелейший момент, добившись распространения на Советский Союз ленд-лиза и займа в миллиард долларов...

Но как только дела наладились

, Молотов снова повел интриги против Литвинова, и его отозвали в Москву... Литвинов, хотя и получил формально пост заместителя министра иностранных дел, фактически оказался не у дел, а потом и вовсе был уволен в отставку.

А кончил он жизнь вообще трагично. Автомобильная катастрофа, в которой он погиб, была не случайной, она была подстроена Сталиным.

– Анастас Иванович, не может быть, я просто не в состоянии поверить этому...

Микоян невозмутимо продолжал:

– Я хорошо знаю это место, неподалеку от дачи Литвинова. Там крутой поворот, и когда машина Литвинова завернула, поперек дороги оказался грузовик...

Учитывая важность всего того, что Микоян мне поведал, я спросил, могу ли я, разумеется, со ссылкой на него, использовать этот рассказ в одной из моих работ.

– Надеюсь, – ответил Анастас Иванович, – что я сам, когда подойду к этому периоду, все расскажу (Микоян тогда публиковал свои воспоминания в журнале «США: экономика, политика, идеология», главным редактором которого был Бережков. – Прим. авт.). Но если не успею, то вы можете, в зависимости от обстановки по здравому суждению, воспользоваться данной информацией».

И Бережков воспользовался. Включил все это в свою книгу «Рядом со Сталиным».

Книга была еще в печати, когда газета «Вечерняя Москва» поспешила опубликовать отрывок из нее.

Родилась настоящая сенсация. Еще бы! Почти пол-века считалось, что Литвинов умер у себя дома от сердечной болезни, и никто в этом ни разу не усомнился.

Прожила эта сенсация недолго. Не прошло и месяца, как в той же «Вечерней Москве» появилось письмо М. Литвинова, сына М.М. Литвинова, «Смерть без сенсаций».

Он пишет, что отец «...после второго инфаркта в ноябре больше не вставал и 31 декабря 1951 года скончался в собственной постели. Все это время мой отец находился дома и был под наблюдением врачей Кремлевской больницы. В последний месяц круглосуточно дежурила медицинская сестра. В момент смерти около него находилась моя мать... Должен сообщить, что в это время у нас не было никакой дачи... Надеюсь, что ваша газета сделает все возможное, чтобы разоблачить эту очередную историческую фальшивку».

ВСЕ МИРОЗДАНИЕ СЛЫШИТ:

«ШМА, ИСРОЭЛЬ!»

К юбилею Павла Антокольского

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

1 июля Павлу Григорьевичу Антокольскому исполнилось бы 105 лет.

Родившись в Петербурге, он всю жизнь прожил в Москве. Свою творческую карьеру он начинал как режиссер драматической студии Евгения Багратионовича Вахтангова, был не только его сподвижником, но и близким другом.

По сей день, уже почти 80 лет, со сцены театра Вахтангова не сходит «Принцесса Турандот». В постановке этого спектакля Антокольский сыграл в свое время заметную роль. Он-то и предложил молодому Евгению Вахтангову поставить «Игру» по пьесе Гоцци «Принцесса Турандот» и предрек, что спектакль окажется столь же вечным, как и творение Гоцци.

Здесь, в студии Вахтангова Антокольский познакомился и подружился с молодым Юрием Завадским, игравшим в «Турандот» Калафа.

Павел Антокольский – племянник скульптора Марка Матвеевича Антокольского. Видно, любовь к скульптуре, живописи у них в роду. Ему пророчили будущее художника, актера... Но отнюдь не поэта.

А Александр Архангельский как-то написал на Антокольского такую эпиграмму:

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יִשְׂרָאֵל

*È í à ññò ù í á ì àäëÿ çà ñò èèè?
Áíÿë ÿ ì ðäëëíæáí ùþ êíí ñëüòáí òà
Í ðíøëíá! Í àñ òðéó! È í à ñëíì!
Ðíáíáíì è ññàòéáì è òáéáí òà
В âçíãäëè çà ì èññè áíí ùì ñòíëíì.*

В этой эпиграмме шутки только доля. С начала 20-х годов и до конца своих дней (Павел Григорьевич умер в Москве в 1978 году) Антокольский в первую очередь был поэтом и только потом переводчиком и прозаиком – его книга о Пушкине получила высокую оценку литературоведов. Первый поэтический сборник «Стихотворения» вышел в 1922 году, а последние стихи написаны уже спустя полвека.

Он был непререкаемым авторитетом для молодых поэтов, вошедших в поэзию в военные и послевоенные годы, – список литераторов, считавших Антокольского своим учителем, состоял бы из десятков имен. Но мы перечислять их не будем. Зато процитируем строки, посвященные П. Антокольскому двумя замечательными поэтами. Свое послание к нему Ярослав Смеляков завершает так:

Здравствуй, Павел Григорьевич,

Древнерусский еврей!

А вот последнее четверостишие из «Письма Антокольскому» Булата Окуджавы:

*Áí ññèääí èÿ, Í àäëè Áðèñ ðííàè÷!
Í àì ññààòóññÿ íæüçÿ.
Áñá àðàäè ìíëá íàøáé ñí àðòè
çàì èøóòíÿ è íàì áäðçíÿ.
Í í ìáðíá áóðáé áñíñíà í àäáçé í áé
â áóóóíáá äëÿáàòü..
Ñàì ùá÷èñòóá ðáááðè ááèèò
èáì èòáí íàááòü!*

Какой особый пиетет авторов к адресату!

Еврейство Антокольского, о котором упомянул Смеляков, определило одну из важнейших тем в его творчестве.

Есть у Павла Антокольского стихи, по сути даже маленькая поэма – «Теряются следы в тысячелетиях». Написать ее заставил Бабий Яр. Главное и вечное, что хотелось сказать поэту, с особой, библейской силой прозвучало в последних строфах.

Слева направо: Н. Заболотский, А. Межиров, Н. Тихонов, П. Антокольский. Тбилиси, 1947 год.

... *Î ÷ í èññ, àèòÿ àèáèéñéíã í àðíää!*
Ãaç èèè í èáò èà, èèü ãéí ò í è ñéí òà, -
Ãñò àí ü þ í äÿ! Â ääèàð ò àéíã ðíää,
Â ò àéí è èþáàè í á ì í æáò áú ò ü èí í òà
Â ò àéóþ í í ÷ ü ááæ àéí ñò í í ðãñí àóí óò
Í ááññ ù é èóí í è á í ðíçãèáí è çããã,
Ñááðèààò ì í ðà, ðíçú äóó í í í àóí óò
Ñéáñçí ñ ò í è èáò, çà ñ ò í è
ò úñÿ ÷ ááðñò.
В äëÿ ñéè àáí üÿ í àø áãñ í ññò ðí è è
Â èñÿ ÷ è á í áá áá ÷ í ññò ùþ ì í ñò ú.
Ãññ ì è ðíçãèáí ùá ñéú ø è ò:
- Øí à, Èññÿ èü! - è í úøáò àèüí
í è àí áí áí.
Â ò ú?

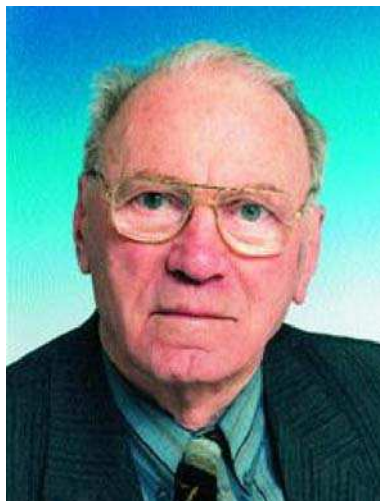
В этих строках столько глубины, зрелого поэтического сознания, любви к истории своего народа! Эта любовь изливается и в знаменитой поэме Антокольского «Сын», и в одном из самых потрясающих произведений на еврейскую тему – «Лагерь уничтожения». Вот из него отрывок.

*... È ò îãà î îãîøèà é í àì , ææòà
èàé èèì íí,
òà ñòàððóèà á òðè ò ùñý:è éáò,
á èàòááæéá, á í èàòéá äîîîòîííúð
âðàì áí,
æá äæñâøéé í îè ñèæáò...
... «Èçàèí èòá B øèà î î äîðæí ùì
ñò î èáàì,
î î î äîðá:èàì, ñææáí í ùì äîèà
Áú í á çí ààòá, äüá î î è î æüí:èèè, í áí?
Í á çàì àò èèè, äüá èð ò æà?
Èçàèí èòá î áí ý. B æóòà è ñèáí à
Î î æáò áúòü, ñðáèè í î èüñèèð ðááí èí,
Î î æáò áúòü, ýò è ñèî ñèí àí í úá :âðàì à -
Î î è È î ñèò è î î è Ááí üýì è í?..»*

Без еврейской музыки Павла Антокольского, как и без стихов М. Светлова, И. Сельвинского, И. Уткина, М. Цетлина, антология русско-еврейской поэзии была бы немислимой...

ПОЛКОВНИК В ОТСТАВКЕ ЕФИМ ЛЮБОШИЦ

יְעֹבֵד אִמִּיעַ

Полковник в отставке, кандидат технических наук, старший научный сотрудник группы военно-экономического анализа Института экономики переходного периода Ефим Яковлевич Любошиц благодаря своим профессиональным качествам известен довольно многим. Славы ему добавили и многочисленные публикации в «Вопросах экономики», «Независимой газете», «Независимом военном обозрении»,

«Сегодня», «Демократическом выборе», «Финансах» и в «Политическом курьере партии Демократический выбор России», на страницах которых Ефим Яковлевич выступал по таким актуальным проблемам, как военная реформа и ее экономическое обоснование, рациональное финансирование Вооруженных сил России.

В марте этого года Е.Я. Любошицу исполнилось 80 лет.

Он продолжает работать, полон творческих сил и планов.

Вкус к общественной жизни Ефим Любошиц почувствовал очень рано. Он считает, что в этом сказались родительские гены: мать и отец были членами еврейской организации «Бунд», основанной в 1897 году в Вильно. Оттуда родом был отец Ефима. В начале Первой мировой войны его арестовали и выслали в подмосковный Богородск (ныне Ногинск). Нет худа без добра: там он познакомился со своей будущей женой – на партийном собрании. С 1918-го оба они стали членами РКП(б).

Вскоре молодые супруги переехали в Москву, и у них родился сын. Отец Ефима был кожевником, кроил заготовки для перчаток, мать – швеей. Но скоро она сменила профессию: не имея среднего образования, все же окончила трехгодичные журналистские курсы и потом работала редактором заводских многотиражек сначала на одном, а затем на другом заводе.

В те годы, когда Ефим учился в начальной школе, пионерские организации были только при различных предприятиях, и он стал пионером в Институте Маркса-Энгельса-Ленина, который находился недалеко от дома. В школе он был активистом, постоянно участвовал в выпуске стенгазет, был пионервожатым, членом комсомольского бюро...

Окончив 9-й класс, Ефим перешел из обычной в специальную школу Наркомпроса – там готовили к поступлению в артиллерийское училище. Это и определило всю его дальнейшую судьбу. Будучи десятиклассником, он стал кандидатом в члены партии, а в 1939 году стал курсантом 3-го Ленинградского артиллерийского училища. Там обучали три года (в других училищах только два), что давало выпускникам преимущество при поступлении в Артиллерийскую академию. Казалось, перспектива для Ефима уже определена.

Но лето 1941-го вмиг перевернуло все планы. В июле большую группу выпускников училища, в том числе и лейтенанта Е.Я. Любошица, откомандировали в Подмоскovie для формирования первых полков гвардейских минометов – «катюш», и уже в августе их дивизион был направлен на помощь Ленинграду вместе с вновь сформированной 54-й армией. Под Ленинградом дивизион воевал до января 1944 года. В первые месяцы войны Любошиц был принят в партию.

В 20 лет Ефим Любошиц командовал батареей, в 21 – дивизионом, а в 23 года стал начальником штаба полка. На фронте он встретил Нину Юлиановну Гейвиш, которая пошла добровольцем на фронт после окончания двух курсов химического факультета Московского университета и работала машинисткой штаба (сейчас у них от единственной дочери трое внуков и два правнука).

Ефим Любошиц воевал не в штабе, он был настоящим боевым командиром. 17 – 18 января 1944 года под его руководством с огромным риском и без потерь была осуществлена переправа дивизиона «катюш» по неокрепшему льду реки Мста и через озеро Ильмень (19 км). Первым на тяжело нагруженной боеприпасами машине этот путь проделал сам Любошиц, а потом уже по его приказу и весь дивизион. Предельная скорость машин, принятые меры предосторожности позволили успешно провести этот бросок, что обеспечило возможность отбить контрнаступление противника. Это привело к окончательному снятию блокады Ленинграда, о чем 29 февраля 1944-го писала «Красная звезда».

Е.Я. Любошиц сражался на Ленинградском, Волховском, 3-м Прибалтийском, 3-м Украинском фронтах, дошел до Чехословакии. Он награжден 24 правительственными наградами, из них пять орденов – «Красного знамени», «Красной звезды», «Отечественной войны I степени» и двумя орденами «Отечественной войны II степени», медали «За отвагу», «За боевые заслуги» и другие.

Войну Е.Я. Любошиц закончил в звании майора. Он был молод, вкус к учебе не пропал. Успешно сдав экзамены, он поступает на факультет ракетного вооружения Артиллерийской академии им. Ф.Э. Дзержинского (ныне – им. Петра Великого) и успешно окончил его в 1951 году. Он сразу получает ответственную должность главного инженера дивизиона в Бригаде особого назначения, которую предстояло вооружить первыми баллистическими ракетами отечественного производства.

Е.Я. Любошиц отвечал за освоение расчетами технологии подготовки и пуска ракет. Летом 1952 года несмотря на огромные трудности был осуществлен пуск ракеты

под руководством генерального конструктора в области ракетостроения и космонавтики С.П. Королева.

Хотя Любошиц был в Бригаде единственным специалистом с академическим образованием и непосредственное начальство высоко оценивало его работу, в конце 1952 года его перевели на Украину, где строился арсенал для хранения ракет и ракетных комплексов. То были годы борьбы с «космополитизмом», и попытки местного и московского руководства перевести Любошица на более высокую должность не увенчались успехом. Только в ноябре 1956 года была, наконец, удовлетворена его просьба о переводе в родную Москву.

Положение дел на экспериментальном заводе головного 4-го Центрального научно-исследовательского института (4ЦНИИ) Минобороны Российской Федерации, где Е.Я. Любошиц стал начальником технического бюро, не было благополучным: не хватало запасных частей, работников смежных специальностей и т.п. В результате множества проблем рабочие простаивали, план не выполнялся... За время работы там Любошиц получил 18 взысканий!

К счастью, когда в конце 1959 года были созданы ракетные войска стратегического назначения, Е.Я. Любошица перевели в управление эксплуатации ракетного вооружения на должность старшего научного сотрудника. Спустя три года он стал заниматься вопросами обеспечения эксплуатации ракетных комплексов запасными частями, инструментом и принадлежностями (ЗИП). В результате работы трех научных сотрудников, лидером которых был Ефим Яковлевич, удалось подготовить научно обоснованную методику определения рационального состава ЗИП и решение правительства, кардинально совершенствующее всю систему обеспечения ЗИП. Это дало возможность снизить среднюю долю затрат на ЗИП в общих затратах на ракетное вооружение с 10 до 3 процентов. С учетом паритета покупательной способности это было эквивалентно 200 миллионам долларов в год.

Однако, когда в 1970 году на основе их работ в 4ЦНИИ появился специальный научный отдел, созданный, чтобы продолжать работы в этом направлении, Любошиц не получил ни должности начальника этого отдела, ни даже руководителя лаборатории. Мало того, в тот же год его уволили «по возрасту» из рядов Вооруженных сил, правда, заручившись его согласием работать в 4ЦНИИ гражданским старшим научным сотрудником.

Почему же так вышло? Как считает Ефим Яковлевич, причиной этого были не только возраст (49 лет) и национальность, но и отголоски тех 18 взысканий, полученных на экспериментальном заводе, где он работал в невыносимо тяжелых условиях. В 1988 году при очередном сокращении Вооруженных сил его уволили и с гражданской должности несмотря на то что к тому времени им были получены новые высокоэффективные научные результаты. В конечном итоге никто его разработки так и не реализовал.

Разве может специалист такого уровня, такой закваски человек сидеть сложа руки! В том же году Е.Я. Любошиц написал Генеральному секретарю ЦК КПСС М.С. Горбачеву письмо о нерациональных расходах на вооружение армии и флота. Его пригласили к одному из инструкторов ЦК, сообщили, что содержание письма заинтересовало руководство высокого ранга, предложили написать более подробный секретный вариант. И этот вариант уже вскоре был подготовлен, но многие крупные силы были заинтересованы в сохранении существующего положения с военными расходами...

Тогда Е.Я.Любошиц очень многое для себя понял и, конечно, пошел дальше. Он оказался в числе тех прогрессивно мыслящих членов партии, которые образовали «Демократическую платформу КПСС». Предпринимались попытки создать в ней отдельную, по-настоящему деятельную фракцию. Не удалось. Стало очевидным, что многолетняя диктатура компартии исключает возможность ее перестройки, и Е.Я. Любошиц в 1990 году принял решение выйти из ее рядов. Он выступил по радио «Эхо Москвы» с призывом последовать его примеру.

Еще за год до этого Любошиц стал активным членом районного объединения избирателей – части московского объединения, на базе которого создавалась «Демократическая Россия».

В ноябре 1990 года он публикует в «Вопросах экономики» статью «Военные расходы под контроль науки», и эта публикация определяет его дальнейшую судьбу: его приглашают на работу в «Международный фонд конвенции».

Разумеется, в дни путча 1991 года Е.Я. Любошиц был у Белого дома. Впоследствии ему вручат нагрудный знак «18 – 19 августа 1991 года» за те дни и ночи, которые он провел вместе с другими москвичами, защищая по призыву президента и Верховного Совета конституционную власть.

В 1994 году Любошиц вступил в партию «Демократический выбор России». В 1997-м ему удалось убедить директора Института экономики переходного периода Е.Т. Гайдара, что исследования института такого профиля невозможны без разработок по военной экономике, и при институте была создана группа, в которой Ефим Яковлевич и трудится старшим научным сотрудником по сей день. Группа анализирует военные расходы федерального бюджета, разрабатывает соответствующие проекты федеральных законов и предложения по совершенствованию бюджетного процесса, проводит экспертизу всех проектов законов, поступающих в Государственную думу, связанных с военными проблемами. В настоящее время основное внимание группы уделяется разработке предложений по переводу Вооруженных сил и других войск на профессиональную основу, сокращению срока военной службы по призыву.

Ефим Яковлевич публикует много работ, вот лишь некоторые из них: «Как сэкономить на военных расходах», «Как сформировать оборонный бюджет России», «Правительственные чиновники препятствуют повышению эффективности расходов на оборону», «Как преодолеть кризис Вооруженных сил России», «Причины кризиса Вооруженных сил России», «Изменение численности и структуры Вооруженных сил», «Сокращение Вооруженных сил неизбежно. План военной реформы нуждается в корректировке и широком обсуждении»... У него замечательный опыт, он полон творческих сил. Пожелаем же Ефиму Яковлевичу здоровья и дальнейших успехов.

НАЧАЛО МИРА – В СЛОВЕ

Ááí ääèèò Nàdí îá

Онажды случилось мне в Малеевке целый месяц сидеть за одним столом с пожилым поэтом Павлом Железновым. Это, как вы, конечно, догадываетесь, псевдоним. А настоящая его фамилия, которую никто (может быть, даже и он сам) уже не помнил, наверняка была какая-то еврейская. Об этом с очевидностью говорила его внешность. Ну, а кроме того, всезнающий Семен Израилевич Липкин сообщил мне, что этот пожилой поэт был отпрыском какой-то богатой еврейской семьи. Году в восемнадцатом или девятнадцатом пятнадцатилетним подростком сбежал из дому. Года полтора беспризорничал. А потом – уже на этой основе – сварганил себе новую биографию, а заодно и новое – пролетарское – происхождение.

Окончив с серебряной медалью гимназию, она уехала из родительского дома в Одессу и поступила в Новороссийский университет.

Как выяснилось из наших с ним разговоров, не только пролетарское.

Говорили мы с ним за столом – как все тогда – в основном о политике. Я пощипывал Сталина. Он – с некоторой долей осторожности, конечно, – Хрущева. (Дело было в разгаре хрущевской оттепели.)

И вот однажды, выйдя к обеду, он выдал мне такую домашнюю заготовку.

– Вот вы меня сталинистом считаете. А ведь мне в те времена тоже не сладко приходилось. В тридцать седьмом году про меня распустили слух, что я будто бы еврей.

– Про меня этот слух распустили в двадцать седьмом году, – усмехнулся я. – И, как видите, ничего, жив.

Этим своим находчивым ответом я был очень доволен. Но, по правде говоря, сказал я это – просто так, для красного словца.

Однако был в этой моей реплике и другой, более глубокий смысл, чем она, собственно (уже задним числом), привела меня в такое восхищение. Реплика давала понять, что не то что в двадцать седьмом, но даже и в тридцать седьмом году так называемый пятый пункт не играл в жизни советских людей сколько-нибудь

существенной роли. Гораздо важнее тогда был пункт шестой: социальное происхождение. И ведя все эти разговоры, я был искренне уверен, что впервые столкнуться с тем, что я еврей, мне пришлось уже во взрослом состоянии. Ну, во всяком случае никак не раньше, чем в сорок пятом, когда мне пришла пора поступать в институт, и – впервые – разнесся слух, что в какие-то элитарные вузы (в МИМО – институт международных отношений, например) евреев не принимают.

На самом деле, однако, с этой проблемой мне пришлось столкнуться (я только об этом не знал) буквально в самые первые дни моего земного бытия.

Ни о каком обрезании не могло быть и речи.

На восьмой день после моего появления на свет мне полагалось сделать обрезание. Чаша сия, как известно, не минула даже Иисуса Христа. Каждый год в ночь с 31 декабря на 1 января мы отмечаем именно это событие. Именно к церковному празднику Обрезания Г-сподня, а отнюдь не к Рождеству, которое, как известно, приходится не на 1 января, а на 25 декабря, приурочиваем мы начало нового года.

Итак, со мною должны были проделать то же, что 1927 лет назад проделали с Иисусом Христом, а до него и после него с миллионами других еврейских младенцев.

Но на дворе стоял уже десятый год молодой советской республики, и родители мои жили в Москве, и были они люди вполне свободомыслящие, не соблюдавшие никаких религиозных обрядов, а мама моя, к тому же, была врачом, и она даже помыслить не могла, чтобы какой-то грязный еврей прикоснулся к ее ребенку своим отвратительно негигиеничным ножом, а потом еще – чего доброго – высасывал кровь своими грязными – совсем уже негигиеничными – губами, как это описано в рассказе Бабеля «Карл-Янкель».

Да и не только в гигиене было дело. Разве для того она, закончив с серебряной медалью гимназию в своих родных Черкассах, уехала – одна – из отцовского дома в Одессу и поступила в Новороссийский университет, и не пропустила там ни одной лекции даже в том страшном году, когда город что ни день переходил из рук в руки – от немцев к французам, от французам к григорьевцам, от григорьевцев к деникинцам... И все это для

того, чтобы теперь, на десятом году революции вдруг, ни с того ни с сего, вернуться к каким-то мракобесным средневековым обрядам?

Короче говоря, ни о каком обрезании не могло быть даже и речи.

Но у меня был дед – отец моего отца (которого я, кстати сказать, ни разу в жизни не видел).

Дед был тоже не шибко верующий – не раввин, не цадик, как у моего друга Эмки Манделя, а самый обыкновенный еврей, музыкант, «клезмер», как это там у них называлось. Может быть, он и в синагогу даже не ходил, а если ходил – так только по самым большим праздникам. Но – тем не менее – представить себе, что его внук – первенец его старшего сына – останется необрезанным, он не мог.

Революция, там, советская власть – пожалуйста, он не против. Но тысячелетний обряд должен быть совершен.

Как сказала еврейка из анекдота, которую погромщики хотели изнасиловать, а отец пытался ее отомлить: «Папаша, погром – есть погром!»

Дед написал отцу, что если мне не сделают обрезание, он меня – не то чтобы проклянет, но – не признает. Будет считать байстрюком. (Наверно, было употреблено какое-то другое, специфическое, сугубо еврейское слово, обозначающее еврейского мальчика, над которым не был совершен необходимый обряд. Но я этого слова не знаю, поэтому пользуюсь единственным пришедшим мне в голову русским аналогом.)

Дело, впрочем, обстояло, кажется, даже еще хуже. В случае, если я останусь байстрюком, дед, как будто, грозился даже, что и брак моего отца с моей мамой он тоже не будет признавать. (Довольно с него того, что и венчались они не в синагоге, как подобает порядочным людям, а просто расписались в загсе).

Отец мой, как я уже говорил, был очень хорошим сыном. И противиться воле родителя, к тому же высказанной в столь непреклонной форме, он не мог.

Были там какие-то душераздирающие сцены. Мать рыдала. Отец тоже сперва пытался переубедить деда. А время шло. Был уже далеко не восьмой день, прошло, кажется, даже два или три месяца. С каждым уходящим днем жуткий кровавый обряд становился для мамы все страшнее: ребенок ведь уже что-то такое сознает... Как то перенесет он эту страшную операцию?

В конце концов компромисс был найден.

То, что надо было отрезать, мне отрезали. Но сделано это было врачом, в больнице, в сугубо гигиенических условиях, тщательно продезинфицированными хирургическими инструментами. Маму убедили, объяснив ей, что такую операцию часто делают отнюдь не по религиозным, а по чисто медицинским показаниям и что операция эта – в будущем – избавит меня от многих неприятностей.

Он произнес только одно слово: – Пипка.

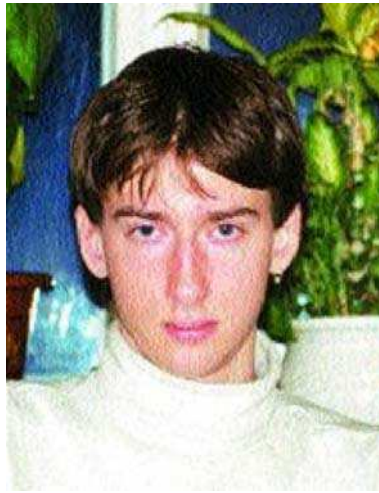
С этой коллизией – и с этими аргументами – мне еще предстояло столкнуться в будущей, взрослой моей жизни. И даже не однажды, а – дважды.

Первый раз дело касалось моего сына, второй раз – внука.

О сыне, впрочем, я даже и не знал: узнал потом, – так сказать, пост фактум, – что разговор на эту тему (чего я даже и вообразить не мог), оказывается, имел место. И завела его – вот уж, поистине, неисповедимы пути Г-сподни! – моя теща.

Теща моя, Анна Макаровна Кононенко, мало того, что была она чистокровная украинка, имела еще несчастье с середины двадцатых годов состоять в рядах ВКП(б). То есть она была, как это тогда называлось (не совсем тогда, название это возникло чуть позже), ветераном партии. И вот, представьте себе, несмотря на все это, именно она, как рассказала мне потом жена, высказала робкое предположение, что если уж случилось так, что внук ее родился от еврея, а евреи на протяжении тысячелетий совершают над своими младенцами мужеска пола такую операцию, так не лучше ли и ему (внуку то есть) на всякий случай тоже сделать все, что полагается. Потому как, если не сделать этого, не вышло бы потом ему (внуку) от этого какой-нибудь беды.

В основе этой идеи лежала, разумеется, не вера в спасительную силу религиозного обряда. Скорее тут сказалось влияние модных тогда идей академика Лысенко, хотя, если исходить из теорий этого народного академика, у вновь рождающихся еврейских младенцев за долгие годы совершения этого обряда крайняя плоть давно должна была бы уже сама атрофироваться.

Сейчас нашему Мишке семнадцать лет.

Но так глубоко моя теща не копала. Она просто хотела оградить внука от каких-то возможных будущих неприятностей, чем и поделилась с дочерью. А та (за моей спиной) в свою очередь высказала эту идею деду, то есть моему отцу.

Тот, разумеется, и слышать не хотел ни о чем подобном. А мама, которую, узнав об этом, я спросил про его реакцию, сказала:

– О чем ты говоришь! Он до сих пор не может забыть твои глаза в тот момент, когда тебе делали эту проклятую операцию. Этот, как он говорил, застывший в них немой вопрос: за что?!

Но то, чего так легко удалось избежать моему сыну, не удалось избежать – двадцать восемь лет спустя – моему внуку.

Ему эту «проклятую операцию» пришлось-таки сделать. Разумеется, уже по чисто медицинским показаниям. (Черт его знает! Может быть, теща была права?!)

Медицинские показания возникли сразу, но сперва нас уверили, что можно ограничиться паллиативом – так называемой «обводкой». Что и было сделано. Мальчику тогда еще не было года, во всяком случае – это я точно помню – разговаривать он еще не умел: так, два-три слова. Но этот ограниченный запас слов не помешал ему довольно-таки красноречиво выразить все, что он при этом чувствовал.

Я вернулся домой, когда дело было сделано. Все слезы и крики были позади. Новоиспеченная бабушка (моя жена) ходила по комнате, держа уже притихшего ребенка на руках и изо всех сил прижимая его к груди. Я подмигнул ему и с нарочитой бодростью спросил:

– Ну что, Миша?

Он посмотрел на меня – вероятно, теми же самыми глазами, какими я в тот ответственный момент своей жизни глядел на отца, – и произнес только одно слово:

– Пипка.

Но никаких других слов больше и не надо было. Все, что надо было сказать, было сказано.

«Обводка», однако, не помогла. Мальчишке было, наверно, уже лет шесть, когда врачи сказали, что операцию придется все-таки делать по полной программе. И сделали. Разумеется, в больнице. К счастью (медицина со времен моего детства, как видно, сильно продвинулась в этом отношении) – под наркозом. Так что – особых трагедий не было.

А вскоре – почему-то вышло так, что это совпало во времени, – его крестили.

Крестила его моя невестка примерно по тем же соображениям, по которым моя теща предлагала обрезать моего сына. Так сказать, на всякий случай.

Тут сработал мощный материнский инстинкт, с «беспринципностью» которого я уже столкнулся однажды.

Было это так.

Давным-давно, когда мы жили еще в коммуналке, заглянул к нам как-то вечерком Фазиль Искандер. Сели мы, как водится, за стол, и вдруг жена моя говорит:

– Ты уж извини, Фазиль, может, для тебя это будет чересчур остро. Но я, ты знаешь, очень люблю чеснок. И кладу его всегда – без всякой меры.

– Прекрасно! – сказал Фазиль. – Я тоже очень люблю чеснок. У нас в Абхазии все любят чеснок. Мало сказать, любят. У нас там к чесноку – особое отношение. Когда я первый раз уезжал в Москву, мать даже сунула мне в карман головку чеснока. На счастье.

Засиделись допоздна. А утром, подойдя к кроватке, на которой спал мой маленький сын (ему было тогда года четыре), я обнаружил вывалившуюся у него из-под одеяла головку чеснока. Под впечатлением фазилевского рассказа жена перед сном сунула-таки ее ему под подушку – на счастье.

Думаю, что и невестка моя решила крестить моего маленького внука по этой же самой причине: крестильный крестик, полученный им, был для нее чем-то вроде талисмана, данного ему на счастье – чем-то вроде вот этой самой, положенной под подушку, головки чеснока.

Во всяком случае, после того как обряд крещения был совершен, все о нем тут же и забыли. Только внук, вернувшись домой из Рузы, где все это произошло, кинулся ко мне с возгласом:

– Дед, меня крестили! Ты недоволен?

Невестка не однажды могла слышать ядовитые мои отклики об этом массовом нынешнем поветрии, об оголтелых христианах-неофитах, адептах, как говорил о них покойный Боря Слуцкий, злобно-христианского направления. Вот она и решила, что совершенный без моего ведома православный обряд вызовет сильное мое неудовольствие.

Но я, разумеется, никакого недовольства выражать не стал, сказал только, что сейчас ему думать об этом еще рано – вырастет и сам решит, надо ему это или не надо.

Сейчас нашему Мише семнадцать лет, и, по-моему, плевать он хотел на оба эти обряда.

Что же касается меня, то на мою последующую жизнь совершенная надо мной по настоянию деда медицинская операция никакого влияния не оказала.

А могла ведь оказать!

Случись мне родиться всего на два-три года раньше, да оказаться в плену или на территории, оккупированной немцами, эта маленькая недостаха кусочка крайней плоти могла стоить мне жизни.

Впрочем, меня, наверно и без этого вычислили бы.

Аркадий Тимофеевич Аверченко, когда его как-то спросили, не еврей ли он (ходят, мол, такие слухи), юмористически вздохнул:

– Опять раздеваться!

Мне, чтобы определили мою национальную принадлежность, даже и раздеваться бы не пришлось: сработало бы пресловутое сходство с Генри Киссинджером.

Но какие-то разговоры на эту щекотливую тему в моем детстве, помнится, были. Однажды отец рассказал при мне – мне было тогда лет, наверное, девять – такую душераздирающую историю. Служил в царской армии капельмейстером (как и мой отец) один известный музыкант «из евреев». Был он гораздо старше отца, и заслуг (и музыкальных, и служебных) было у него тоже существенно больше. И дослужился он до генеральского чина. Во время гражданской войны служил он уже в Красной Армии, и был с ним, в его музыкантской команде, его старший сын. И вышло так, что вся их часть попала в плен – то ли к петлюровцам, то ли к махновцам. Генерала – он был человек довольно известный – узнали и сразу от толпы других пленных отделили. А с толпой стали разбираться, выдергивая из нее евреев. И среди прочих – выдернули и генеральского сына.

Тот, естественно, стал доказывать, что никакой он не еврей. Но парня быстро освидетельствовали, уверились, что худшие подозрения полностью подтвердились, и тут же изготовились отправить его вместе со всеми прочими жидами в расход. И тогда, в приступе смертельного страха, он кинулся к отцу:

– Папа!

Но папа даже и бровью не повел. Пожал плечами – не знаю, мол, кто такой. Первый раз вижу. И отвернулся. И мальчика расстреляли.

Не могу сказать, чтобы эта история произвела на меня особенно сильное впечатление. Гражданская война была для меня тогда таким же далеким прошлым, как какая-нибудь Пуническая. Во всяком случае, со мной ничего подобного произойти, разумеется, не могло. Да и мой папа в таких обстоятельствах, конечно, никогда не повел бы себя так подло, как тот генерал.

Однако же почему-то историю эту я все-таки запомнил. Забыл вот только фамилию генерала, а она отцом упоминалась. И тем, кому история эта рассказывалась

(рассказывалась ведь она не мне, а только при мне), фамилия эта была хорошо известна. Генерал как служил, так и продолжал служить в Красной Армии, и в чинах, может быть, даже еще более крупных, чем прежде.

Сейчас, вспомнив эту историю, я – при всей ее драматической исключительности – воспринимаю ее как подлинную. (Накладывается весь опыт последующей нашей жизни.) Но тогда она воспринималась мною как литература. Что-то вроде «Тараса Бульбы».

Думаю, что не совру, если скажу, что еврейская тема, – которая время от времени возникала, конечно, в разговорах взрослых, – целиком и полностью воспринималась мною тогда как тема сугубо литературная. К жизни, к повседневной нашей жизни отношения не имеющая.

Это, впрочем, относится не только к еврейской теме.

Но тут надо еще раз напомнить, что мир литературных образов и картин, в который я был погружен с головой, был для меня тогда гораздо реальнее, чем та жизнь, которая шла за стенами нашей квартиры и о которой я знал, в сущности, очень мало.

Юля Нейман.

В одной из своих книг я уже приводил поразившую меня своей глубиной и точностью мысль Ивана Петровича Павлова. Вот она – в записи одного из его учеников:

«Академик Павлов во второй части своей лекции применил свою теорию к жизни, впрочем, не вообще к жизни, а почти исключительно к нашей российской революции. Нечего и говорить, какой интерес, да еще в устах учителя представляет это применение...

Оно связано с парадоксальной фазой. Как мы уже видели, здесь прекращается реакция на сильные раздражения, остается реакция только на слабые. Применение этого положения к нашей революции академику Павлову пришлось пояснить примером.

У нас находится на излечении больная с чрезвычайно расслабленной нервной системой. Когда ей показывают красный цвет и говорят, что это не красный цвет, а зеленый, она с этим соглашается и заявляет, что, всмотревшись внимательно, она действительно убедилась, что это не красный, а зеленый цвет. Чем это объяснить? Академик Павлов говорит, – парадоксальным состоянием. При нем теряется реакция на сильный возбудитель. Действительность, действительный красный или иной цвет – это сильный возбудитель. А слова: красный, зеленый и т.д. – это слабые возбудители того же рода. При болезненной нервной системе, при ее парадоксальном состоянии теряется восприимчивость к действительности, а остается восприимчивость только к словам. Слово начинает заменять действительность. В таком состоянии, по мнению академика Павлова, находится сейчас все русское население.

Вообще, – закончил академик Павлов, – я должен высказать свой печальный взгляд на русского человека. Русский человек имеет такую слабую мозговую систему, что он не способен воспринимать действительность как таковую. Для него существуют только слова. Его условные рефлексy координированы не с действительностью, а со словами».

Ссылаясь на это рассуждение академика, я отнюдь не склонен был относить этот его диагноз и к себе тоже. Но сейчас я вдруг понял, что ко мне он относился, может быть, даже в большей мере, чем ко всему остальному населению Советской России.

Процитированное краткое изложение лекции академика Павлова было опубликовано (в журнале «Звезда») в 1927 году.

1927 год – это год моего рождения. И, естественно, у меня возник соблазн увидеть в этом совпадении дат нечто символическое. Что-то вроде гороскопа, что ли. Тем более, что речь там шла о применении теорий академика «не вообще к жизни, а почти исключительно к нашей российской революции».

В моем случае революция (задуренность моего сознания гипнотическим воздействием революционной идеологии), конечно, тоже играла немалую роль. Но не меньшую, – а может быть, даже и большую – роль тут играло и то, о чем сказала в одном коротеньком своем стихотворении давняя моя приятельница Юля Нейман.

Но сперва – несколько слов о Юле: она этого заслуживает.

В «Пионере», где я с ней познакомился, она была «палочкой-выручалочкой»: писала всю так называемую «обязаловку», то есть статьи и очерки на все обязательные темы – те, что пишутся и печатаются не для читателя, а для начальства. Любую такую, самую казенную статью Юля ухитрялась написать живо, простым, человеческим языком. Поэтому, когда возникала нужда в каком-нибудь таком материале, для которого трудно было сыскать автора, все – в один голос – говорили: «Это надо заказать Юле». И Юля выполняла любой заказ – всегда на высоком профессиональном уровне, будь то популярный очерк о том, например, как работает почта, или очередная какая-нибудь бодяга на «пионерскую тему».

Я заказывал Юле статьи и очерки о классиках мировой литературы: о Диккенсе, о Гейне... На этих заказах она отдыхала душой, и, наверно, поэтому мы с ней сразу подружились.

Впрочем, не только поэтому. И – не совсем сразу.

Сперва я ее скорее чуждался. Уж очень непохожа она была на наших свойских «пионерских» дам, с которыми у меня сразу установились простые и добрые отношения.

Когда мне было лет восемь-девять, наткнувшись в какой-то книге на выражение: «Дама легкого поведения», я спросил у отца, что это значит.

– Так говорят обычно о женщинах, – нашелся отец, – которые безвкусно одеваются.

– Как это – безвкусно? – не понял я.

Отец пояснил:

– Ну, слишком ярко, крикливо.

Юля одевалась именно так.

Бывало, когда она появлялась у нас в редакции в каком-нибудь таком алом полупальто или в ярко голубой или ярко зеленой новой шляпе, «пионерские» наши дамы иронически переглядывались и вздыхали: все они любили Юлю, прощали ей эту ее маленькую слабость, но сдержать своих чувств не могли. Сами они предпочитали унылые, блеклые тона – тот «скромный» советский стиль одежды, который я, издеваясь над своей женой, когда она норовила одеться таким вот образом, называл: «Тюрьма и ссылка».

При всем моем отвращении к этой унылой серости экстравагантные Юлины одежды все же меня шокировали. И, вероятно, поэтому на первых порах я ее слегка сторонился.

Но очень быстро выяснилось, что при всей разделяющей нас разнице не только вкусов, но и лет (Юля была существенно меня старше; отчасти, вероятно, и поэтому меня шокировали ее яркие одежды: помимо всего прочего, они, на мой взгляд, были ей не по возрасту), – при всех этих весьма существенных различиях у нас с ней была, что называется, одна группа крови.

Выяснилось это легко и просто. Тут ведь много не надо: одна какая-нибудь строка Пастернака, подхваченная и продолженная следующей строкой – и все. Это – как пароль, как классическая формула моего любимого Маугли: «Мы с тобой одной крови».

С «пионерскими» дамами, как я уже сказал, отношения у меня установились простые и даже, можно сказать, вполне доверительные. Даже в разговорах на политические темы я был с ними довольно откровенен. Но эта откровенность имела все же свой предел. С Юлей же моя откровенность (как и ее со мной) была беспредельна.

Однажды, помню, она подрядилась сочинить какую-то очередную «заказуху» к очередной годовщине Великого Октября. Мы сидели вдвоем в моем крохотном кабинетике и говорили по обыкновению о чем-то своем – наверно, о поэзии. И вдруг Юля вспомнила об этом заказе, от которого ей нельзя было отказаться. Она прямо вздрогнула от отвращения и, хоть и с всегдашней своей иронической усмешкой, но как-то очень по-женски, жалобно протянула:

– Я вся не хочу!

– Ну, Юля, – сказал я. – Не в первый же раз. В конце концов, вы же профессионал.

И тогда она – в ответ – рассказала мне такой анекдот.

В первые годы революции знаменитая на весь Петроград дама легкого поведения жалуется, что ее вызывают к себе для услуг, в том числе и не вполне стандартных, разные видные большевики, а иногда даже и наркомы.

– Помилуйте, – говорят ей. – Но ведь это же ваша профессия. Ведь вы и раньше, до революции, этим занимались.

– Да, – отвечает она. – Но раньше меня никогда не заставляли при этом петь «Интернационал».

Никому из «пионерских» дам, я думаю, Юля не посмела бы рассказать этот анекдот, хотя со многими из них она была знакома и даже дружна с незапамятных времен.

Ну, а уж когда разразился скандал вокруг пастернаковской Нобелевской премии, ни с кем в нашей редакции, кроме меня, не могла она по-настоящему отвести душу. Да и я тоже, хоть своего отношения к помоям, которыми всенародно поливали Бориса Леонидовича, не скрывал, полностью, на всю катушку откровенничал на эту тему только с ней, с Юлей.

Кстати, именно Юля – еще до скандала – принесла и дала мне на несколько суток переплетенную рукопись крамольного романа, не очень при этом скрывая, что получила ее – может, и не прямо из его рук, но – от самого автора.

Так вот, эта самая Юля прочла мне однажды такое свое стихотворение:

È õìòüâì í íá ãðü ÿ-ãðè Ò Áîðîîé

Í àñò ùðíîé í ùñèþ è òîñ

éîé

ááñòäèüîé,

Í î áñî æá «éîðèé, ñððáí ùèèé

õáîðîîé»

Í áí ÿ áàðèèè ðüñîîé éîé ùáèüîé.

À èòî î ðèááðæáí é ñèíáó- äèÿ òíá

Вçúé î î ñèèá íá õñòóíèè ò èðíæè,

Īāyçîāyū āīēūōā ÷āī ðīāñōāī,

Çāòāī, ÷ōī èçíā÷āēūī ī èðā – āÑēīāī

Ко мне сказанное здесь относится в полной мере. Разве только с не слишком существенной поправкой на то, что во мне никогда не «горел горьмя Восток», и колыбельную мне мама пела, скорее всего, другую. Что-нибудь, вроде: «Спи, моя радость, усни...»

Но та ли, другая колыбельная, а пели мне ее, как и Юле, на русском языке.

Однако сходство (даже тождество) мое с лирической героиней этого Юлиного стихотворения не столько даже в этом, сколько в том, что я – как и она – с самого раннего детства был «привержен к Слову». Привержен настолько, что – точь-в-точь как это было с пациенткой академика Павлова – слова заслонили от меня действительность.

Я очень хорошо помню, как это началось.

«Мама, чатай!» – передразнивал меня отец. Это была самая любимая его дразнилка.

Книги я любил с самого раннего детства. Но сам читать не любил. Предпочитал, чтобы мне читали.

Родители думали, что я ленюсь. Но это была не лень.

Пожирателем книг я стал задолго до того, как научился читать самостоятельно. Мне хотелось проглотить книгу сразу, залпом, захлеб. Но сам я, научившись читать довольно рано, читал очень медленно. Во всяком случае, гораздо медленнее, чем мне бы хотелось. Желания мои сильно опережали мои возможности. И поэтому я постоянно ходил за мамой и приставал к ней, канючил:

– Ма-ам, читай!

И мама никак не могла от меня отвязаться. Стыдила меня, говоря, что я уже большой мальчик и должен читать сам, но – в конце концов уступала.

И вот однажды, поддавшись моим уговорам, она открыла новую, только что купленную книгу – помню ее большой, даже огромный, как мне тогда казалось, формат, коричневый переплет, отчетливо помню все рисунки в тексте, помню чуть ли не каждую ее страницу. (Еще бы мне этого не помнить! Ведь мало того, что именно ей суждено было стать первой книгой, прочитанной мною самостоятельно: на долгие годы стала она самой главной, самой любимой моей книгой, читавшейся и перечитывавшейся постоянно.)

Это был Киплинг: «Маугли».

Присев со мною на диван, мама начала читать и терпеливо дочитала до того момента, когда Багира заплатила за Маугли выкуп (убитого ею быка), и волки приняли человеческого детеныша в свою стаю.

Злобный Шер Хан, не солоно хлебавши убрался восвояси. Маугли остался с Багирой, с заступившимся за него на Совете медведем Балу, с Акелой, с Отцом Волком, Волчицей-матерью и серыми своими названными братьями – волчатами.

Мне не терпелось узнать, что же будет дальше с принятым в волчью стаю человеческим детенышем.

Но мама тут поступила, как мне тогда показалось, в высшей степени коварно. Прочитав короткую фразу, которой начиналась следующая глава, она вдруг закрыла книгу и сказала:

– Ну, все. На сегодня хватит.

И на все мои уговоры отвечала:

– Нет-нет, сыночка, больше не могу. Мне некогда.

Может быть, как это нередко случалось, я и в этот раз дотерпел бы до лучших времен, когда у мамы нашлось бы время читать захватившую меня книгу дальше. Но этому помешала фраза, на которой мама оборвала свое чтение и закрыла книгу.

Фраза была такая: «Теперь вам придется пропустить десять или одиннадцать лет...»

Не знаю, что тут со мной случилось. То ли я не расслышал толком слово «пропустить», то ли был настолько глуп, что просто не уловил смысл этого словесного оборота. Но понял я это так, что мне теперь придется ждать десять или одиннадцать лет, прежде чем я наконец узнаю, что же там случилось дальше с этим усыновленным волками человеческим детенышем.

Смириться с такой ужасной перспективой я, разумеется, не мог.

Я раскрыл книгу, нашел ту злополучную фразу, на которой мама прервала свое чтение, и медленно, но упорно стал дальше читать сам. И не оторвался, пока не дочитал всю эту великую книгу до конца. Уж не помню, сколько у меня на это ушло времени: день, два или больше. Но твердо помню, что с просьбами читать вслух я после этого уже никогда и ни к кому не обращался. И противная отцовская дразнилка: «Мама, чатай!» умерла, таким образом, естественной смертью.

Дальше покатило – как с горы. Я не отрывался от книги ни на минуту: читал за едой, хоть мне говорили, что это неприлично, читал лежа, хоть мне твердили, что это вредно для глаз, читал в полутьме, а иногда, когда родители, отчаявшись справиться со мной, выключали свет, – укрывшись с головой одеялом, при слабом свете карманного электрического фонарика.

За эти свои – дошкольные и первые школьные – годы я проглотил горы книг. Многие из них тоже стали моими любимыми, и я перечитывал их по многу раз. Но «Маугли» и среди них занимала особое место.

Теперь, припоминая все мои тогдашние ощущения, я вдруг поймал себя на том, что, помимо всего прочего, это была единственная из всех моих детских книг, которая – уже тогда, нет, именно тогда – связалась для меня с моим еврейством.

КАК АУКНЕТСЯ

עֲדָאֵעִי לְאֹדָא

Звонят из заморского консульства. Вы такой-то? Я. А нельзя ли, интересуются, пригласить к телефону вашего батюшку?

Нет, говорю, нельзя... уже два года. Простите, сочувствуют, а your grandfather – дедушка...

Тут надобно отвлечься и пояснить, кто мы да откуда. Фамилия наша – Белостоцкие – уроженцы, стало быть, Белостока...

Но почему «стало быть»? Не всякий Бродский проклюнулся в Бродах, Ландау – в Landau, а Ойстрах – в Oesterreich (Австрии). И братья Фридлянды – журналист Кольцов и художник Ефимов – не из немецкого Friedlanda, а в аккурат из Белостока. И сталинский наркоминдел Литвинов. И отец Норберта Винера – создателя кибернетики...

Вот и мы – Белостоцкие. Город такой в восточной Польше – Белосток.

Сто лет – в составе царской империи, два года – в сталинской, три – под Гитлером. До войны – 50 тысяч Белостоцких (и 350 тысяч в округе), после – 660 человек. И за полвека не прибавилось. Сошло приблизительно до нуля (на щент, польский).

С началом первой мировой войны нас эвакуировали из прифронтовой полосы, чтоб не шпионили в пользу немцев. Кто побогаче, конечно же, увильнул, и старший брат, в прошлом удачливый «морской волк» Вольф Белостоцкий, остался при мебельной фабрике, а младший – мой дедушка – очутился в России.

Революция отменила «черту оседлости» и «процентную норму», но в независимой «панской» Польше регламентировали, как при царе, сколько Белостоцких принимать в среднюю, а сколько – в высшую школу. Ну и выбирайте по вкусу: тут – преобразования с образованием, там – ни того, ни другого. Мой дедушка предпочел образование...

Стал автомехаником высокого класса. Служил в секретном военном гараже. В партию как вольнонаемный не вступал. Но загодя прекратил опасную переписку с иноземными родственниками.

А те богатели и процветали, претерпевая перипетии и пертурбации, и вот внучка старшего Белостоцкого, морского Вольфа, разыскала меня, младшего внука. Через консульство напрашивается в гости... Госпожа Vîp – очень важная персона. Конструктор-дизайнер. Контрольный пакет в мебельном производстве.

А так – тетенька и тетенька. Без возраста – следствие заморской медицины, шейпинга и косметики. С подтянутым подбородком и животом. Рыжая, крашеной масти (если не в парике). С голубовато-зелеными, цвета морской волны, контактными линзами. Изъясняется сразу на трех языках: по-славянски (русско-польско-белорусском); на идише (верхненемецкий диалект) и по-английски. Точнее, язык-то один – с белостокской мелодикой.

Однако, для полной ясности, привлекаем дочь. В качестве толмача. И девочка излагает.

Немцы заняли Белосток под наш Новый год – Рош а-Шона, в сентябре тридцать девятого. Через месяц сменились русскими. А на христианское Рождество явился мой дедушка. Пригнал интендантскую автоколонну с обмундированием и продовольствием. Заглянул на двадцать минут, но проинструктировал старшего брата.

Фабрику добровольно национализировать – народное достояние. Имение – под приют или больницу. А-а, дом отдыха для рабочих!.. Золото и валюту переправьте туда, если сумеете. Пускай даже пропадет! Здесь не очень-то пригодится.

– Abgemacht! – обиделся старший брат, скиталец морей. – Уже сделано... в позапрошлом году.

– Хохом! – сказал младший. – Самим надо было антлойфен! (Мудрец! – перевозу для дочери. – Самим надо было бежать!)

Морской Вольф только развел руками. Имущество-де, как любимая жена, – якорь на грунте, – не дает ходу, привязывает. А уж мертвый ли якорь, или якорь спасения...

– Запасись ремесленным прикладом, – наставлял младший, – портновским, сапожным, столярным, парикмахерским... нитки, наперстки... стекольный алмаз... побольше наручных часов... обувь, ткани, отрезы... Свое не тянет.

– Бекицер, – сказал старший (короче, перевел я), – безделушки для дикарей?.. Отчаливаем в Сибирь?

– Ин дер велт арайн, – отвечал младший (в тартарары – перевозу для дочери).

Прощаясь, снабдил адресом. Только, упаси Б-г, не записывайте, а запомните: Москва, Таганка, улица Большие Каменщики...

Там, на Таганке, спустя полвека, отследили меня... А в дедушкины времена приземлился конверт. Минуя почтовое ведомство, летел из тартарары посредством

добрых людей – при содействии дефицитных ниток (катушка сороковой номер) или набора швейных иголок, или вязальных крючков. И наш осторожный дедушка, опаской и полутайком, навестил родственников.

– Without him, – сказала госпожа Vip, – we were finished! (Если бы не он, – перевела дочка, – нам – крышка!)

После Победы, как предвоенные польские граждане, благополучно репатриировались в Белосток, и не претендуя на компенсацию за утерянное имущество, – опять ин дер велт арайн (in die Welt hinaus, немецкий) – «по белу свету», в мировое тартарары, где вовсю развернули мебельное производство.

– And what about your Grandfather? – спросила госпожа Vip. (А что с нашим дедом? – перевела дочка).

Наш дед, говорю, стигнул в сорок первом. Погнал интендантские грузовики под Можайск. На пустых баках, утопая в грязи по ступицу, пробивался в пункт назначения. Кругом драпали или дрались в окружении. Завязнув в болоте, водители наломали шестов и побрели на восток.

Но дед был материально ответственный – отвечал за груз и машины. Сидел в кабине, укутанный плащ-палаткой, нахлобучив брезентовый капюшон. Водители озирались, согнутые дождем, длинными палками ощупывая хлипкое желтое месиво. Дед, на глазах, погрузался в разверзтые хляби. Жижка чавкала и давилась.

Почему не ликвидировали транспортные средства? – допытывался особист. (FBI agent, – перевела дочка. – Агент Федерального Бюро расследований.) Шоферы ссылались на осенний потоп, отсутствие горючего и боеприпасов – ни поджечь, ни взорвать. Да и зачем? Один черт, трясина затянёт

– Черт-то один, – сказал особист, – статьи разные. (Дочка лихо перевела, и госпожа Vip захихикала.)

Кому из шоферов выпал штрафбат, кому срок, а кто и вернулся на автобазу. О дедушке записали, что не покинул территорию, занятую противником, с намерением сдаться в плен и сдать врагу подотчетные материальные ценности.

И мой отец – дедушкин сын – потратил целую жизнь, чтобы снять то клеймо. Простое соображение: на кой Белостоцкому добровольно переходить к Гитлеру? – во внимание не принималось. А на можайском болоте разлилось Можайское море – водохранилище.

– Но это же ясно! – воскликнула госпожа Vip (в переводе моей дочери). – Он сидел в кабине, как стоит капитан на мостике. Радист отбивает SOS, а капитан – на мостике. Дедушка Вольф говорил...

И мой младший дедушка тоже, наверное, вспоминал старшего – морского бродягу: имущество-де, как якорь, не дает ходу, привязывает. Пускай не свое – государственное, подотчетное. Народное добро... А уж мертвый якорь или якорь спасения...

Ничего мой отец не доказал – умер, получивши очередную, весьма вежливую и благожелательную, генеральскую резолюцию.

– I want to invite you... (Я приехала вас пригласить,.. – перевела дочка. – Хотите – в гости, хотите – насовсем... на ПМЖ... постоянное место жительства.)

Ой, говорю, спасибо! Мне все равно, в крапиву ли садиться. А тут, худо-бедно, освоил язык.

– And you? – госпожа Vip обернулась к дочери.

– А я, – дочь засмеялась. –

Я подумаю.

В РАННЕЙ ЮНОСТИ

Ne'ama Adai et

С. Михоэлс на смертном одре. Набросок А. Тышлера.

В ранней юности (конец сороковых годов) я слышала, что Михоэлс в Минске попал в автомобильную катастрофу. На его машину налетел «Студебекер». Военный американский грузовик на двухметровых здоровенных колесах. Ну что могло остаться от маленького еврея в такой катастрофе?

А много лет спустя, уже в конце

60-х, случай свел меня с бывшей актрисой ГОСЕТа Минковой. Вот ее рассказ, записанный мною дословно.

– Соломон Михайлович (его, между прочим, Алексей Толстой звал «Соломон Мудрый») поехал в Минск в 1948 году принимать спектакль. Все в театре были удивлены, что он едет. Ему говорили: «Как же вы уезжаете? Ведь Штейнман (актер театра) умирает?» Соломон Михайлович отвечал: «Еще неизвестно, кто раньше умрет». Он что-то чувствовал... (Михоэлс был убит раньше, чем умер Штейнман.) Вместе с ним поехал Голубов (был такой театральный критик). В Минске Соломон Михайлович принял спектакль и уже собирался обратно в Москву. Но его попросили прочесть лекцию об искусстве для партийных работников. Он согласился. Потом лекцию почему-то отменили и сказали, что его хочет принять секретарь горкома или обкома партии. Встреча была назначена на определенный час. А молодые актеры еврейского театра не оставляли Соломона Михайловича одного в Минске...

– Почему?

– Потому что еще раньше в Киеве он тоже принимал спектакль. Он, между прочим, так понимал искусство и был человеком такой культуры, что – никто этого не знает, – но когда в Малом театре была поставлена пьеса Алексея Толстого «Иван Грозный», то перед выпуском спектакля Толстой позвал Соломона Михайловича и попросил посмотреть спектакль. Соломон Михайлович посмотрел и сказал, что так нельзя. Это безграмотно – так изображать русских бояр. И шесть месяцев – полгода – он работал над этим спектаклем в Малом театре. Вы представляете себе, в Малом театре!.. На афише это, конечно, не было написано... Так вот, в Киеве он тоже принимал спектакль, он обедал в ресторане, и там завязался какой-то скандал, и Соломона Михайловича сразу

окружили несколько бандитов. Но как раз в это время к столу подошел официант со счетом... Все в ресторане обратили внимание на скандал, и бандиты испарились. Им свидетели не нужны. И поэтому в Минске актеры не оставляли Соломона Михайловича одного нигде. А Голубов все время уговаривал Соломона Михайловича пойти к его (Голубова) другу-фронтовику, который живет недалеко от гостиницы на улице такой-то, номер дома такой-то, квартира такая-то. Выпить, дескать, можно хорошо с другом-фронтовиком, а Соломон Михайлович выпить любил. Соломон Михайлович все отнекивался, а потом сказал, что никуда не пойдет, сейчас отдохнет и потом поедет на встречу с секретарем. Актеры, конечно, не хотели мешать отдыхать Соломону Михайловичу. Они сказали, что сейчас они тоже уйдут, но придут попозже и проводят его на встречу. И ушли. Через некоторое время к гостинице подошла машина. Черная. Говорили, что таких машин в Минске тогда еще никто не видел. В машине на заднем сиденье сидели два человека в форме полковников государственной безопасности. Позвонили Соломону Михайловичу и сказали, что приехали за ним. Соломон Михайлович сел в машину, Голубов сел вместе с ним, и они уехали... В назначенное время в гостиницу пришли актеры. И как раз подошла другая машина, и шофер говорит, что он из горкома – за Михоэлсом. Директор гостиницы говорит, что он сам видел машину с полковниками, которая увезла Михоэлса... Увезла, как оказалось, навсегда.

Живым Михоэлса больше никто не видел...

На следующее утро какой-то рабочий обнаружил изуродованный труп Соломона Михайловича. Труп лежал в том месте, где при немцах было гетто. Говорили о катастрофе... Какая катастрофа?!. Он лежал в таком узком переулке, что там даже извозчик на двух колесах не проедет. У него руки были очень сильные. Если его сразу не убили, то им тоже досталось. Голубов тоже поплатился жизнью. Потом выяснилось, что такой улицы, куда он звал Соломона Михайловича, нет, и такого человека нет, и номера дома такого нет, и квартиры такой нет. Ничего нет. В гетто Соломона Михайловича, наверное, специально положили – чтобы сказать, что его сионисты убили. Он был так изуродован... Его нельзя было узнать. Збарский его гримировал...

Братья евреи!

Не убаюкивайте себя легкомысленно тем, что озверелый бандитизм Гитлера собирает вас пощадить...

Теснее сплотимся вокруг великого дела освободительной войны, которую ведет Советский Союз...

Советский Союз оказался родиной, любимой, дорогой родиной...

Дословная цитата из выступления народного артиста СССР, профессора С.М. Михоэлса на митинге, состоявшемся в Москве 24 августа 1941 года.

ПУТЬ К СЕБЕ

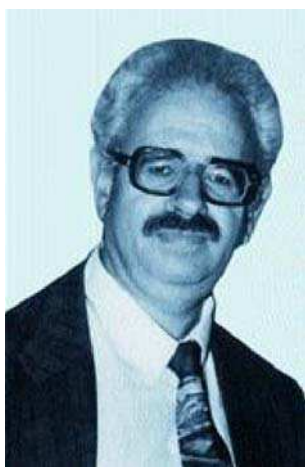
Àèí à Ñì àñíàà

Владимир Добин. Следы на песке. Израиль, 2001.

Î, àðàì àí è ñéàà

íî öèòáðáéàòó

íîéçáóùòù, ñéíáíî îî ùáéáì îáé.

– Отчего, – спросила я у поэта, – вы так педантично фиксируете день, когда в стихотворении поставлена последняя точка? Ведь, по-моему, если тебе пишется – то будто паришь в невесомости, вне пределов своего деревянного стола и пластмассовой авторучки, прорываешься в какое-то иное пространство. И вдруг – бац, приземление, и сразу – взгляд на календарь; ну-ка, а какое там у нас число на дворе? Вот у вас, например, двадцать третьим июля 1994 года датированы сразу четыре стихотворения!

– Такой выпал урожайный день... Я действительно очень остро ощущаю время. Привязан к нему. И себя вне конкретного времени не мыслю, боюсь нарушения «связи людей и времен»: «без времени – мигом отчаюсь, в пространстве навек пропаду». Физически ощущаю его спрессованность.

А что касается педантичности... Бывает – отложишь в сторону недописанное, недовысказанное, а когда внезапно найдется слово – хочется закрепить точку точной датой.

Время – не враг, которого надо победить, а бегун, за которым никак не поспеть.

Поэт и журналист Владимир Добин – человек напряженного ритма, мне даже иногда кажется, что у него на обоих запястьях по хронометру. Много необходимо успеть, многое высказать (есть – что!), и не потому ли, ведя диалог со временем, он иногда обгоняет собственный будильник? Так было, например, когда «Слепцы» Брейгеля вызвали к жизни стихотворение «Изгой». Что вело рукой поэта, когда он чуть ли не за

четверть века до своей алии увидел себя и написал – но не в будущем времени, а в настоящем?

...À i ù - èçãáá çÿ:èá i ò ì è è -

â ñââ ã ã ì ó æ è á á ì,

â ñââ é ñ ò ð á á ..

Так неведомые импульсы творчества строят мосты через Время.

Тема прозрения, тема необходимости и оправданности жизненного поворота, перелома судьбы – одна из наиболее болезненных, а потому самых ярких и выразительных в творчестве В. Добина.

Î, èæ è æ á â ï è ã ì ù á ù è è á ì ó è,

ñ è æ ä ÿ á ì ù è ü : ó æ è á ì ã ï ð ã ..

Путь к себе, путь исхода. Мотив этот нам горек и знаком. Но – «из той страны уйти нам не дано... Как ни пытайся управлять судьбой, нам никуда от прошлого не деться, не залечить библейской водой советского разорванного сердца».

Это стихотворение помечено 17 января 1997 года. А годом раньше: «Ничего не забудем, увы, хотя мы никому не должны. Этот шелест осенней листвы – из покинутой нами страны». И еще более пронзительные, абсолютно без фальши и притворства строчки – человек искренний и открытый, автор признается в неизбежной для многих ностальгии:

ÿ ò ì ì ì æ à ò ñ è ó : è ò ü ÿ -

â ç à ì á ì à ì è ü ñ è ì ì â é ð ù è

ÿ ó è æ ó ì ì æ á ñ è

è ç à ì à ò ì ì : ð ð ã è á ì é.

Î à ò ì à ñ à ò á ì á à ð ï ì,

ì è : á ñ ì è ã ù ñ ò ì á ì ì è ì ð ù á -

â ñââ ã ã ì ð ì è ì ì ì ð ñ ó ò ü ÿ,

è æ è á ó à ò ì á ð ì ó æ è ñ ì á ì ì é.

Настоящая поэзия – честна. И боль потери, разлома, проходящего через сердце и сквозь стихи, близка и понятна тем, кому эти стихи адресованы.

È ó à ì ì ì æ è ç ì è ä ä è ì ù, ì Á - æ á!

È æ è ñ ò æ ü ñ ì á ì ì ì ð ì æ è ò ü

èòí çí ààò?

Ох, эта Россия... Украина, Грузия! Сибирь, наконец...

Áíéíéá ì íá ñ: è ò à ò ù áá ñáé?

Í á ò à ò è ò èè?

В ò à ì ì íéæèçí è ì ò íæèè,

à ù á ì íéæèçí è ì í á ì ò ù à ò ù ñ ñ í áé?!

Не отпускает доисторическая. Такая выпала судьба. Не отпускают закаты и рассветы, любимые учителя и книги, родные могилы и ... дырявый забор дачи, и не забывается, как «под вечер стрекочет кузнечик – худой местечковый скрипач». Да мало ли что оставлено, ушло дымом в небо?! Такая наша судьба.

У Владимира Добина среди его неожиданно любимых образов-предметов фигурирует зеркало – многократно, из мысли в мысль, из стихотворения в стихотворение. Зеркало – как еще один из символов времени, вернее, его отраженного восприятия. Зеркало – как река времени у рава Адина Штейнзальца: вглядываясь в его глубину, ты видишь за своими плечами прошлое. Мне близко понимание автором мотивов нашего выбора – мы смотримся в одно и то же зеркало.

Áúé ì ò à á Ááèè - ì ñ ò á í á è è ì ñ ù

á ò à ì ý.

Í í í è ò à è í á ò ì ò ì ì ý ñ ù ò á è è ì,

è ç ì ò ì è è ì á á ñ á á í ý è ç è è á à ý ñ ù

è á á á á á á á í á á á á á á ý ò ì ò ì á

à ò ó ò ñ á á ñ ù ç à ñ ò ù è è ì - è è ó ù ý è ò á í

á á á ç ò ì í ñ ì á è ù ò á ç á í ù è è è ì í é á á ò ì á

à ù á ì ù ò à è ñ ñ ý æ è ç í ù ç à ì á: à ò è á ò ù ..

Естественно, каждый читающий «Избранное» Владимира Добина – а именно так, мне кажется, следует расценивать эту книгу, – прежде всего откликается на «свое», себе близкое, пережитое. Потому не могу не согласиться с автором:

Ò ù ì ò à á è í í á: í í:

í á á ñ á ù ò ù è á è ì ò ì ñ,

÷ ò í á ú ì ñ ò á á á á ò ù ñ ý á á ñ ì á

è í á á á ñ í í í ò á á: á í ì è à ì á í à ì .

è áàò áé áíéááéááí í úõ ðíáéò ú

è ðíáéí íé ÿò ó ñò ðáí ó í áçí ááò ú

À áéí ááí..

× òí áéí ááí? Ááò è - í á ááò è,

í àí ì áíò à áðááí áí ñáá í á í áéò è

í á ÿò í é Çáí éá, ááá í á í áéò áááé

í è ÷ áí ðáíí é áò è ò úíí,

è è ò úí áé çí úð ñáí áé.

Кто из нас предполагал, «что этот путь – к себе – так страшно долог»? Только, может быть, тот, кто наделен поэтическим, провидческим даром, кто «...знал наперед, словно в зеркало, глядя во тьму, что нам всем предначертано – значит, тебе и ему!» Тот, кто способен удивляться самому себе:

Éáé ñò ðáí í í -

í í ñé ááí é á ñò ðí é è

ðí áé ááò ò úíí í ðáé áá áð áé ò

Меня занимал вопрос: почему Добин назвал свой сборник «Следы на песке»? Ведь такие следы традиционно недолговечны, и «песчаные замки» чаще всего означали нечто скоротечное, преходящее. Странно. Да еще для поэта, у которого свои, доверительные отношения со временем как категорией вечности. Но – не задала я ему этот вопрос, попробую домыслить.

Ищу «следы» названия книги в одноименном стихотворении.

Да, человеку, впервые увидевшему израильскую бережливо-щедрую систему капельного орошения, это чудо, как правило, поначалу затмевает все остальные приметы «еврейского присутствия» в Эрец Исраэль. Стихотворение – как моментальный фотоснимок, яркий, запоминающийся:

Áé áí í, ñíí é í ðé ò áé í úíò ú í á ÿò í é

ñò àò úí áí áí é è çáé áí úð, è ñáò í í -

í óáð ááò è áúíí ÷ è ò áí í ú é ñíí é.

В ÷ óááíí áé í á ñé ú óáé í áéí áé é!

Ðááé áííò ñéí óíí é é ðáí ñáé é

í á í ò ááí í áéí áé ð áí áú.

È, íààòííà íàò íà òàë

íì ñàòá

íè÷áñ íðàéðàññá ÷áì ýòè

íà íàñéá

íà áùì íéøáì

ñéáù.

Вымокшем – а не высохшем!

Так что же: мера суетности? Или скромности, как «косой дождь» у Маяковского? Или – напоминание о том, что поэтическое слово так же живительно для души, как вода – для пустыни? А может быть, следы на песке – это знаки, оставленные нам предками, взошедшими в Иерусалим?

Ñàòò è áñçáù. Áíàà è íáñé.

È íàðáí èá ÷ááé íàá ì íðáì.

Áñá - ì áæ íàì è.

È ñííàì è.

È ñííèì è.

È ñéàæáùì, èòí ñéáùì

íðèòíàèò.

Пласты времени пересекаются и перетекают друг в друга, и долг поэта – быть голосом своего «времени и пространства». Мы, пасынки и падчерицы оставшегося в минувшем любимого (или нелюбимого) «отчего дома» (у каждого – своя мера ностальгии) волею еврейской судьбы собираем разбросанные камни – для новостройки. Б-г нам в помощь. И всем, кто «иной не захотел судьбы». Чтобы иметь право заявить.

В ñàì áñ ìíñòðíèé,

òíò ì èð,

áéíòíðí ÿæéáí

Íí ì íé.

Íí ì íáííéæéçíè ñòíèé.

È ý í á è ç ì á í þ à ì ó

Декларация? Нет, это символ веры поэта, который ищет себя на стыке слова и звука, краски и цвета, который уже успел хлебнуть не только доброй выдержки горького еврейского вина, но и славную дозу отрезвляющего. Добин пишет, по собственному утверждению, «не нарушая старинных правил» – о выстраданном, о принятом, об открывшемся на переломе лет ином видении мира, пишет без новомодных изысков («пусть хуже, лишь бы по-другому»), прозрачно и – как бы это точнее сказать? – добротню.

Не исключено, что на фоне нынешних литературно-культурных предпочтений с их беспощадно оглушительной показухой, ненормативом, мачо-техно-порно и другими знаменами нового времени, раздумчивая лирика пишущего на русском еврейского поэта Владимира Добина кому-то покажется несколько наивной и старомодной. Даже слишком светлой, доверчивой и теплой – как будто всего этого может быть «слишком»!

Прошу учесть, что мои заметки не претендуют на полноту критического очерка. Это отклик на голос, попавший в резонанс с моей читательской душой. И мне импонирует, что поэт все еще «на пути к себе», долгом и трудном, что ему дано «отыскивать тайное – в том, что до очевидности ясно», ибо в этом простом и изнурительном занятии – его призвание, удел и планида.

Что с того, если нынче «принято» стесняться простоты в изъятии чувств, открытости в общении, осмысленности слога, если «не принято» делиться остановленным – прекрасным или трагическим – мгновением, мазком «на холсте, что был натянут между небом и землей». Художник все эти неписанные табу отмечает. Он пытается выразить то, что теснит ему ум и душу, облечь в понятные людям слова свой космос, свое открытие «семи волшебных слоев небосвода», свое постижение истории нашего народа, его традиций и веры. Потому что

áñá ýò í á ì ðàááó áññò í é í í á ðà

è áññò í í á á í ú ý,

ðàçáó ì è é è ñò ðáñò è.

Áñá ýò í ÷ áññò í í ñò è.

Áñá ýò í ÷ áñò è

æ è ç í è, è þ á á è è á ì á ð à

ГЛЮКЕЛЬ ФОН ГАМЕЛЬН: РАССКАЗ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Окончание.

Начало в № 103 – 114.

КНИЖКА СЕДЬМАЯ

I

С Б-жьей помощью приступаю к написанию моей седьмой книжки, в которой вы найдете и радость, и боль, как это всегда бывает в мире. Б-же, дай мне не увидеть больше горя из-за моих детей и дай мне в старости слышать и видеть от них только хорошее.

Как я уже говорила, я сказала последнее прости сыну своему Шмуэлу. Помилуй нас Б-же: такой молодой и такой смелый юноша засыпан черной землею!

Не прожила я в Меце и двух лет, как пришло это печальное известие. Вскоре после его смерти жена его родила дочь. Слава Б-гу, это была крепкая, здоровенькая девочка. Сейчас ей около 13 лет и, должно быть, она стала красивой взрослой девушкой. Она живет со своим дедом в Бамберге.

Мать ее вторично вышла замуж, но и второй муж ее умер. Так этой доброй молодой женщине выпало на долю лучшие свои годы провести в печали. «Но кто скажет: что делаешь Ты?». Не могу больше говорить об этом, потому что сердце мое разрывается от горя. (Кто укажет Ему путь Его? Кто может сказать: «Ты поступаешь несправедливо»?)

Члены погребального общества «Хевра Кадиша» готовятся к похоронам.

Гравюра Бернарда Пикара, XVIII век.

II

В конце первого года жизни в Меце я предполагала, что смогу дожить свой век тихо, мирно; рассчитывать на это были все основания. Если б только мой муж сумел продержаться еще два года, все его трудности остались бы позади. Спустя два года после того, как кредиторы забрали себе все его имущество, экономика Франции вступила в период процветания, и все коммерсанты в Меце обогатились.

Муж мой был очень способным и энергичным дельцом. Он пользовался большим уважением как среди евреев, так и среди неевреев. Но Всеблагодой

Г-сподь не дал ему сил выстоять: кредиторы так насели на него, что он оказался на мели и потерял все, что имел.

Хотя его кредиторы получили лишь половину того, что он был им должен, тем не менее они пожалели его и проявили милосердие. Я тоже отказалась от претензий на определенные суммы, причитавшиеся мне согласно брачному контракту, потому что сама видела, что здесь ничего не получишь.

В его руках были все деньги моей дочки Мирьям; эти деньги мне удалось-таки получить назад в виде векселей, выписанных на других евреев. Одному Г-споду известно, как было горько. У моего сына Натана были денежные претензии к мужу на сумму в несколько тысяч рейхсталеров, я добилась, чтобы ему уплатили эти деньги.

О своей доле, причитавшейся мне по брачному контракту, я уже не думала и была благодарна Г-споду за все, что мне удалось спасти, принимая со всем возможным смирением все, что ссудил мне Г-сподь, наподобие орлицы, прячущей своих птенцов на крыльях, говоря: «Пусть лучше подстрелят меня, чем моих детей». Но как я страдала! Муж мой был вынужден скрываться. Когда кредиторы обнаружили, что он исчез, они послали в наш дом трех судебных исполнителей. Эти люди переписали все имущество, вплоть до гвоздей на стенах, и все опечатали, так что у меня не осталось даже еды.

Мне оставили для проживания одну комнату, которую я делила с экономкой. Три судебных исполнителя вели себя в нашем доме как хозяева: они входили к нам, когда хотели, а мы не имели права ни уходить, ни входить. Однажды, когда я хотела выйти из дома, они обыскали меня: не собираюсь ли я вынести что-то спрятанное на теле.

Три недели прожили мы в таком ужасном положении! Наконец муж заключил соглашение с кредиторами. Они составили опись всего, что у него имелось, и все это оставили в его руках, чтобы он смог продать имущество с аукциона. Ни один медный кувшин, ни одна оловянная кружка не избежали описи, так что скрыть нельзя было ничего. Да мой муж и не хотел ничего скрывать! Он был благодарен Г-споду, что не лишился жизни. Кредиторы убедились, что он честно отдает все, что есть, и сжалились над ним, хотя он не смог уплатить и тех 50 процентов, о которых они договаривались. Они оставили его в покое, хотя вполне могли упрятать в тюрьму. Но все знали его честность и видели, что не осталось ни полушки, что он раздет до нитки. Это был действительно хороший и честный человек, и в дни благоденствия все любили его и уважали. На протяжении 30 лет он был парнасом и штадланом Меца (адвокат и посредник евреев по делам, связанным с общественным мнением, церковными и государственными властями; почти каждый придворный еврей и видный банкир выступали в качестве штадланов в защиту евреев своего города, и евреи, не имевшие официально признанных прав ни как подданные, ни как граждане, полностью зависели от того, насколько успешно штадлан пользовался своим влиянием, чтобы обеспечить им, пусть и в ограниченных рамках, правосудие. – Прим. ред.), и его достойное поведение на этом посту завоевало ему любовь и евреев, и христиан.

После того как на него обрушилась беда, мы оказались в крайней нужде, случалось, в доме не было даже куска хлеба. Так как в тот период жизнь в Меце стала очень дорогой, я была вынуждена расходовать деньги из своих собственных скудных сбережений. Но стоило моему мужу заработать несколько ливров, как он возмещал мне все, что я потратила.

Пурим в Амстердаме.

Гравюра Бернарда Пикара, XVIII век.

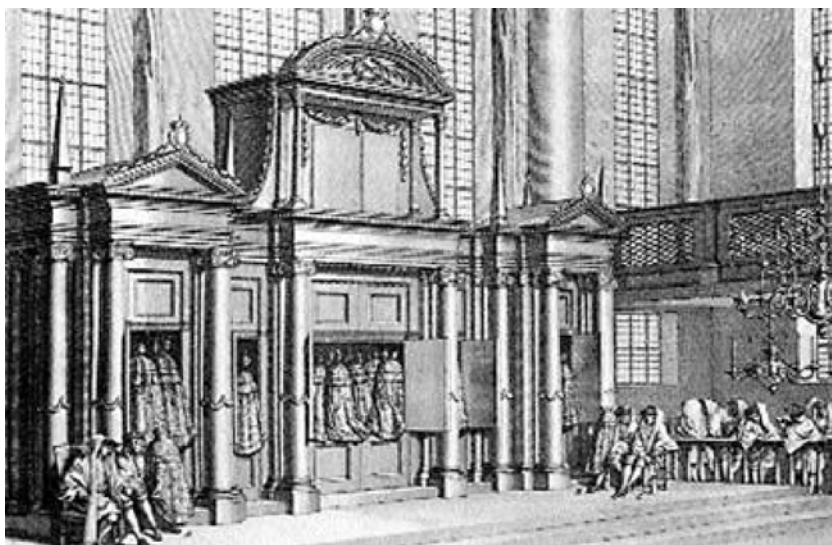
III

Зять мой Мойше Крумбах щедро помогал моему мужу, хотя в результате нашего банкротства и он лишился более двух тысяч талеров. Добрый и щедрый Г-сподь

был благосклонен к моему зятю, и, хвала Г-споду, он стал самым богатым человеком в еврейской общине Меца, сохранив при этом все свои замечательные качества. Он сделал много добра своим родным и родственникам жены – моей дочери Эстер.

Сейчас он парнас. Дом его всегда открыт бедным, его гостеприимством пользуются видные люди, приезжающие в Мец со всех четырех концов света. Он со своей дорогой супругой Эстер оказывает им должные привет и уважение. Оба отличаются щедростью и великодушием и делают людям много добра. Награди их за это Г-сподь, дай им и их детям почет, богатство и доброе здравие на сто лет жизни и больше!

Примерно в 5472 году (1712) первого числа месяца Сиван Элиас, мой внук и сын Эстер, стал женихом, благословляю его и желаю счастья. Свадьба состоится через четыре года, потому что и жених, и невеста еще очень молоды – да продлит Г-сподь их дни! Только их приданое в совокупности оценивается в 30 тысяч рейхсталеров.

Симхас Тойра в Амстердаме.

Гравюра Бернарда Пикара, XVIII век.

IV

Мало кто помог моему мужу, когда на него обрушилось несчастье. Его дети были не в состоянии дать отцу то, в чем он нуждался, хотя и делали все, что могли.

Раввин Шмуэл Леви, сын моего горемычного мужа, был знатоком Талмуда и во всех отношениях энергичным и способным человеком. Он долгое время прожил в Польше, где так углубил свои познания, что ему было присвоено звание «морейну» (признанного учителя). Вернувшись в родной Мец – это было за несколько лет до моего приезда в этот город, – он обзавелся семьей и зажил собственным домом.

И мой муж, и его свекор – богатый и благочестивый Авроом Крумбах – в свое время обеспечили Шмуэлу Леви возможность посвятить себя исключительно ученым занятиям. Опираясь на свой авторитет, они помогли ему стать раввином (насколько я помню, в Эльзасе), и там он проявил большую мудрость при исполнении своих обязанностей. Все окружающие очень любили его.

Но «лев горсткой сыт не будет»: денежные поступления раввина не покрывали нужд его хозяйства. И раввин Шмуэл, и жена его Генендель выросли в богатстве, привыкли жить на широкую ногу и щедро помогать другим. Поэтому раввин Шмуэл принял решение поступить на службу к герцогу Лотарингскому.

В то время двор Его Высочества находился в Люневилле в связи с войной между королем Франции и Кайзером и союзниками последнего, которых мне здесь ни к чему называть, поскольку всем известно, кто они были (война за испанское наследство 1701 – 1714 годов. – Прим. ред.). Рабби Шмуэл взялся чеканить монету для вышеназванного герцога Лотарингского. Однако для этой цели требовался более крупный капитал, чем у него был.

За шесть месяцев до этого Шмуэл открыл торговое дело в Люневилле, для которого также требовался большой оборотный капитал, поскольку у него закупали все припасы Его Высочество и весь двор – так доверяли ему герцог и его советники и вполне заслуженно, ибо он был одним из тех, кого любят и Б-г, и люди.

Когда Шмуэл пришел к выводу, что не сможет управиться со своей торговлей в одиночку, он пригласил войти в дело обоим своим зятьев из Меца. Один из них, Ишая Вильдштадт, женатый на сестре рабби Шмуэла, был видным членом еврейской общины Меца; другой, Яков Крумбах, брат моего зятя Мойше Крумбаха, тоже занимал заметное положение в обществе и был состоятельным человеком.

Все трое оставили свои комфортабельные дома в Юденгассе (еврейском квартале) в Меце и переехали в Люневилль. Они создали товарищество и запасли для магазина наиболее ходовой товар. Кроме магазина они вели и другие коммерческие дела и были довольны судьбой. Тут реб Шмуэл взялся чеканить монету для герцога – на этом деле нельзя много заработать, но, конечно, все кругом воображали, что он получает баснословную прибыль.

Об этом своем предприятии Шмуэл написал отцу, однако муж мой отнесся к этому делу очень неодобрительно. Муж отлично разбирался в коммерческих делах и знал, что это дело опасное и до добра не доведет, а главное, придется не по вкусу королю Франции. Дело в том, что от Меца до Люневилля всего день пути, и, естественно, все деньги, которые чеканятся в Люневилле, осели бы в Меце.

Как опытный и проницательный делец муж взвесил все за и против и написал сыну во всех подробностях, какой большой капитал понадобится для чеканки монеты и как невелика будет прибыль. Но трое молодых партнеров загорелись желанием повернуть это дело и заключили контракт с Его Высочеством, предусматривавший, что они будут поставлять ему серебро, а за чеканку будут оставлять себе какую-то часть монет.

Первое время все шло отлично, как говорится, «начинали – веселились», но оказалось, что монета, которую они чеканили, не всегда была отличного качества, и это привело к падению рабби Шмуэла.

Ритуальное бичевание в канун Йом-Кипура в Амстердаме.

Гравюра Бернарда Пикара, XVIII век.

V

В течение шести месяцев партнеры руководили своим торговым предприятием и одновременно, как принято у евреев, занимались обменом денег, получением векселей и т.п.

В то время в Меце жил некто Мойше Ротшильд. Это был очень богатый человек. Много лет он торговал в Лотарингии, и его знали все купцы. Услышав о процветающем деле наших трех партнеров, он тоже перебрался в Люневиль вместе с сыном, который был женат на дочери рабби Шмуэла. При помощи советников герцога, высоко его ценивших, Мойше Ротшильд поселился близ города и тоже взялся поставлять серебро на монетный двор.

Совместное дело процветало, и рабби Шмуэл оказывал помощь своему отцу, так что мы перестали нуждаться.

Партнеры отправляли деньги в Мец; порой эти деньги задерживали и возвращали назад, порой они попадали в чужие руки, и их уже больше не видели. Муж мой был очень обеспокоен, потому что понимал, насколько рискованны и опасны эти операции, и не раз писал сыну о своей тревоге, но все было бесполезно. Он был не в силах что-либо изменить. Тем временем война между Кайзером и королем Франции становилась все более ожесточенной, и под конец французский король запретил ввозить в страну монету лотарингской чеканки. Более того, королевский посол передал М.Латанди (губернатор Меца) в Меце письмо с предписанием довести его содержание до еврейской общины Меца. В письме назывались поименно пятеро евреев, которые прежде жили в нашем городе, а сейчас занимаются бизнесом в Лотарингии. Было сказано, что если они останутся в Лотарингии, то под угрозой сурового наказания им будет запрещено

возвращаться во Францию. Им давали несколько месяцев, чтобы обдумать все и сделать выбор: Люневиль и Лотарингия или Мец и Франция (Верхняя Лотарингия, включая Люневиль, была присоединена к Франции лишь в 1766 году, гораздо позже этого эпизода; Нижняя Лотарингия, включая Мец, принадлежала Франции с 1556 года. – Прим. ред.).

Когда наши пятеро евреев услышали это, они сильно испугались и не знали, на что решиться. У каждого из них на родине был хороший дом, представлявший немалую ценность. Кроме того, им не хотелось навсегда лишиться права проживания в Меце.

С другой стороны, они подрядились чеканить монету для герцога Лотарингского, и за срыв контракта им грозила большая неустойка.

Наконец, все сроки, данные им на раздумье, истекли. Надо было решаться. Ишай Вильштадт принял решение первым – он предпочел вернуться в Мец. Так же поступил и Яков Крумбах. Не знаю, как они распрощались с герцогом и как с ним разочлись, но все, что у них было, и весь свой капитал в товарах они между собой поделили и, вернувшись в Мец с женами и детьми, поселились там же, где и жили.

Но рабби Шмуэл и Мойше Ротшильд с сыном решили остаться в Лотарингии. (Мойше Ротшильд, или Алькан, который предпочел остаться в Верхней Лотарингии, был оштрафован вместе с другими евреями на 300 ливров за то, что стоял у окна гостиницы в Нанси и курил трубку, когда мимо проходила процессия и священник нес святыне дары. Это было в мае 1711-го, после чего владельцу гостиницы было запрещено сдавать евреям комнаты с окнами на улицу. На следующий год Ротшильда посадили в тюрьму за переправку лотарингской монеты морем в Мец. – Прим. ред.).

Молитва на Йом Кипур в Амстердаме.

Гравюра Бернарда Пикара, XVIII век.

VI

Получив это известие, мой муж заболел от огорчения. Тревога и страх совсем подкосили его. Он и раньше был болезненным человеком и сильно страдал от подагры. Этот новый удар совсем прибил его к земле.

Сын его рабби Шмуэл принял меры, чтобы отец ни в чем не нуждался, посылал ему все, что требовалось, а своему агенту в Меце приказал обеспечивать его всем, чего он ни попросит; но все эти заботы не помогли отцу поправиться. Рабби Шмуэл прислал ему врача, пользовавшегося отличной репутацией. Врач пробыл у ложа больного несколько дней, испробовал все свои снадобья, но уже после первого осмотра он сказал, что его пациент – не жилец на белом свете, и дальнейшие события подтвердили его прогноз.

Всемогущий взял его к себе навсегда, и несомненно, он пребывает с Ним в раю. (Серф Леви умер 24 июля 1712 года. – Прим. ред.)

Муж долгие годы был парнасом еврейской общины Меца, порой рисковал жизнью, защищая общину, я могла бы многое написать на эту тему, но не считаю нужным.

Он вкусил вечный мир, а меня оставил один на один с заботами и огорчениями.

Суккос в в Амстердаме.

Гравюра Бернарда Пикара, XVIII век.

VII

Из суммы, оговоренной в моем брачном контракте, я получила очень мало, менее трети причитавшегося.

А как быть потом? Я решила положиться на Всемогущего Б-га.

В то время я жила в доме Ишай Вильштадта – доме, когда-то принадлежавшем моему мужу, где я рассчитывала жить до конца своих дней. Собственно говоря, реб Ишай

в свое время заверил меня, что я могу это сделать. Но когда муж умер, а Ишая Вильштадт вернулся в Мец с женой, детьми и всем своим имуществом, я была вынуждена покинуть этот дом (младшая дочь Глюкели позже вышла замуж за его сына. – Прим. ред.).

Я не знала, куда идти. Остаться со своим зятем Мойше Крумбахом я не могла – его дом все еще не был построен. Поэтому положение мое было очень затруднительным.

Наконец, некий Яков Марбург разрешил мне пристроить к его дому крохотную мансарду. В этой мансарде у меня не было ни очага, ни трубы. Готовить еду приходилось на его кухне, а в долгие зимние дни греться у его очага. Но когда подходило время ложиться спать или когда по каким-либо другим причинам мне надо было идти наверх, в свою комнатку, куда вела лестница в 22 ступеньки, это было так тяжело для меня, что, щадя силы, я обычно отказывалась от своего намерения.

Однажды, когда я болела – это было в месяце Тевес 5475 года (январь 1715-го), меня навестил мой зять Мойше, который стал настаивать, чтоб я переехала к нему. Он хотел устроить меня в комнате на нижнем этаже, чтобы мне не приходилось взбираться наверх. Но я отклонила его предложение: у меня было много причин не хотеть когда-либо оказаться на иждивении детей.

Однако в создавшемся положении я бы долго не выдержала. В тот год в Меце жизнь была очень дорогой, а мне приходилось нанимать женщину, чтобы за мной ухаживала. К тому же я была бременем для еврейской общины, помогавшей мне материально. В конце концов я сдалась и переехала в дом зятя.

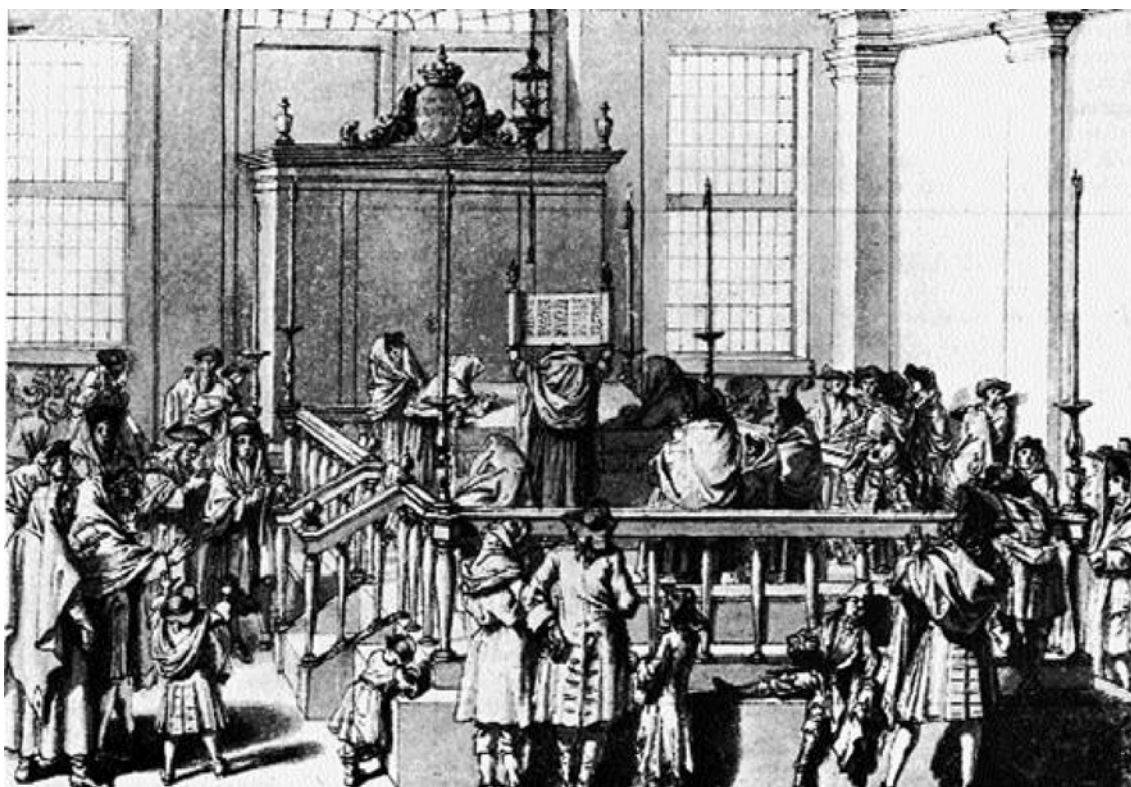
Это было в 5475 году (1715), я пишу эти строки в месяце Тамузе того же года. Мои зять и дочь – да продлит Г-сподь их годы – были мне рады.

Нужно ли рассказывать, как они относятся ко мне? Это долгая история. Да наградит их добрый Г-сподь! Они встретили меня с почетом. Самая лучшая еда накладывается в мою тарелку и больше, чем нужно, больше, чем я заслужила. Боюсь, как бы Г-сподь не сравнил эти щедрость и изобилие с моими заслугами, которых, увы, так мало!

Если меня нет за столом, когда они обедают (они всегда садятся за стол ровно в полдень, а в этот час в синагоге читаются молитвы за душу благочестивой матери Мойше Крумбаха фрау Яхет, читаются все эти годы и, без сомнения, будут читаться до прихода Мошиаха), меня по возвращении ожидают три или четыре самых вкусных блюда – гораздо больше, чем мне нужно. Я часто говорю дочери: «Если я все это съем, то уже не смогу вздохнуть», на что она обычно отвечает: «Я готовлю столько же, как и раньше без тебя – ни больше, ни меньше». И это правда.

За свою жизнь я побывала во многих еврейских общинах, но никогда не видела такого гостеприимного дома, как дом моей дочери. За ее столом каждого ждет теплый и радушный прием – как гостей, присланных благотворительной организацией, так и гостей, приглашенных самими хозяевами. Щедрый

Г-сподь, дай им сто лет здоровья и мира, богатства и почета!

Поднятие свитка Торы в Гааге.

Гравюра Бернарда Пикара, XVIII век.

VIII

Если бы я собиралась писать о том, что еще случилось в Меце, или о том, сохранили ли евреи свою репутацию благочестивых людей, я могла бы ограничиться упоминанием, что когда я впервые приехала в Мец, здесь была прекрасная благочестивая община и ее парнасы были достойными людьми, украшением Комнаты совета.

В те дни никто из заседавших в Комнате совета не носил парика, не было случая, чтобы человек пренебрег решением Юденгассе и обратился в христианский суд. Когда возникали споры и разногласия – а таковых было много, как всегда среди евреев, – спорные вопросы решались раввинским или общинным судами. В те дни никто не держался так высокомерно, как сейчас. Люди не предавались чревоугодию. Дети прилежно учились, старшие заботились о том, чтобы привлечь в общину самых способных раввинов.

Когда я жила там, раввином был ученый рабби Габриэль Эскелес, он же возглавлял школу по изучению Талмуда. Незачем говорить о его благочестии, оно общеизвестно, и не мне описывать его достоинства, ибо я не сумела бы описать и их половины, да что я говорю – и одной десятой!

Сын его женился на дочери богатого и влиятельного Шимшона Вертгеймера из Вены. Капитал, данный родителями в приданое жениху и невесте, вместе со свадебными подарками превышал 30 тысяч рейхсталеров. Рабби Габриэль привез из Вены жену, сына Лейба и жениха – рабби Бериха. Свадьба была отпразднована с пышностью, невиданной среди евреев.

Но стоит ли писать о таких вещах, когда я не в состоянии сообщить вам все подробности? Ограничусь кратким упоминанием о самом факте, ибо и без меня это всем известно.

Симхас Тора в Гааге.

Гравюра Бернарда Пикара, XVIII век.

IX

Община дала благочестивому и известному своей ученостью раввину Габриэлю – пусть сияет его свет! – годовой отпуск, но никто не думал, что он не вернется в срок. Однако год растянулся почти на три года!

По истечении трех лет парнасы написали ему со всем уважением, что он все еще может вернуться с миром и занять свой пост, ибо община без него чувствует себя, как стадо без пастуха, а такая община не может существовать без достойного духовного главы. Но истины ради я должна сказать, что в Меце хватало способных людей, великих знатоков Талмуда и мудрецов; среди них выделялся знаток Закона почтенный рабби Аарон Вормс, который много лет был раввином в Маннгейме и его окрестностях, а также раввином в Эльзасе.

Этот раввин Аарон женил своего сына на внучке раввина Габриэля. Естественно, он принадлежал к сторонникам раввина Габриэля и утверждал, что тот, безусловно, вернется. Раввин Аарон был весьма мудрым человеком, хорошо разбирающимся в религиозных и мирских делах, его мнение имело большой вес, и община довольствовалась тем, что приняла решение подождать еще некоторое время.

В конце концов до сведения общины дошло, что кандидатура раввина Габриэля выдвинута на должность раввина Никольсбурга (в Никольсбурге /Моравия/ в XVIII веке была одна из наиболее процветающих общин Центральной Европы. – Прим. ред.). Трудно описать, какой разброд в умах вызвало это сообщение.

Сын раввина Габриэля пытался убедить руководителей общины, чтобы они подождали еще немного. Но когда они услышали, что раввин Габриэль допустил, чтобы

его кандидатуру предложили на пост раввина Никольсбурга, власти с одобрения большей части общины постановили найти нового раввина. Тут-то началась буря.

Сторонники раввина Габриэля, такие как раввин Аарон и его люди, делали все, что могли, чтобы не допустить назначения нового раввина. Но вскоре на собрании всех членов общины их обязали – под страхом большого штрафа – избрать преемника рабби Габриэля.

В силу этого они написали пригласительное письмо главному раввину Праги Броде – в самых учтивых выражениях – и отправили с особым курьером. Спустя некоторое время, после поправок в контракте, вышеназванный раввин дал согласие приехать в Мец.

То ли глубокоуважаемый раввин Габриэль услышал об этом, то ли он ни минуты не сомневался, что ему следует вернуться на свой пост – не могу сказать, но во всяком случае он незамедлительно вернулся и, опираясь на поддержку своих сторонников, объявил, что готов приступить к исполнению обязанностей раввина.

Не смею описывать, что тут началось. Прости, Г-споди, всех и каждого за грехи наши! Не мне, простой и неученой женщине, писать о таких делах! Да простит Б-г каждого за то, что было сделано в пылу гнева, сгоряча, но того, что сделали обе партии, чтобы настоять на своем, хватило бы на целую книгу. Что касается меня, я молю Г-спода Б-га дать нам добродетель и благочестие обоих этих мудрецов.

После того как раввин Габриэль пробыл здесь некоторое время и убедился, что изменить ничего нельзя и что руководители общины не возьмут назад свое предложение раввину Авроому Броде, уже давшему положительный ответ, раввин Габриэль снова уехал. Он покинул город с почетом, потому что все в общине были его друзьями.

Благословление коэнов в Гааге.

Гравюра Бернарда Пикара, XVIII век.

Х

Ограничусь тем, что скажу: раввин Авроом Брода прибыл в положенный срок. Его встретили в Меце с большим почетом. Ему выстроили дом с отдельным помещением для занятий и его личным креслом. Насколько мне известно, такого в Меце еще никогда не бывало. Много можно сказать о его личности, эрудиции, добрых делах и главным образом о том, как он день и ночь сидел над своими учеными книгами и проповедовал Тору евреям. Общеизвестно, что он брал детей, которые почти ничего не знали, и превращал их в прилежных учеников. Он был великим знатоком Торы.

Но вскоре нашей радости пришел конец. Этот великий ученый дал согласие стать раввином Франкфурта. Сколько наши руководители ни убеждали его остаться в Меце, предлагая все, чего он ни пожелает, он не изменил своего решения.

После его отъезда для нас настали плохие времена – одни болели, другие несли большие денежные убытки. Ушли из жизни много крепких молодых женщин, о которых нельзя было сказать ничего дурного. Все были в горе. Да проявит Г-сподь свое милосердие и да снимет свой гнев с нас и со всего Израиля.

В синагоге Гааги. Гравюра Бернарда Пикара, XVIII век.

ХІ

Не могу не рассказать вам о беде, обрушившейся на нашу общину в Субботу в праздник Швуэс в 5475 году (в мае 1715-го).

В этот день и мужчины, и женщины, и дети – все находились в синагоге. Только что начал петь утреннюю молитву великий кантор Йокель из польского города Ржешува. Только он запел «Ты, Г-сподь, во всей Своей силе и могуществе...», как вдруг многие из присутствовавших услышали треск и грохот, будто над головами у них что-то ломается.

Женщины, сидевшие на верхнем балконе, думали, что рушится потолок; грохот напугал их, и они бросились к выходу, помышляя только о собственном спасении.

Все кинулись к лестнице, кто-то упал, остальные топтали упавших. За несколько минут погибли шесть женщин, более тридцати были ранены и изувечены, некоторые настолько сильно, что после этого хирурги несколько месяцев боролись за их жизнь.

Если бы они выходили из синагоги, соблюдая порядок, никто бы не пострадал. Среди них была одна слепая старуха, она не могла бежать и была вынуждена оставаться

на своем месте, где и сидела, пока «ярость не пройдет». С ней ничего дурного не случилось, она вернулась домой здоровой и невредимой.

Оставшиеся в живых выбежали на улицу – большинство, увы, с непокрытыми волосами (по закону замужние еврейки должны покрывать волосы. – Прим. ред.), в разодранной одежде.

После некоторые из них рассказывали мне, что хотели спастись, но не знали как, и вернулись на свои места, сказав: «Если мы должны умереть, то лучше умрем в синагоге, чем нас затопчут на лестнице!». Ибо более 50 женщин корчились в каше из человеческих тел на ступенях лестницы, все в одной куче, где мертвые цеплялись за живых.

Мужчины бросились к ним, каждый стремился спасти своих женщин. Но с каким трудом удалось женщин растащить! Не зная, что случилось, в Юденгассе поспешили многие бюргеры с лестницами и топорами.

Люди, сидевшие в самой синагоге, тоже слышали грохот, тоже подумали, что рушится крыша, и стали кричать своим женщинам, чтобы они бежали, что усиливало общий беспорядок и ужас.

Можете себе представить, какое горе охватило всех – шесть погибших женщин, шесть молодых женщин, за минуту до того в расцвете сил и в полном здравии! Г-сподь, смилостивься над нами, не гневайся на нас и на весь Израиль!

Литургические атрибуты.

Гравюра Бернарда Пикара, XVIII век.

XII

Женщины на нижней галерее тоже страшно испугались и бросились вниз, тесня и толкая друг друга.

Ваша мать, дорогие дети, занимала свое место на нижней галерее и была погружена в молитву. Услышав вокруг крики, я спросила соседку, в чем дело. Соседка решила, что какой-то беременной женщине сделалось дурно. Тут я очень испугалась, потому что дочь моя Эстер, сидевшая через шесть мест от меня, тоже была беременна.

Я стала проталкиваться к ней, а она пыталась пробиться на улицу. Я закричала ей: «Куда ты?». На что она отвечала: «Крыша рушится».

Я обхватила ее и стала прокладывать нам путь к выходу.

Когда выходишь из нижней галереи, надо спуститься на пять-шесть ступенек. Пробиваясь через толпу, я споткнулась на нижней ступеньке и потеряла сознание. Никто не пришел мне на помощь.

Мужчины, спешившие спасти своих родственниц, пробежали мимо меня, лежавшей недвижно, без сознания. Еще какая-нибудь минута, и меня растоптали бы насмерть.

Тут кто-то из знакомых меня увидел, помог встать и выбраться на улицу. Я начала кричать и плакать, спрашивая, что случилось с моей дочерью. Мне сказали, она ушла домой.

Я сразу же послала кого-то посмотреть, дома ли она. Посыльный вернулся и сообщил, что она не возвращалась. Я начала метаться туда-сюда как сумасшедшая.

Тут меня увидела моя дочь Мирьям и, обрадовавшись, побежала ко мне. Я спросила ее: «Где моя Эстер?», на что она ответила, что Эстер в доме нашего свояка Реувена.

Дом его находится недалеко от синагоги. Я бегом бросилась туда и увидела дочь в обмороке, без плаща и головного покрывала. Вокруг толпились люди, пытаюсь привести ее в чувство. Слава Б-гу, она очнулась, и дело обошлось без дурных последствий для младенца, которого она носила в чреве своем.

Большинство погибших тоже были беременны, но они нашли вечное упокоение, а мы остались здесь горевать и плакать. На следующий день после праздника Швуэс рано утром на кладбище появилось шесть новых могил: шестеро женщин были похоронены рядышком и засыпаны землей.

Позднее женская часть синагоги была тщательно обследована, и никаких дефектов не обнаружилось. До сего дня мы не знаем причины этого ужасного грохота.

Надо полагать, он был послан нам за наши грехи. Горе нам, что мы дожили до такого – исполнилось слово Б-жие: «Оставшимся из вас пошлю в сердца робость в земле врагов их, и звук колеблющегося листа погонит их, и побегут, как от меча, и падут, когда никто не преследует». Подумать только, что это случилось в день святой Субботы, день, когда нам была дарована святая Тора (Швуэс – праздник дарования Торы. – Прим. ред.), когда

Г-сподь избрал нас из всех народов. Истинно «сделал нас распрей для соседей наших, и враги наши насмеются над нами». У нас было такое чувство, будто Храм святой был разрушен в наши дни.

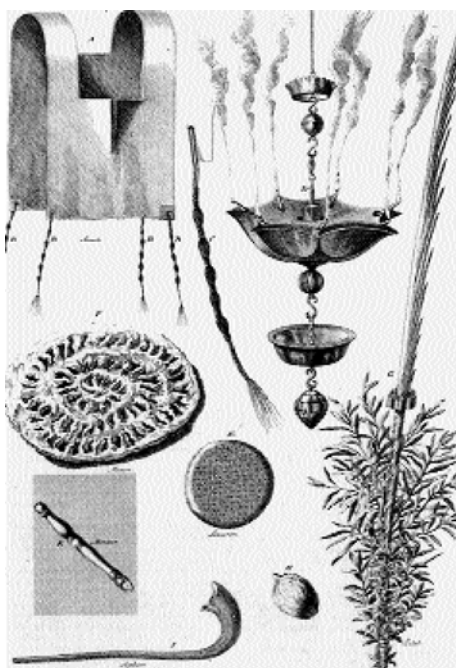
Много рассказывали об этом бедствии, но можно ли описать все, что говорилось, можно ли всему верить? Фрау Эстер, жена нашего нынешнего учителя ребе Яакова, сидела со своим пятилетним ребенком на самом верху лестницы. Внезапно она увидела шесть очень высоких женщин, лица которых были закрыты развевающимися

покрывалами: они, топчя ее, спешили вниз по лестнице. Она закричала: «Вы, что, убить хотите меня и мое дитя?». Тогда они взяли ребенка, поставили его в уголок, где ничто не могло ему навредить, а сами поспешили своей дорогой. Паника началась, только когда раздался страшный грохот. Эта фрау Эстер всегда была честной женщиной и ни разу не была уличена во лжи.

В ночь перед катастрофой жена богача Йосефа Крумбаха, дом которого стоит по соседству с синагогой, услышала в синагоге страшный шум, как будто туда забралась громила. Она разбудила мужа, и вдвоем они послали за шамесом, который отпер синагогу. Но там все было в порядке, не отлетело и куска штукатурки. Так и осталось неизвестно, «за кого постигла нас эта беда».

Что касается меня, я думаю, что это кара за грехи, совершенные в праздник Симхас Тойры. Как обычно в этот праздник, все священные свитки Закона были вынуты из святого ковчега и семь из них стояли на столе.

В этот момент среди женщин возникла ссора, они стали срывать друг с друга покрывала и оказались в синагоге с непокрытыми головами. Мужчины присоединились к драке и набросились друг на друга. Хотя ученый раввин Авроом громко велел им прекратить осквернять святой день под угрозой отлучения, все было бесполезно! Возмущенные раввин и парнасы покинули синагогу, и впоследствии каждому нарушителю было определено наказание.

Литургические атрибуты.

Гравюра Бернарда Пикара, XVIII век.

XIII

В месяц Нисан 5479 года (1719) одна женщина, стоя на коленях на берегу Мозеля, мыла посуду. Был поздний вечер, но внезапно стало светло как днем. Женщина взглянула на небо и увидела, что небеса открылись как ... (неразборчиво), и оттуда

вылетали искры, а потом небеса снова закрылись, будто задернулся занавес, снова стало темно. Дай Б-же, чтобы это было не к худу, а к добру!

КОНЕЦ

ПО-ПРЕЖНЕМУ

№14

Окончание. Начало в [№114](#).

Америка устранила притеснения старого Света. Ей было предопределено стать страной исторического воздаяния. Вместе с тем, размышлял доктор 1 Браун, новые возмущения сотрясали землю. Материальные подробности имели первостатейную важность. Но главные удары наносил дух. Иначе и быть не могло! Правы оказались те, кто так говорил.

В мыслях Айзека мешались: сметы, придорожные земельные участки, фасады, дренаж, закладные, оборотный капитал. А так как вдобавок ко всему Айзек был еще и крепким распяемым похотью парнем и с годами не вполне освободился от нее (теперь она проявлялась лишь в любви к непристойным шуткам), его набожность казалась напускной. Чем-то избыточным. Он читал псалмы на строительных площадках. Когда взираю я на небеса Твои — дело Твоих перстов... то что есть человек, что Ты помнишь его? Судя по всему, вера его была искренней. Перед Великими праздниками он после полудня не работал. А его белокожая жена, покрасневшись от жара плиты, сообщала на несколько ветхозаветный — как, по его представлениям, и приличествовало — манер, что он совершает омовение, меняет одежды наверху. Он посещал могилы своих родителей. Оповещал:

— Я был на кладбище.

— А! — говорила она сочувственно, один ее прекрасный глаз был сама искренность. Другой моргал с еле-еле заметной хитрецей.

Родители, утонувшие в глине. Два ящика, бок о бок. Ядовито-зеленая трава колыхалась над ними, и Айзек взывал к Г-споду, творящему милость. На иврите с прибалтийским прононсом, над которым насмехались жители нынешнего Израиля. Деревья в сентябре, пожухшие после ночи-другой холодов, теперь, когда небо поголубело, потеплело, вместо того чтобы давать тень, пропускали свет. Айзек тревожился о родителях. Каково-то им там? Сырость, холод, а пуще всего черви, — все это беспокоило его. В мороз у него сжималось сердце — так он жалел тетю Розу и дядю Брауна, хотя — строитель все же, он знал — там, где они покоятся, земля не промерзает. Но отличительное свойство человека — любовь затуманивала соображения здравого смысла. Перечеркивала их. Возможно, он - подрядчик и эксперт по жилищному строительству (член не одной, а двух губернаторских комиссий) — с особой остротой чувствовал, как не защищены его покойные родители. А вот Тина — покойные ведь были и ее родителями — считала, что он использует и папу и маму в своих интересах, и использовал бы и ее, да только не на такую напал.

Несколько лет кряду, в одно и то же время года повторялась та же сцена. Накануне Дня очищения тому, кто благочестив, подобает посетить могилы умерших и простить живых: простить и просить у них прощения. Соответственно, Айзек ежегодно ездил к их прежнему дому. Припарковывал свой «кадиллак». Нажимал звонок, сердце его гулко стучало. Ждал у подножья длинной крытой лестницы. Кирпичный домишко — он был старым еще в 1915-м, когда дядя Браун его купил, — перешел к Тине, она старалась его осовременить. Согласно советам «Хаус Бьютифул»^[1]. Обои, которыми она обклеила покосившиеся стены лестничной клетки, были подобраны неудачно. Но какое это имело значение. Тина открыла дверь наверху, увидела мужскую фигуру, перерезанное рубцом лицо брата и сказала:

— Что тебе нужно?

— Тина! Б-га ради, я пришел помириться.

— Еще чего — мириться. Если б не ты, прохвост, мы бы разбогатели.

— Остальные так не думают. Слушай, Тина. Мы же брат и сестра. Вспомни папу и маму. Вспомни...

Она кричала с верхотуры:

— Сукин ты сын, я-то их помню! А ну пошел отсюда.

Хлопала дверью, звонила брату Аарону, закуривала длинную — она такие любила — сигарету.

— Снова приходил, — говорила она. — Ну и говнюк! Набожность свою напоказ выставляет, со мной этот номер не пройдет.

Она сказала, что терпеть не может его ортодоксального пресмыкательства. Она готова иметь с ним дело без подходцев. Хоть по-честному. Хоть как. Но от сантиментов просит ее избавить.

Что касается Тины, то обличье у нее было вроде бы женским, а поступки — мужскими. И пока из приемника лилась томная музыка, она после его ухода, не передеваясь, выкуривала сигарету, притом вся кипела — в ней клокотали страсти.

Которых ничто больше не пробуждало. Она могла сколько угодно клясть Айзека, думал доктор Браун, но она была ему многим обязана. От тети Розы, мастака в жестокой поэзии денег, она унаследовала и кое-какие стремления. Тихо-мирно жить в возрасте — добропорядочная семейная жизнь (муж, дочь, обстановка) — этих стремлений не удовлетворяла.

Поэтому, когда Айзек говорил жене, что он посетил могилы родителей, она знала: он опять ездил к Тине. Каждый раз одно и то же. Айзек — и такой голос, и такие жесты отошли в прошлое: на севере промышленного штата Нью-Йорк они были неуместны и ни с чем несообразны — взывал к своей сестре пред очами Г-спода и во имя душ отошедших умолял, чтобы она перестала гневаться. Но она кричала ему с верхней площадки:

— Никогда! Сукин ты сын, никогда! — и он уходил.

Шел домой за утешением, а позже с израненным сердцем отправлялся в синагогу. Глава общины, раздавленный горем. Бил себя кулаком в грудь — каялся на старопрежний лад. Новая мода предписывала недосказанность. Англо-саксонскую сдержанность. Раввин, на вид пиарщик с Мэдисон-авеню, не одобрял этих европейско-еврейских потрясаний кулаками на оперный манер. Слез. Он и кантору предписывал петь не так испуганно. Но Айзек Браун, покрывшись отцовской молитвенной черно-белой полосатой шалью с осыпающейся бахромой, скрежетал зубами и рыдал у ковчега.

И так он каждый год ездил к Тине, пока она не заболела. Когда она легла в больницу, Айзек позвонил доктору Брауну — попросил узнать, как обстоят дела.

— Я и правда доктор, но не медицинских наук.

— Ты ученый. Ты лучше все поймешь.

Чего тут не понимать. Она умирала от рака печени. Применили кобальтовую пушку. Химиотерапию. И от того, и от другого ей стало только хуже. Доктор Браун сказал Айзеку:

— Надежды нет.

— Знаю.

— Ты ее видел?

— Нет. Мне Мэтт сказал.

Айзек передал через Мэтта, что хотел бы навестить ее в больнице.

Тина отказалась его видеть.

И Мэтт — смуглое лицо со срезанным подбородком, невзрачное, но кроткое, жалкие глаза — мягко уговаривал ее:

— Тина, надо бы его принять. Но Тина сказала:

— Нет. С какой стати? Еврейский спектакль у смертного одра — вот что ему нужно. Ну нет.

— Тина, не надо так.

— Нет, — сказала, как ножом отрезала.

И добавила:

— Ненавижу его. — Так, словно объясняла: ненависть поддерживает ее, лишиться такой поддержки она не может, и пусть Мэтт на это не рассчитывает. А еще позже, чуть сбавив тон, присовокупила, словно разговор принял отвлеченный характер: — Я не могу ему помочь.

И тем не менее Айзек что ни день звонил Мэтту, говорил:

— Мне непременно нужно увидеть сестру.

— Она не поддается на уговоры.

— Ты должен ей все объяснить. Она не знает, что должно.

Айзек даже позвонил Фенстеру, хотя все знали, что он невысокого мнения об умственных способностях Фен-стера. И Фенстер ответил:

— Она говорит, ты всех нас подвел.

— Я? Это она струсила и пошла на попятный. И мне пришлось поднимать все дело одному.

— Ты нас кинул.

Простодушно, с прямотой библейского дурака (каковым Айзек Фенстера и считал, и ему это было известно) он сказал:

— Айзек, ты не хотел ни с кем делиться.

Ожидать от них, что они дадут ему беспрепятственно пользоваться богатством в свое удовольствие, сказал доктору Брауну Айзек, было бы глупо. И вообще от людей. А Айзек был очень богат. Он не говорил, сколько у него денег. Для семьи это было тайной. Старики говорили:

— Он и сам не знает.

Айзек признался доктору Брауну:

— Я никогда не понимал ее. Он еще и тогда, год спустя, был этим потрясен.

Тина давно открыла, что вовсе не нужно ограничивать себя прежними правилами. Вследствие чего отказать Айзеку в праве видеть сестру, а он страстно, мучительно этого хотел, значило подняться на уровень передовых понятий, пусть

тягостных, зато более истинных, чем прежние. Казалось, она и на одре болезни изыскивала возможности продвинуться дальше в этом направлении.

— Ты должна разрешить ему приехать, — сказал Мэтт.

— Потому что я умираю?

Мэтт, невзрачный, с темным лицом, не сводил с нее глаз: пока он подбирал ответ, взгляд его стал отсутствующим.

— Бывают случаи, люди выздоравливают, — сказал он.

Но она — вот что странно — сказала так, словно речь шла не о ней:

— Это не тот случай.

Лицо у нее уже опало, живот вздулся, голени отекали. Ей доводилось видеть такие симптомы у других, и она понимала, что это значит.

— Он каждый день звонит, — сказал Мэтт.

Незадолго до его прихода она вызвала маникюршу покрыть ей ногти лаком, темно-красным, чуть ли не бордовым. Потребности или желания принимают порой причудливую форму. Кольцо, снятое с материнской руки, теперь болталось на ее пальце. И откинувшись на кровати — изголовье ее приподняли — так, словно прилегла отдохнуть, Тина сложила руки на груди и сказала, приминая кружева ночной кофточки кончиками пальцев:

— В таком случае, Мэтт, передай Айзеку от меня вот что: я повिдаюсь с ним, но это будет стоить денег.

— Денег?

— Если он заплатит мне двадцать тысяч долларов.

— Тина, не должно так.

— Это еще почему не должно? Деньги пойдут моей дочери. Ей они понадобятся.

— Нет, такие деньги не понадобятся. — Мэтт знал, сколько оставила тетя Роза. — Денег более чем достаточно. И ты это знаешь.

— Если ему во что бы то ни стало нужно повидать меня, пусть платит двадцать тысяч, иначе я его не пушу, — сказала Тина. — Это малая часть того, чего мы из-за него лишились.

Мэтт только и сказал:

— Я из-за него ничего никогда не лишался.

И вот ведь что чудно: в лице Мэтта проглядывала практическая сметка Браунов, только он ее никогда не пускал в дело. И не потому, что его ранили на Тихом океане. Мэтт всегда был такой. Он послал Айзеку Тинино предложение на клочке бланка «ЭЛЕКТРОПРИБОРЫ, БРАУН, 42, КЛИНТОН». Как условия контракта. Без каких-либо пояснений, даже без подписи.

«За двадцать кусков Тина тебя примет, иначе нет».

По мнению доктора Брауна, его сестрица ухватилась за смерть — что ни говори, сильный аргумент, — чтобы подать ситуацию в оперном ключе, ну и в пародийном заодно. Как определил сам для себя доктор Браун, в отместку за издевки. Смерть, страшный суженый, сулила восполнить все, чего не дала жизнь. Соответственно, жизнь Тина не ставила ни во что, заполняя оставшиеся светлые часы (которые следовало бы побереечь для красоты, чуда, благородства) безобразной тучностью, злобой, ложными шагами, самоистязанием.

В тот день, когда Айзек получил Тинины условия, ему предстояло поехать по реке с губернаторской комиссией по загрязнению окружающей среды. Служба рыбного и охотничьего хозяйства^[2] прислала катер — на нем пяти членам комиссии предстояло проплыть по Гудзону. Предполагалось, что они проследуют по Гудзону на юг и доплывут до Джермантауна. Где река — с запада ее там окаймляли горы — километра полтора в ширину. После чего вернутся в Олбани. Айзек предпочел бы отменить проверку: ему надо было много чего обдумать, его переполняли чувства. Он «утеснялся» — так неожиданно определил Айзек свое состояние — видно, это слово передавало его лучше всего. Но Айзек не мог отделаться от официальной поездки. Жена настояла, чтобы он взял панаму и надел легкий костюм. Он перевесился за борт, крепко сжав темно-вишневый с медными заклепками поручень. Тяжело дышал сквозь стиснутые зубы. Под коленями, на шее частил пульс; на виске вздулась артерия, из-за чего он видел и струение воздуха, и великолепие воды лишь с одной стороны. Два молодых ренселерских профессора знакомили их с геологическим строением и животным миром верховий Гудзона, а также с промышленными и социальными проблемами региона. Города спускали неотработанные нечистоты в Мохок и Гудзон. Нечистоты хлестали из гигантских труб прямо на виду у людей. Клоаки — вот что это такое, кипятился профессор с рыжей бородкой и испорченными зубами. Много потемневшего металла во рту — оловянный часток там, где надлежало быть костяному. Плюс трубка — ею он указывал на дерьмо, зажелтившее реку. Города разносили свою грязь. Как избавиться от нее? Обсуждались разные методы

— фабрики по обработке отходов. Атомная энергия. И в конце концов, он предложил оригинальный инженерный проект: сбрасывать отходы в земное нутро, под кору, на тысячи тысяч метров вглубь, в нижние пласты. Но даже если загрязнения прекратить сегодня же, понадобится не меньше полувека, чтобы река возродилась. Рыба долго упорствовала, но и та, в конце концов, покинула прежние нерестилища. Лишь хищный трупоед-угорь единовластно правил в здешних водах. В величавой, голубой, пусть в ней и плавали островки дерьма и извивающиеся угри, реке.

Лицо одного из членов губернаторской комиссии было Айзеку смутно знакомо — длинное, с высоким лбом, рот замочной прорезью, впалые щеки, кривоватый носовой хрящ, редящие волосы. Мягкие манеры. Сухопарый. Айзек, поглощенный мыслями о Тине, прослушал, как его зовут. Но заглянув в подготовленную чиновниками распечатку, понял, что это Ил-кингтон-младший. Вот этот спокойный, симпатичный человек, который так многозначительно смотрит на него с белого полубака, длинные брючины треплются на ветру, руки опираются на металлический поручень за спиной.

Ему явно было известно про те сто тысяч.

— По-моему, я был знаком с вашим отцом, — сказал Айзек, понизив голос.

— Как же, как же, — сказал Илкин-тон. Для своего роста он был щупло-ват; туго натянутая кожа лоснилась на висках, по скулам расползся красноватый звездчатый лишайник. Капилляры. — Старик чувствует себя хорошо.

— Хорошо. Я рад.

— Да. Он чувствует себя хорошо. Только очень ослабел. На него, как вам известно, свалился тяжелый удар.

— Я не знал.

— Ну да, он вложил деньги в строительство гостиницы в Нассау и деньги пропали.

— Все? — спросил Айзек.

— Все законно полученные.

— Мне очень жаль.

— К счастью, у него было кое-что отложено на черный день.

— Да?

— Да, да.

— Понимаю. Очень кстати.

— Ему хватит до конца дней.

Айзек и обрадовался, и был признателен илкингтоновскому сыну — тот поступил благородно, рассказав ему об этом. Мало того, он знал, сколько Айзек заработал

на робстаунском загородном клубе, но не завидовал ему, держался доброжелательно. Айзек от полноты чувств хотел бы высказать свою благодарность. Но с этими людьми, если тебе хочется что-то высказать, ты высказываешься бессловесно. Мудрость эту, как казалось Айзеку, он начал ценить. Врожденную, чуждую мудрость христиан, которые много чего могли бы сказать, но помалкивали. Кто же он был, этот Илкингтон-младший? Айзек снова посмотрел в распечатку, отыскал там абзац с биографическими данными. Занимается страхованием. Член различных государственных комиссий. Айзек, пожалуй, мог бы обсудить с таким человеком, как быть с Тиной. На небесах, там — да. На земле им никогда не суждено ничего обсудить. Придется обойтись ощущениями, не выраженными в словах. Некоммуникабельные несхожести, общение, полное доброжелательства, но бессловесное. Чем больше обуревали их мысли, тем меньше, похоже, люди знали, как поделиться ими.

— Будете писать отцу, передайте от меня привет.

Местных жителей, сказал профессор, не заставишь оплачивать никакие фабрики по переработке отходов. Строить их придется федеральному правительству. Айзек считал, что так и должно быть: ведь налоговое управление переправляет в Вашингтон миллиарды, полученные от налогоплательщиков, местным же властям оставляет сущие крохи. Вот они и спускают всякое дерьмо в водоемы. Айзек, когда строил дома вдоль берегов Мохока, всегда принимал это как данность. Строил убогие поселения да еще гордился ими... Больше не гордится.

Когда катер пришвартовался, Айзек вышел на пирс. Член комиссии штата по охотничьему хозяйству извлек на обозрение инспекторов из воды угря. Угорь рвался назад в реку, мощно извиваясь, обдирая кожу о доски, его плавники вздыбились. Трейф^[3]! Весь в черной слизи, пасть смертно разинута.

Ветер стих, от водной шири шла вонь. Домой Айзек ехал, включив в «кадиллаке» кондиционер. Жена сказала:

— Как все прошло?

Он не нашелся с ответом.

— Что ты будешь делать? Я о Тине. И снова он ничего не ответил.

Но зная Айзека, видя, как он взбудоражен, она предсказала, что он непременно поедет в Нью-Йорк — просить совета. Позже она рассказала об этом доктору Брауну, и он ей поверил. Умные жены все знают наперед. Счастлив тот муж, которому его предсказуемость не поставят в вину.

У Айзека был ребе в Уильямс-бурге^[4]. Для этого он был достаточно ортодоксален.

Он не полетел туда. Взял себе купе на «Твентиз Сенчури»^[5], отправлявшийся из Олбани еще затемно. Свету хватало лишь на то, чтобы сквозь серую пелену измороси разглядеть реку. Но не западный берег. Танкер, окутанный дымом и туманом, разрезал асфальтного цвета воду. А там высветились и горы.

Почтенный люкс-экспресс хотели снять с линии. Ковры там были замызганные, из туалетов неслась вонь. В вагоне-ресторане прислуживали неопрятные официанты.

Айзек заказал тосты и кофе, задерживал дыхание, чтобы не оскверниться запахом ветчины и бекона. Ел, не сняв шляпы. Его расовая принадлежность — в этом доктор Браун понимал — была четко определенной. Явно восточно-средиземноморско-европейская группа крови. Все черты, вплоть до отпечатков пальцев, соответствуют определенному набору признаков. Нос, глаза с удлинённым разрезом, навывкате, кожа смуглая, рассеченная около рта русским доктором еще в старопрежние времена. Когда они проносились мимо Рейнклифф-ского моста, Айзек выглянул из окна и увидел знакомую — не счесть, сколько раз он проезжал мимо, — величавую речную гладь, мощные стволы деревьев — залитый светом простор. Торчал в купе, в невольной праздности, один на один с засаленной обивкой и громыхающей дверью. Старый арсенал, Бан-нерманов остров, потешный замок, окруженный изжелта-зелеными ивами, искрящиеся воды, такие же зеленые, какими они запомнились в 1910-м ему, одному из сорока миллионов иностранцев, прибывших в Америку. Металлические перила, точь-в-точь такие же, как тогда, воронки водоворотов, гора с закругленной вершиной, каменная стена, крутым изгибом падающая вниз, к ширящейся реке.

С Центрального вокзала при портфеле, в котором лежало все, что нужно, Айзек поехал к ребе на метро. Посидел в приемной, по ней туда-сюда сновали бородатые приверженцы ребе в долгополых сюртуках. Айзек в деловом костюме выглядел ничуть не менее допотопно, чем все здесь. Не прикрытый ковром пол. Деревянные стулья, белые стены в шероховатой штукатурке. Окна вместе с тем грязные, словно жизнь за стенами не представляет интереса. Из здешних многим довелось побывать в немецких лагерях смерти. Ребе и сам, мальчишкой, прошел через них. После войны он жил в Голландии, в Бельгии, изучал естественные науки в Париже. В Монпелье. Биохимию. Но его призвали — привлекли — к выполнению духовного долга в Нью-Йорке; Айзек в точности не знал, как так получилось. А теперь ребе носил окладистую бороду. Он сидел в кабинете, за столиком, на нем лежали пачка зеленых промокашек, ручка и бумага. Разговор шел на жаргоне — на идише.

— Ребе, я Айзек Браун.

— Из Олбани. Как же, помню.

— Я старший, нас четверо, моя сестра, она младше всех — «мезинек», умирает.

— Надежды нет?

— От рака печени, в страшных мучениях.

— Тогда, конечно. Надежды нет. На белокожем полнощеким лице ребе мощно щетинилась прямая, густая борода. Крепкий, моложавый, грузное тело распирало наглухо застегнутый, залоснившийся черный костюм.

— Вскоре после войны подвернулся такой случай. Возможность купить ценный участок земли под строительство. Ребе, я предложил братьям и сестре вложить деньги. Но в день, когда...

Ребе слушал, руки прижал к реб-'рам, прямо над поясом, белое лицо уставил в угол потолка, но при этом — весь внимание.

— Понимаю. Вы пытались переубедить их тогда. И чувствовали, что они отступились от вас.

— Они предали меня, да, Ребе, это так.

— И вместе с тем благодаря этому вам повезло. Они отвернулись от вас, и вы разбогатели. Вам не пришлось с ними делиться.

Айзек не отрицал этого, но добавил:

— Не будь этой сделки, подвернулась бы другая.

— Вам было предопределено разбогатеть?

— Безусловно. К тому же тогда представлялось столько всяких возможностей.

— Ваше сестра, бедняжка, уж очень сурова. Она не права. У нее нет никаких оснований обижаться на вас.

— Рад это слышать, — сказал Айзек. Впрочем, что такое «рад» — всего лишь слово, а он страдал.

— Ваша сестра, она не бедствует?

— Нет, ей по наследству отошла недвижимость. Да и у мужа ее дела идут совсем неплохо. Хотя такая болезнь, вероятно, обходится недешево.

— Да, изнурительная болезнь. Живым надо жить, ничего другого не остается. Я говорю о евреях. Нас хотели истребить. Согласиться на это — значило бы отворотиться от Г-спода. Но вернемся к вашему вопросу: а что ваш брат Аарон? Ведь это он отсоветовал остальным идти на такой риск.

— Я знаю.

— И в его интересах, чтобы она сердилась на вас, а не на него.

— Это я понимаю.

— Вина на нем. Он согрешил против вас. Другой ваш брат, тот хороший человек.

— Мэтт. Да, я знаю. Он порядочный человек. В войну он едва не погиб. Был ранен в голову.

— Но он в своем уме?

— Да, думаю, да.

— Иногда требуется что-то такое. Вроде пули в голову. — Ребе замолчал и повернул круглое лицо к Айзеку, черная встопорщенная борода раскинулась по складкам залоснившегося сукна. Лишь когда Айзек стал излагать, как он ездил к Тине перед Великими праздниками, ребе стал проявлять нетерпение, подался головой к собеседнику, но глаза отвел в сторону.

— Да. Да. — Он не сомневается, Айзек поступил, как должно. — Да. Деньги у вас есть. Она озлоблена на вас. Без каких-либо оснований. Но она видит эти события так. Вы — мужчина. Она — всего лишь женщина. Вы богатый человек.

— Но, ребе, — сказал Айзек, — она вот-вот умрет, и я просил, чтобы она разрешила мне повидать ее.

-Да? Ну и?

— Она требует за это деньги.

— А-а! Вот как? Деньги?

— Двадцать тысяч долларов. Чтобы меня допустили к ней в палату.

Дюжий ребе замер, белые пальцы застыли на ручках деревянного кресла.

— Ей, я думаю, известно, что она умирает? — спросил он.

-Да.

— Да. Наши евреи любят перед смертью хохмить. Мне известно немало таких случаев. Что ж, Америка не во всем их переиначила, верно? Предполагается, что Г-сподь наделен чувством юмора. Когда человек хохмит, умирая в муках, это говорит о сильной и смелой, хотя и полной скепсиса душе. Что за женщина ваша сестра?

— Тучная. Крупная.

— Понятно. Толстая женщина. Колода с двумя глазами, как говаривали прежде. Следила за счастливицами. Как зверь из клетки, по всей вероятности. Отгороженная от всех. Плотской алчностью и отчаянием. При толстых детях взрослые порой ведут себя так, будто они одни. Вот отчего у этих душ-уродцев странные судьбы. Перед ними люди предстают такими, как ни перед кем другим. У них мрачный взгляд на человечество.

Айзек относился к ребе с почтением. С пиететом, думал доктор Браун. И, тем не менее, ребе, по всей вероятности, был для него недостаточно старозаветен, пусть он и

был при шляпе, при бороде и в габардине. Его манера говорить, держаться, грузность, осанистость, умение спокойно и здраво судить обо всем, присущее нравственно одаренным евреям, были из прежних времен. Казалось бы, чего еще надо. Но при всем том было в нем и что-то чуждое. Иначе говоря, современное. Там-сям в нем проглядывал студент-точник, биохимик с юга Франции, из Монпелье. По-английски он, вероятно, говорит с французским акцентом, тогда как брат Айзек говорит, как любой другой житель Олбани. А вот на идише у них одинаковый выговор -вынесенный из Белоруссии. Из-под Минска. Из Припятских болот, подумал доктор Браун. А потом мысль его вернулась к скопе на коричневатом-меловом платане у реки Мохок. Да. Пожалуй, что так. Среди этих новоявленных пташек, зябликов, дроздов затесался братец Айзек, и тогда как они всегонавшегося распускали хвосты, он расправлял крылья. Тип, куда более укорененный в истории. Огненный карий глаз, крутые желваки, перекатывающиеся под кожей. Даже шрам, и тот был дорог доктору Брауну. Этого человека он знал. Вернее, знал когда-то, и оттого и сокрушался. Потому что эти люди умерли. Напрасная любовь.

- Вам по средствам заплатить такую сумму? - спросил ребе.

А когда Айзек помедлил с ответом, сказал:

- Я не спрашиваю, сколько у вас денег. Меня это не касается. Могли бы вы дать ей двадцать тысяч, вот в чем вопрос?

Айзек — чего ему это стоило! — сказал:

— Если иначе нельзя.

— Это не сильно уменьшит ваше состояние?

-Нет.

— В таком случае, почему бы вам не заплатить?

— Вы считаете, я должен заплатить?

— Решить, отдать ли такие огромные деньги, можете только вы. Но тогда же вы отдали — пошли на риск, — доверили тому человеку, тому гою.

— Илкингтону? Так то же был деловой риск. Причем тут Тина? Значит, вы считаете, мне следует отдать эти деньги?

— Уступите. Я бы сказал: если судить о сестре по брату, у вас нет выхода.

И тогда Айзек поблагодарил ребе и за то, что тот уделил ему время, и за совет. Вышел на залитую солнцем, провонявшую нечистотами улицу. Многоквартирные дома в унылой штукатурке, кривые ряды просевших зданий в наслоениях грязи — можно подумать, их сложили не из кирпича, а из сношенных башмаков. Взгляд подрядчика. В воздухе витал сильный запах сахара и поджаренных зерен кофе, но в сырости под гигантским раздолбанном машинами мостом летний воздух долго не застаивался. Айзек поискал глазами вход в метро, вместо этого на глаза ему попала желтая машина с желтым огоньком на крыше. Он сказал было таксисту: «К Центральному вокзалу», но на первом же углу передумал и велел: «Везите меня в аэровокзал на Уэст-сайде». Скорого поезда на Олбани до вечера не было. Слоняться по 42-й улице он не мог. Во всяком

случае, не сегодня. Он, похоже, давно уже понял, что деньги придется отдать. И к ребе поехал, чтобы укрепиться в своем решении. Прежние законы и мудрость на его стороне. Все так, но Тина на смертном одре сделала сильный ход — против него не попрешь. Никто не поставит ему в вину, если он не уступит ей. Тем не менее, сам он будет ощущать, что оказался не на высоте. Будет ли он жить в мире с самим собой? Ведь сейчас такие суммы он добывал легче легкого. Покупая и продавая земельные участки в городе. Потребуй Тина 50 тысяч долларов, она тем самым дала бы ему понять, что он ее никогда не увидит. А 20 тысяч — верный выбор. И ребе ничем не мог тут помочь. Все зависело от него и ни от кого другого.

Приняв решение капитулировать, Айзек стал невероятно бесшабашным. Ему никогда не доводилось подниматься в воздух. А что если сейчас самое время полететь? Он прожил достаточно — и не только он. Во всяком случае, пока машина медленно прокладывала себе дорогу по 23-й улице сквозь толпы спешащих на обед одетых полетному горожан, создавалось впечатление, что людей и так слишком много.

В автобусе по дороге в аэропорт он открыл перешедшую ему от отца книгу псалмов. Черные ивритские буквы ощерились на него — рты разинуты, языки пламенные, но немолчающие, то свешены вниз, то задраны вверх. Он попытался — через силу — читать. Никакого толку. Туннель, болота, остовы машин, потроха станков, свалки, чайки — увиденный беглым взглядом Ньюарк, мреющий в знойном летнем воздухе, всецело приковывал его внимание. Можно подумать он не Айзек Браун, а фотограф. Потом, когда в самолете, яростно стремящемся оторваться от земли, преодолеть ее притяжение, и не только его; он увидел, как земля убегает назад, как самолет отделяется от взлетно-посадочной полосы, он сказал себе, и слова отчетливо прозвучали в нем: «Шма, Исроэл», Слушай, Израиль, Г-сподь Б-г наш, Б-г Один! Справа гигантский Нью-Йорк клонился к морю, и самолет, рывком убрав шасси, повернул к реке Гудзону, зеленому среди зелени, волнуемому приливом и ветром. Айзек перевел дух, но ремней не отстегнул. Плывая над дивными мостами, над облаками по воздушному океану, как никогда понимаешь, что ты отнюдь не ангел.

Перелет длился недолго. Из аэропорта Олбани Айзек позвонил в свой банк. Сказал Спинуоллу — тот вел его дела, что ему нужно получить 20 тысяч наличными.

— Нет проблем, — сказал Спинуолл.

— Деньги есть.

Айзек объяснил доктору Брауну:

— Сберегательные книжки, счет я храню в ячейке сейфа.

Скорее всего, на личных счетах по 10 тысяч долларов каждый, защищенных государственной страховкой вкладов. У него, небось, их целые пачки.

Айзек миновал циркульный вход в хранилище - гигантскую, с хитрым запором дверь, круглую, как надвигающийся на космонавтов лик луны. Такси ждало, пока он забирал деньги, и с набитым деньгами портфелем он поехал в больницу. Ну а потом больница — обреченная плоть и тоскливое разложение, запах лекарств, яркие пятна цветов, жеваная одежда. В большом грузовом лифте — в него вмещались кровати, аппараты искусственной вентиляции легких, лабораторные приборы — взгляд его приковала молчаливая красавица-негритянка, задремавшая у пульта, пока они медленно

поднимались из холла в бельэтаж, из бельэтажа на второй этаж. Они были одни в лифте, и так как лифт еле полз, он обнаружил, что оглядывает ее крепкие стройные ноги, грудь, золотую оправу и поблескивающие стекла очков, чувственную выпуклость горла прямо под подбородком, невольно любитесь ими, пока лифт медленно везет его к смертному одру сестры.

Когда двери открылись, у лифта стоял Мэтт.

— Айзек!

— Как она?

— Очень плоха.

— Как бы то ни было, я здесь, и деньги при мне.

Мэтт в замешательстве отводил от него глаза. Похоже, был испуган. Тина всегда имела огромную власть над Мэттом. Хоть он и был тремя-четырьмя годами старше ее. Айзек отчасти понимал, отчего Мэтту не по себе, и сказал:

— Да ладно, Мэтт, раз надо заплатить, я заплачу. Сколько она просит.

— Возможно, она уже и не поймет.

— Возьми деньги. Скажи ей, я здесь. Мэтт, я хочу видеть мою сестру.

Не в силах поднять глаза на Айзека, Мэтт взял портфель и прошел к Тине. Айзек отодвинулся от двери палаты, даже в щель не заглянул. Стоять на месте он не мог — расхаживал по коридору, сцепив руки за спиной. Вдоль рядов пустых каталок. В нем вызвали брезгливость эти приспособления для расслабленных. Он терпеть не мог таких вещей, терпеть не мог больничного запаха. Ему стукнуло шестьдесят. Он знал, каким путем ему в свой черед предстоит пойти, причем в скором времени. Впрочем, знать знал, а чувствовать не чувствовал. Смерть все еще была далеко. Что до передачи денег, — Мэтт ею тяготился: не посчитавшись с ним, его вовлекли в нехорошее, ни с чем несообразное дело — что и говорить, это была причуда: так беременных женщин тянет на персики, пиво или штукатурку. Что же до Айзека, едва он передал деньги, они перестали его интересовать. Есть о чем думать. Он был рад избавиться от них. Он сам себя не понимал. Стоило ему отдать деньги, и он прекратил терзаться. Совсем. Тина затеяла все это, чтобы покарать, изблечить его, что-то ему доказать, причислить к некой категории. Но результат получился прямо противоположный. К какой еще такой категории? Где она, эта категория? Если Тина думала, что заставит его страдать, она просчиталась. Если она, его несчастная, умирающая сестра, думала, что понимает его лучше, чем кто-либо, так нет, не понимала она его.

И доктор Браун, сопереживая с ними — какая же бездна изобретательности и отчаяния крылась за этой попыткой хотя бы напоследок добиться взаимопонимания, — встал и так и стоял, глядя на стрелы льда, на клочья пара в зимней синеве.

Потом Тинина сиделка открыла дверь и поманила Айзека. Он только что не вбежал в палату и застыл на пороге, лицо у него было такое, словно ему не хватало воздуха. От пояса и выше она исчахла, пожелтела. Живот разнесла опухоль, ноги, лодыжки отекали. Изуродованные ступни выпростались из-под одеяла. Подошвы цвета

глины. Череп, туго обтянутый кожей. Волосы сплошь седые. В вену на руке вставлена капельница, к банкам под кроватью тянулись из разных мест дренажные трубки. Мэтт положил портфель перед ней. Ремни не отстегнул. Бесплотная — кожа да кости, волосы свалялись, черные глаза — что они выражали, понять невозможно — смотрели на Айзека.

— Тина!

— Я хотела узнать...

— Всё здесь.

Но она оттолкнула портфель, сказала придушенно:

— Не надо. Забери.

Он подошел поцеловать ее. Она подняла свободную от капельницы руку, попыталась его обнять. Но была слишком слаба, слишком напичкана лекарствами. Он ощутил кости его толстухи-сестры. Смерть. Конец. Могила. Они плакали. И Мэтт у изножья кровати отвернул лицо, открытый рот его пополз на сторону, из глаз покатались слезы. Тинины слезы были изобильнее, медленнее.

Кольцо, снятое с тети Розы, привязали к Тининому исхудавшему пальцу хирургической ниткой. Она протянула руку сиделке. Сцена была продумана во всех деталях. Сиделка перерезала нитку. Тина сказала Айзеку:

— Не нужно денег. Я их не хочу. Возьми мамино кольцо.

И доктор Браун, пронзенный горем, пытался понять, что же это были за чувства. Был ли в них какой-то прок? Ради чего они были? А теперь они никому не нужны. Возможно, предпочтительнее холодный взгляд. На жизнь, на смерть^[6]. Опять же холодность взгляда была бы пропорциональна внутреннему градусу тепла. Однако с тех

пор как человечество поняло, что оно такое, что оно человечно и человечно лишь благодаря своим страстям, оно начало использовать их, играть на них, разжигать их ради того, чтобы разжечь пожар, завести смуту — эдакий грубый балаган чувств. И так, Брауны оплакивали смерть Тины. Айзек сжимал в руке материнское кольцо. У доктора Брауна тоже навернулись слезы на глазах. Ох уж мне эти евреи! Их чувства, их сердца! Доктору Брауну порой больше всего хотелось положить всему этому конец. Ибо к чему это вело? Ты отдавал их одного за другим, они умирали. Уходили один за другим. Ты уходил. Детство, семья, дружба, любовь — всеглохло в могиле. А эти слезы! Когда они шли от сердца, ты чувствовал, что нашел чему-то оправдание, что-то понял. Но что ты понял? Опять же, ничего! Всего лишь проблеск понимания — вот что это такое было. Обещание, что люди могли бы — могли бы, учти, — в конце концов, благодаря своему дару, который мог бы — опять же, мог бы! — оборотиться б-жественным даром, осознать, ради чего они живут. Ради чего жизнь, ради чего смерть.

И опять же, ради чего именно эти характеры — эти Айзеки, эти Тины? Когда доктор Браун закрыл глаза, он увидел, красным по черному, нечто вроде молекулярных процессов — единственную подлинную геральдику смертных. Так же, как и позже, когда короткий день кончился и в непроглядной, где не видно ни зги, тьме он подошел к темному кухонному окну поглядеть на звезды. На эти штуковины, отброшенные далеко-далеко великим, давшим всему начало толчком миллиарды и миллиарды лет назад.

^[1] *Άέγυιόαάντε αεόδι αέ ιι άιι ίάτάνοάι εçάαοήγ η1896 άάά*

^[2] *Οάάάαεύι ίά άάίι ηόάι ά ηηόάάι εί εηόάάοάά άί οόάάί έ ο άάε, çάι ει άρύάάη άι άίηάι ε ίόόάι ύ αεάάοί ίά ί έδά, ί δέόάι ύ ο çάι ίάάά έείά ε άάηάεί ίά άε.*

^[3] *Όόάοί ίά (εάεο) - ο έόάάά ίάάί çάίεάί ί άγ άάεάεί çί ύι ε άηόάί ίάέάί έγί ε ίεύά*

^[4] *Δάείί Άόέέέείά, άάά αεάάο όέηόάάί όό ίάίεήάεύι ύά όάηέάι.*

^[5] *Όέόι άί ί ύέ ηέη άάη άίηόάά έεάηά*

^[6] *Άεερχεγ ίά ηόέόε Ο.Ά.Έέόηά «Ί ίά Άάί άάεύάά ί ί »:*

«Άόηη όίεήάι ύέ άçάγά

Ί ά αεçί ύ ίά η άόόι

Έ άçεάε ηάά έήί έέ, ί εί ί».

Υόε ηόόήεε Έέόη çάάι άε άίηά: ύ ί ά ηάίά ί άάάόί άίά

ЛЕВАЯ РУКА И ПРАВАЯ РУКА

Ááí öëíí Òíí áð

Èàé ííéääóú òú á ãðé

éàé ííéääóú òú á ãðé

À äëëííé - ý.

Ðáññááò áóú òú ðíçé,

ðáññááò áóú òú ðíçé,

À í àëëííé - ý.

С той самой минуты, как я открыл глаза, эта песня рвалась из меня наружу, а когда вырвалась, немудрено, что всем показалось, будто я сошел с ума. И я стиснул зубы, но она продолжала звучать во мне с прежней силой, и в ту минуту больше всего в жизни мне бы хотелось снова оказаться там, где я впервые услышал ее – в деревне, где мы проводили свои летние каникулы и в которой теперь надеялись спрятаться от огненного смерча, который несли с собою демоны смерти. Они прилетали каждый день, и бомбы их, пробивая кровли домов, превращали все, что в них было, в прах и пепел. Долгая ночь опустилась тогда над всем миром и над деревней, где научила меня этой песне дочь крестьянина: она напевала ее, положив локти на изгородь – подбородок утонул в ладонях, а светящиеся кошачьи глаза вглядываются в темнеющий лес...

Все уже готовы были тронуться в путь, когда появился реб Гершон и сказал, что враги уже совсем близко и что нет в мире силы, которая могла бы остановить воинство берлинского Саммаила – разве что во всем мире и одновременно встанут все евреи и вознесут свои молитвы. Бабушка кивала головой, а потом добавила, что, может быть, хватило бы даже для этой цели не всех, а некоторых и немногих, но тогда должно будет прозвучать заветное заклятие, в ответ на что реб Гершон хотел что-то сказать, но поперхнулся, и лицо у него налилось кровью.

А я схватил свою удочку, удочку, которую сделал собственными руками, и, не владея собой, стал ломать ее на кусочки, в ярости, назло всем, назло всему миру, реке, что текла за деревней, и рыбам, что в реке, а ведь сколько я искал подходящий для нее камыш пока нашел то, что надо. И вот теперь я ломал ее, как если бы именно она была моим злейшим врагом. Но разве удочка в чем-то виновата? Однако ярость моя обрушилась на нее. Так со мной нередко бывало, что я срывал свой гнев на ни в чем не повинных, поскольку виноватые были не в моей власти, – и тогда я барабанил кулаками по двери или по стене, как если бы именно дверь или стена были моими врагами.

Мрачны были стены барака, и такими же были лица людей, сидевших на полу. Я продолжаю отламывать от удочки кусок за куском. Бабушка, которая сидит рядом, заламывает пальцы, и они трещат так же, как обломки удилица. В душном воздухе висит ожидание беды и чего-то такого, чего еще не было на свете. И молчание тоже висит в

воздухе, и только реб Гершон, сидя возле бабушки с другой стороны, продолжал что-то бубнить ей на ухо на языке, которого я не понимал. Я уловил слова «Саммаил», «Гог и Магог», потом он произнес что-то о «кровавой луне», он бормотал и бормотал о конце света, и я, не выдержав, вскочил на ноги.

– Ты куда?

– Мама, я выйду...

– Нет, ты не выйдешь, – твердо сказала мама, а папа, как вечное эхо, поспешил добавить: «Никуда». Но я уже выбежал из барака и понесся по дорожке к калитке, ведущей на улицу.

Бросил взгляд направо и увидел раввина, которого сопровождал служка, посмотрел налево, а там двое «серых». Совсем молодые, идут, улыбаются. Надо уйти, понимаю я, надо исчезнуть... и не двигаюсь с места. И обе пары встречаются рядом со мной, неподалеку, так что мне все видно и слышно.

Один из «серых», улыбающийся блондин, останавливает раввина со служкой. Кто они, куда направляются... раввин отвечает на идише, придавая ему немецкий оттенок, что он – здешний раввин, а это – его служка, и идут они, чтобы исполнить свой долг, «мицву», а именно мицву посещения больных, в данном случае – раненых. «Серые» слушают раввина, они продолжают улыбаться. «Исчезни, беги, – кричит мне мой внутренний голос, – это не кончится добром». Но снова не трогаюсь с места. Мой немецкий не богат, но он лучше, чем у раввина, я научился ему у моей сестры Эстер, может я должен вмешаться и перевести немцам то, что говорил раввин, тем более, что по выражению их лиц ясно, что они почти ничего не поняли. Но я не успеваю принять никакого решения, потому что блондин, продолжая улыбаться, достает свой кинжал, сует его в руки служке и говорит, что именно служка должен сделать: он должен подрезать раввину бороду, но не как попало, а ровно половину и только с одной стороны.

И показывает с какой.

– Нет, – говорит служка. – Нет. Только не это.

Тогда немец поднимает винтовку и упирает ствол ему в живот.

– Делай то, что они от тебя хотят, – говорит раввин.

– Я не могу, ребенку...

– Я приказываю тебе.

И тогда служка начинает. На лице его смешиваются жалость со страхом, слезы бегут и капают с кончика носа, а немец снимает все это фотоаппаратом так, чтобы в кадр попали и евреи и его приятель; затем они меняются местами, и снимки делает второй немец. И все это время они продолжают улыбаться.

С детства я никак не мог решить, с кем я заодно – с моей б-гобоязненной бабушкой или с атеистом Шмилом – он был коммунистом, вернулся с гражданской войны в Испании с одной ногой и возносил свои молитвы в направлении Москвы. С появлением в моей жизни Хайни, который со всей его семьей был выслан в Польшу из Германии, мое

сердце стало все более склоняться в сторону Шмиля, утверждавшего, что не Б-г создал людей, а как раз наоборот, но все-таки, видимо, что-то в моей крови осталось и от бабушки; достаточно, во всяком случае, чтобы в этот момент не сомневаться: это должно случиться – сейчас, немедленно и здесь. Не могло быть иного, не мог Г-сподь допустить того, что происходило у меня на глазах, особенно после того, как работа служки не понравилась улыбчивому блондину: он ударил служку в пах, вырвал из его рук кинжал и стал сам кромсать бороду раввина, отрезая волосы вместе с кожей и кровью...

Да, это обязано было случиться, все во мне вопило об этом, земля должна была разверзнуться под ногами у немцев и поглотить их – разве что еще раньше Г-сподь испепелит их с небес молнией. Я так был в этом уверен, что даже решил отступить немного вглубь двора, чтобы не оказаться слишком близко к яме, что поглотит немцев, или к тому месту, куда ударит молния, и я уже сделал шаг назад, когда в глаза мне бросились выравненные готическим шрифтом слова на бляхе: «Gott mit uns» – «С нами Б-г»...

И тогда, ворвавшись в барак, я бросил в лицо моей бабушке то, что теперь мне стало окончательно ясно – Б-га нет, а если он и есть, то он – немец.

Вот тогда-то я и увидел, как земля, которая не разверзлась там, разверзлась здесь, и как молния, там никого не поразившая, поразила ее. Она долго не могла вымолвить ни слова, а когда смогла, то с болью и страданием произнесла лишь: «Как ты посмел...»

И тогда я рассказал обо всем, что видел. А в конце повторил то, что говорил раньше: если Б-г и есть, то он – немец. И он сильнее того Б-га, в которого верит она.

Мой рассказ об издевательствах, которым подвергся раввин, потряс всех – кроме Шмиля. И раньше других – несмотря на то что все мое негодование относилось в первую очередь к ней, оправилась бабушка и приняла мой вызов.

– Ты забыл о чудесах, которые явил нам Г-сподь, когда вызволял свой народ из рабства египетского и после этого...

– А что ты скажешь о дедушке моего друга Хайни, которого немцы сожгли вместе с его синагогой? Он тоже был раввин.

– Мой мальчик, сядь, и я расскажу тебе, почему наш Г-сподь – да благословенно будет его имя – сотворил нас с двумя руками, левой и правой, а не с одной, к примеру. Он дал нам правую руку для разного рода дел, а также для того, чтобы мы могли защищать себя. А левую – чтобы она останавливала правую, если та начнет разрушать и бесчинствовать, ибо должна она подниматься для того лишь, чтобы защищать нашу жизнь в минуту опасности. Но в том-то и горе, что нечестивые и язычники позабыли об этом, о том, для чего Б-г дал им одну руку и другую, и вот теперь у них и у их бога по две правых руки.

– Это лучше, чем то, что евреям и их Б-гу остались две левых руки, – выкрикиваю я в ожесточении своего гнева и вижу, как с лица реб Гершона исчезает то удовлетворенное выражение, которое – это было заметно – появилось на нем после бабушкиных слов.

А та на мой крик никак не отозвалась. А просто продолжила.

– Предположим, – сказала она, – давай только предположим, что хорошо смеется тот, кто смеется последним. Давай предположим даже и то, что этот их бог (да будет стерто его имя и всех их из памяти людской), допустим, повторяю я, что на этот момент их бог... нет, я не думаю так, это была бы скверна перед людьми и Б-гом и страшный грех, но я снова и снова говорю тебе – предположим, что их бог сильнее. Готов ли ты тогда стать на сторону этого их бога и всей его ужасной силы?

Это была ловушка, и деться мне было из нее некуда.

– Нет, – сказал я. – Это ведь действительно мерзость – то, что они делают. Но и жить, имея две левых руки, я тоже не хочу.

– Тогда потерпи. Я ведь сказала тебе, смеется тот, кто смеется последним. Они будут наказаны, и наказание это не замедлит.

– Кого это утешает, если еще раньше всем евреям настанет конец.

– Bravo! – послышался голос Шмиля, и раздались его слабые аплодисменты. – Bravo! Надо дело делать, а не болтать языком. Против железного кулака нужен кулак стальной. И если этого не сделать, всем евреям действительно будет крышка.

И я в эту минуту целиком согласен со Шмилем. Я вспомнил свою сестру Эстер и то, что она сказала, когда приехала из Варшавы, чтобы папа помог ей добраться до Земли Израиля. Она сказала тогда, что если не уедет сейчас, то не сделает уже этого никогда. На это папа ответил ей: «Весь мир похож сейчас на очень узкий мост. И главное здесь – не бояться». А Эстер сказала: «Это все годится для того, кто верит в Б-га. Но я – не верю».

Бабушка была при этом разговоре; как всегда, она сидела, не вмешиваясь, и только одними губами бормотала что-то про себя, но тут она вдруг встала на сторону папы и спросила мою сестру Эстер: «Тогда почему же ты считаешь себя еврейкой?» И Эстер, моя сестра, ответила ей: «Потому что я боюсь. Мне страшно. А раз мне страшно, значит, я – еврейка».

И тогда я записал в свой дневник слова, которые готов повторить и сегодня:

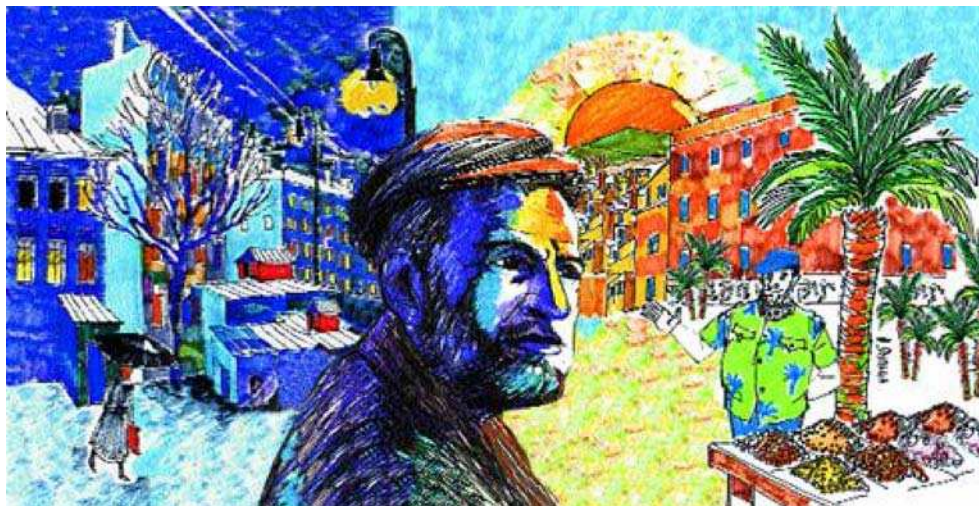
«Я боюсь – значит, я еврей. Но если для того, чтобы быть евреем, надо всегда бояться – тогда я отказываюсь им быть...»

Ī ādāāā Āāēāī ō ēī ā Ōāēēī ā

Ā īōīōī ēāī ēē ēmī īēūīāāī ū ōdāā āī ō ū dēnī ēī ā Nāōēā Dāāēēī ā

ГУРЕВИЧ

Áààä Ì àðéèø

– Если все мертвецы вдруг встанут из могил, вот это уже будет полный атас, – сказал водила. Потом он опустил боковое стекло и аккуратно, чтоб не попасть в соседнюю «ауди», ползущую впритык, сплюнул.

Мело. Невский проспект, забитый машинами и людьми, еле тек между озябшими, заскорузлыми домами. Мело и темнело.

Гуревич сел в этот «жигуленок» в Пулково, полчаса назад, и за все это время водила не проронил ни слова. Гуревича тянуло поболтать со свежим человеком, с землячком, рассказать ему о перелете из тель-авивской жары в Санкт-Петербург, в эту холодрыгу, о том, что он не был здесь целых шестнадцать лет – с того самого дня, как уехал в библейские края, на историческую родину. Но угрюмое молчание водилы не располагало к душевному разговору, и Гуревич тоже решил молчать. Так и ехали. Глядя в окно, Гуревич нетерпеливо ждал, когда, после задуманного еще в Тель-Авиве объездного крюка, приедут в гостиницу. Замечание водилы насчет поголовного поднимания мертвецов прозвучало совершенно неожиданно.

Вначале Гуревич подумал, что ослышался: глядя на водилу, трудно было предположить, что он слышал когда-нибудь о Федорове. Сам, что ли, допетрил? Ну, это ж надо быть либо сумасшедшим, либо дважды сумасшедшим. Водила, меж тем, не был похож на безумца. Да и картина, намеченная им одним штрихом – мир, переполненный людьми, набитый вчерашними мертвецами Невский, где и так негде плюнуть – вот это все и было бы «полный атас», совершенно верно.

– Тебя как зовут? – спросил Гуревич. Если б не эта странная фраза о всеобщем воскресении, он не стал бы интересоваться именем случайного водителя: ему было все равно.

– Клим, – горько усмехнулся водила. – Родители были коммуняки те еще, назвали в честь Ворошилова, конского этого. – И добавил уже совсем удрученно: – С шашкой.

Снова замолчали. Снег пошел отвесней и гуще, жидкое освещение с трудом пробивалось сквозь зыбкую пелену. Ранний вечер обволокло землю и все на ней театральной темнотой, покачивающейся на золотых гвоздях фонарных ламп. Что-то должно было случиться – неожиданное, негаданное – и изменить ход событий. Но ничего не происходило за окном машины. Очертания города, в котором Гуревич появился на свет без малого сорок лет назад, были повиты лентами снега, а белый мир копошился и кишел черными людьми.

Крюк, который задумал сделать Гуревич по пути с аэродрома в гостиницу, вел вдоль по набережной Фонтанки, мимо собора, в тесную мешанину старинных домов, в одном из которых на верхнем третьем этаже, на измызганной лестничной площадке коричневела обитая задубевшим дерматином дверь с тремя разномастными звонками, ведущая в квартиру №8: три комнаты, кухня, коридор. Во второй комнате справа по коридору Гуревич когда-то жил, глядя в окно, выходящее во двор.

– Тут сверни, у светофора, – указал Гуревич Климу.

А в первой комнате жила девочка, в которую Гуревич был влюблен. Она жила с одинокой матерью, пьющей женщиной, в углу комнаты стояли высокие напольные часы с боем, немецкие, и строгая красивая музыка играла не в назначенный срок, а когда вздумается: в узком животе часов вдруг раздавалось урчание, и музыка начинала играть. С девочкой грустно все вышло и глупо: она вышла замуж за молодого артиллерийского офицера и уехала с ним к чертовой матери, на Дальний Восток.

Трофейные часы, плюшевые зеленые шторы.

– До угла и налево. А там прямо пока.

Да мало ли что там было, – пристально вспоминал Гуревич. Дома, в белой комнате с каменным плитчатым полом, с морем за окном и торговцем калеными фисташками у входа все, казалось, было вспомнено до последних мелочей: цинковое корыто на стене вечно темного коридора, и как звали кошку вторых соседей, приехавших из Казани и готовивших на свои татарские праздники национальный медовый торт под названием «чак-чак». Все это поднялось из темных недр души на поверхность, и перед отлетом ни о чем другом уже и не думалось. И все отчетливей представлялась картина: такси въезжает на Малую Луковниковскую, притормаживает у дома №17, у подъезда – но не останавливается, а едет дальше, – и никто, никто не видит, как Гуревич в великом и счастливом волнении души утирает глаза пальцами.

Булочная на углу, палисадник с голыми костлявыми деревьями. Дошатая лавочка с отбитой спинкой.

– Останови! – строго сказал

Гуревич.

Клим тормознул, машина пошла юзом.

Наклонившись к окну, цепко глядя на темный подъезд, Гуревич с пугающей ясностью не испытывал того, к чему был, казалось ему, всецело готов: легкие праздничные бабочки не порхали в его душе, и не пели золотые трубы. Он вообще не испытывал почти ничего, кроме тупой усталости, вдруг нахлынувшей. Серый дом, черный

стылый подъезд с неприкаянно приоткрытой дверью, с болтающейся на жилах проводов домофонной панелью. И, все же, родное гнездо... Это «все же», неизвестно откуда возникшее, крест накрест перечеркивало воображенную с любовью картину.

– Я здесь родился, – не отлепляя лба от окна, сказал Гуревич. – Вот это мой подъезд... Зайти, как думаешь?

– Не надо, – прикинув, сказал Клим.

И Гуревич вошел.

Пахло мочой.

Этот запах, неизбежно знакомый каждому, встречающийся часто, но, тем не менее, никогда не приедающийся до такой степени, чтобы не обратить на себя совершенно никакого внимания и не заставить насторожиться, – этот запах, смешанный с ароматом пряностей и теплым духом парного мяса, заливал искривленные улочки иерусалимского Старого города, ведущие к Стене плача.

Он исчезал, словно обрубленный ножом, когда перед глазами идущего открывалась Стена, сложенная из камней цвета старой кости. И пришедший освобожденно вдыхал запах неба, лежащего на гребне Стены.

Белая площадь перед Стеной была велика и торжественно пустынна. Гуревич терялся на ней и был почти незаметен. Во всяком случае, не появился он здесь – мало что изменилось бы; так казалось со стороны.

Одна минута, двести шагов по площади к основанию Стены были дорогой всей жизни – от первого вдоха до последнего короткого выдоха. Время сморщивалось, сжималось в горошину, все вдруг смещалось и изменялось. Годы утрачивали тяжелый кирпичный вес, вольно размещались вокруг, как люди или кусты – вперемежку. Крестonosцы в железных шапках смело могли появиться здесь, и римские солдаты в кожаных поножьях, с факелами в мускулистых лапах. И листья пламени уже пробиваются сквозь стыки камней и оплетают Стену. Разноголосый смутный гул, белое на белом. Все рядом, на расстоянии вытянутой руки.

А в темном подъезде на Луковниковской время было раскатано в стальной лист, взгляд не достигал его края и потерянно скользил по скучной гладкой поверхности. Гуревич остановился посреди помещения. Вот по этой лестнице с оббитыми каменными ступенями, с выщербленными деревянными перилами он спускался шестнадцать лет тому назад – тяжелый чемодан в руке, за спиной рюкзак. Главное, не выронить визу, билет на самолет... Гуревич всматривался. Ничто не обозначалось в сером пространстве. Тогда, постояв, он пригнул голову, как перед низкой притолокой, и шагнул к лестнице.

Возвращаясь из своего инженерного бюро домой, в белую комнату, за окном которой загорало на солнце Средиземное море, Гуревич привычно останавливался около уличного торговца фисташками с его снастью для ловли прохожих людей: разделенная на пеналы жаровня, а в пеналах каленые подсоленные семечки, маслянистые орешки кешью, лущеный миндаль, круглый глупый фундук. Завидев Гуревича, торговец – пожилой йеменский еврей в ковбойке и спортивной кепке с надписью «Летучий голландец» – насыпал ему в пакетик зеленовато-коричневые фисташки, выглядывающие на Б-жий свет из своей двоянной ракушки. «Спасибо!» «На здоровье, мой господин!» Так повторялось

изо дня в день – кроме субботы, когда Летучий голландец, надев на ковбойку черный пиджак, отправлялся в сефардскую синагогу и приставал к Б-гу с разными смешными мелочами, из которых состоит наша жизнь.

Не спеша подымаясь по лестнице, Гуревич вслепую выуживал из пакетика одну за другой теплые фисташки, разъединял податливо приоткрытые половинки скорлупы и, увлеченно жуя, убирал сор в карман – сорить не хотел.

А семечки он никогда не покупал – они почему-то напоминали ему о России, он не желал, грызя подсолнухи и сплевывая лузгу с губы, берeditь прошлое таким непочтительным способом.

Подойдя к двери, Гуревич был уверен, что не ошибся этажом.

Но не было ни пожухшего дерматина, ни разноцветных звонков. Дубовая лакированная дверь с резными филенками выдержала бы, казалось, размашистый удар торцом большого бревна. Дверь понравилась Гуревичу, хотя и вызвала в нем скрытую ревность. Протянув руку, он деликатно постучал по ней костяшкой согнутого пальца.

– Кто там? – расслышал Гуревич приятный женский голос.

– Гуревич, – сказал Гуревич.

– А вы от кого?

– От Клима, – дивясь, сообщил Гуревич первое попавшееся.

Дверь отворилась, с порога, пропуская гостя, шагнула в сторону милая женщина лет тридцати пяти в расшитой бисером меховой кацавейке: топили в доме не ахти как.

– Мы тут проверяем, – объяснила Кацавейка. – Вы уж извините.

– Да нет, ничего, – сказал Гуревич, озираясь с сомнением.

– Евроремонт только сделали, – с гордостью сказала Кацавейка. – Красиво, да? Всем нравится.

Ни корыта не было в коридоре, ни велосипеда с одним колесом. С обоев на стенах глядели красногубые итальянские пастушки и сухопарые молодцы с усами. На потолке, в золотых переплетах, сверкали зеркала.

– Да вы проходите вот сюда! – пригласила Кацавейка.

В комнате, где проживал когда-то Гуревич, потолок был украшен такими же зеркалами, только собранными в круг. Широкая низкая кровать помещалась в углу, на журнальном столике стояла бутылка молдавского коньяка и хрустальная ваза с яблоками.

– А бокальчики-то! – спохватилась Кацавейка. – Сейчас, одну минуточку...

Она поспешно вышла, и в комнате немедленно появилась девчонка в медицинском почему-то халатике, с двумя бокалами в руке.

– Это Люся! – донесся из коридора приятный голос Кацавейки. – Люсенька! Знакомьтесь и почувствуйте себя как дома!

– Ну, ладно, – пробормотал Гуревич. – Считайте, что договорились.

Не снимая пальто, он сел на краешек кровати. Здесь, как будто, стоял раньше письменный стол.

– Я, вообще-то, прыгаю с шестом, – поставив бокалы на столик, сообщила Люся. – А вы приезжий?

– Почему вы так думаете? – спросил Гуревич.

– Сразу видно, – сказала Люся. – А что, не так?

– Ну так, – сдался Гуревич. – Давайте выпьем по рюмке, это нас ни к чему не обяжет. Я тут жил когда-то, в этой самой комнате.

– Как интересно! – сказала Люся. – Яблоко вам почистить?

Наливая, Гуревич отрицательно помотал головой. Клим, теперь вот прыгунья с шестом. Действительно, интересно. Более чем.

– Ваше здоровье.

– Вы пальто не будете снимать? – спросила Люся. – А то давайте, я повешу. Вы не беспокойтесь, у нас тут ничего не пропадает.

– Нет-нет, – поспешно сказал Гуревич. – Я пойду сейчас.

– Я вам не нравлюсь? – огорчилась Люся. – А то у нас тут другая девушка есть.

– Нравится, – сказал Гуревич, снова наливая. – Не надо мне никакой другой девушки. Я, может, еще приду. Потом. За знакомство!

Он вынул кошелек, достал деньги.

– Это вам, а это за коньяк... Бывает же, а?

– Бывает, – согласилась Люся. И халатик запахнула.

– Поехали!

Клим, дремавший над рулем, включил мотор и тронулся с места. Не ожидая расспросов, Гуревич нахохлился на своем месте рядом с водилой.

А она симпатичная, эта Люся. В конце концов, она не обязана была знать, что он, Гуревич, жил когда-то в этой самой комнате. Ну, жил. Она-то тут при чем?

С шестом она прыгает... Что за чушь, честное слово! Но, может, и прыгает – ноги-то вон какие, просто блеск. И ноги, и все остальное. А что туповатая, так это даже лучше: ум красивой девчонке ни к чему, он голову тянет.

– Клим, а Клим! – позвал Гуревич. – Лучше русской девушки что может быть?

– Китайка! – с уверенностью сказал Клим.

Гуревич улыбнулся и пожал плечами в темноте.

– У тебя была, что ль, китайка? – спросил Гуревич.

– Врать не буду, – горько сказал Клим. – Не было... – И замолчал.

У Тали тоже все в полном порядке, все при ней – а как бы и ни к месту. Нет в ней вот этой беззаботности, бесшабашности на краю обрыва. Нет, сколько ни ищи! Правда, и обрыва нет никакого в помине: дорога прочерчена, размечен путь. Сегодня помощница адвоката по трудовым конфликтам, а послезавтра самостоятельная практика, собственное дело. Хорошие доходы, директорская пенсия. И вся эта мура собачья в двадцать шесть лет отроду... Да, вряд ли Тали стала бы кому-нибудь рассказывать, что она прыгает с шестом. От этой дикой мысли Гуревич даже зубы стиснул, чтобы не рассмеяться.

И дело ведь тут не только в Тали, думал Гуревич. Сегодня Тали, а завтра может быть какая-нибудь другая Тали – зубная врачиха, например, или даже армейская лейтенантша с автоматом. А в том дело, легко маялся и думал Гуревич, что вот в этой Люсе, в Люське с ее шестом дышит живая душа, которой совершенно неинтересны ни дурацкие трудовые конфликты, ни чужие зубы. С этой Люськой можно говорить легко, как ручей журчит – не выбирая слов, не думая над тем, как может быть понято сказанное: плохо или хорошо. Так ведь и должен говорить человек, и слушать так должен.

А про Ципи лучше вообще не вспоминать: почти четыре года выброшены псу под хвост. Хотя она, Ципи, ни в чем не виновата – просто такой характер, такая, что ли, повадка. Идея открыть буфет и торговать сибирскими пельменями по той лишь причине, что это занятие принесет на три копейки больше, чем инженерская служба Гуревича, – в организованном обществе эта идея вполне здрава и уж, во всяком случае, имеет право на существование. Кому же торговать в Израиле сибирскими пельменями, как не русскому еврею? Но именно эти пельмени послужили последней каплей, переполнившей чашу смирения Гуревича: его намерение всецело вписаться в новую жизнь дало извилистую трещину, заботливая Ципи была отставлена, так и не поняв, что же послужило причиной разрыва.

Интересно, изменился ли телефон в квартире №8? Если изменился, надо туда ехать. Завтра же, с утра. А там поглядим.

Гостиница на Невском была освещена, крепыш в зеленой ливрее с галунами отлепился от входа и, подойдя, распахнул дверцу машины.

– Забронировано! – подойдя к беломраморной стойке регистрации, сказал Гуревич портье со скрещенными золотыми ключами на лацкане форменного пиджака.

Номер оказался просторным и уютным, окно выходило на Невский. Машин на проспекте поубавилось, а снег по-прежнему продолжал размеренно валить. Гуревич решил было принять душ, но передумал и, надев свитер под куртку, вышел на улицу.

На углу светилась витрина магазина сувениров. Голубела гжель, пестрели ряды матрешек. Если куплю матрешку, подумал Гуревич, значит, я иностранец. Но покупать матрешку было как-то неловко.

В магазине толпилось вдоль прилавков десятка два покупателей. За одним из прилавков, совершенно пустынным, продавщица средних лет с тихим, усталым лицом повторяла нараспев, без пауз:

– Кто забыл купить змею? Подходим, покупаем! Кто забыл купить змею? Подходим, покупаем! Кто...

Но никто не подходил.

Ёрëï 2001

ИЗ НАШЕЙ НОЯБРЬСКОЙ ПОЧТЫ

Уважаемая редакция!

Больше года получаю ваш журнал. Что он значит для меня – трудно передать. Так случилось, что я не знаю ни языка родного, ни обычаев. И, оказывается, не только это. С каждым номером журнала я делаю все новые открытия. Сколько знаменитых людей есть у евреев! Например, Келдыш, а я считала, что он прибалт, Чухрай – а он, оказывается, не украинец, Илизаров – не русский, а уж о Гнесиных я и подумать не могла: чтобы евреи в Союзе могли быть удостоены такой чести!.. Благодаря «Лехаиму» я узнала о жизни многих больших художников и скульпторов и о том, что теперь происходит в России с еврейством.

А написать письмо меня заставил рассказ Г. Кановича «Звон уздечки на закате». Я вспомнила своё. До войны я жила с родителями в селе Ново-Архангельское Кировоградской области. Когда немцы к нам уже подходили, из села отправляли несколько машин на фронт, через Днепропетровск, где жили мамы сестра и брат. Папа очень хотел отправить туда меня с мамой, но этими машинами отправляли свои семьи коммунисты, а папа был беспартийным. Наша хозяйка, у которой мы снимали дом, не советовала уезжать, обещала спрятать. Но папе удалось упросить директора маслозавода – а папа там работал главным бухгалтером, – и нас с мамой взяли. Ехали параллельно с немцами: мы – лесными дорогами, они – улицами. А когда над нами пролетали немецкие самолеты, всегда находился среди них один «радатель», который немного отклонялся от курса, чтобы сбросить на нас бомбу. Однажды все-таки бомба попала в одну из машин, но мы всякий раз, заслышав шум, прятались в лесу, так что пострадала только машина.

Из Днепропетровска мы с тетей и дядей и заводом, на котором они работали, эвакуировались в Первоуральск Свердловской области, где и прожили всю войну. После войны возвратились в Днепропетровск и написали в село. Наша хозяйка ответила, что всех убили, и мы остались в Днепропетровске.

После окончания института я получила направление в Уфу, здесь и живу до сих пор. Читая Кановича, подумала: а может быть, хоть кому-нибудь из детей удалось спастись в Ново-Архангельском, где я закончила шесть классов? Что, если кто-нибудь из них тоже читает этот журнал? Пусть откликнется.

Большое спасибо всем, кто делает этот замечательный журнал, и тем, кто его финансирует.

Ń ōāāēāī ēāī

è íāèéó:ōèì è íīāēāāī ēýì è,

Āāāī ēý Ēīýāēāī űēāý, Őōā

Уважаемая редакция!

Я еврейка со дня моего рождения и останусь ею до последнего биения моего больного сердца. Для меня, как и для многих евреев, «Лехаим» является настольным журналом. Прочитываю его от титульного листа до последней страницы. Не раз хотела вам написать, а прочитав интервью депутата Государственной Думы Александра Федулова «Дума бороться с антисемитизмом не намерена», сразу села за письмо. Мне ли, еврейке, не знать, что антисемитизм – неизлечимая инфекция!

Глубокоуважаемый Александр Михайлович, ваше интервью я прочитала дважды. Вы считаете, если 219 депутатов согласятся обратиться к президенту г-ну Путину, то уже можно искоренить в России антисемитизм?! Нет, дорогой, и еще раз нет. Всего лишь не более двух лет назад в Думе Российской Федерации выступал депутат генерал Макашов и открытым текстом говорил: «Пора кончать с жидами!» Все дело не в поддержке фракций. Основная боль еврейства в том, что ни в одной стране мира не укоренился так антисемитизм, как в России.

Дорогой Александр Михайлович, я не политик и не историк, а простая смертная, родившаяся в 1918 году в семье рабочего еврея, коммуниста с 1924 года, участника Отечественной войны. Не надо особой «продвинутой», чтобы четко понимать: дело не в том, согласится В.В. Путин или не согласится подключиться к реализации вашего проекта. Могу вас огорчить: никогда документально он не поддержит вас, ибо он – человек что называется коренной национальности, взращен и воспитан в стране, где русская нация господствовала 70 лет. Кроме того, поддержать вас, значит заявить миру: «Я президент страны, где процветает антисемитизм». Признать такое очень непросто. И не забывайте: Путин принадлежит к числу чекистов России, хотя сам он, сознанием и убеждениями, конечно, не антисемит.

Еще нарком иностранных дел Литвинов мыслил, что если в СССР произойдет ассимиляция, то будет решен еврейский вопрос. Нельзя сбрасывать со счетов, что после смерти Ленина в свои руки бразды правления в стране взял величайший антисемит с фашистскими замашками И. Сталин. Это он был в сговоре с Гитлером, и по его указу в 1939 году был заключен договор Молотова-Риббентропа. А когда Гитлер его обошел и без предупреждения напал на нас, тогда он обратился к народам СССР: «Братья и сестры, спасайте Родину!» И они спасли Россию... Все народы СССР!

Перед войной я работала в особом отделе 17 ст. корпуса секретарем и лично расписалась в получении секретного документа с грифом «Вскрыть 15-го июля». СССР должен был объявить войну. А Гитлер опередил нас. Но своему народу он был верен. Между прочим, Германия в сущности так никогда и не была антисемитской. А вот Сталин для своих евреев, которые среди всех народов СССР, участвовавших в Отечественной войне, по численности занимают второе место после русских, за их мужество, героизм соорудил подальше от столицы деревянные бараки, куда должны были быть высланы в конце 1953 года все чистокровные евреи. Уверена, досталось бы и другим. Вот такой подарок готовил своим освободителям вождь всех времен и народов. Но, как говорит наша Тора, есть всевидящий Б-г, и только Он спас нашу нацию, а с ней и других: 5 марта 1953 года Сталин умер.

Дорогая редакция, у меня есть несколько вопросов, довольно незначительных, но я все-таки хотела бы получить на них ответ. Во-первых, чья картина иллюстрирует мемуары Глюкели фон Гамельн в № 2 (106)? Та картина, где семья – судя по лицам еврейская, – собралась на послеобеденный отдых? Вы знаете, я просто не могу оторваться от нее: уют, культура, покой, словом, атмосфера изумительная, она ощущается даже при первом взгляде на картину. Чтобы узнать, кто ее автор, я уже и в наш музей Верещагина ходила, – увы, – ни сотрудники, ни сам директор (между прочим, маститый искусствовед!) не смогли мне ничего подсказать. Конечно, Грин говорил, что «картины без названия интереснее, романтичнее, что ли; а название – словно жук на ароматном цветке». Но тут я с писателем не согласна. Пожалуйста, разрешите мои сомнения. Я думаю, что художник – голландец, а директор музея считает: нет, по всей видимости, француз...

Вопрос следующий. Есть у Евгения Гребенки, писателя и поэта первой трети XIX века (кстати, автора популярных стихов «Очи черные», «Помню, я еще молодухой была...»), есть повесть «Приключения синей ассигнации», написанная где-то в 1830-е годы (по-моему, она навеяна сказкой Андерсена о приключениях мелкой монетки, только действие перенесено на русскую почву). Так вот, в этой повестушке, в общем живой и талантливой, уделено внимание и еврейской жизни, начиная с того момента, когда героиня-ассигнация попадает в руки мелкому торговцу – еврею.

Дело в том, что Гребенка родился и вырос на Украине, на хуторе, и, видимо, еврейскую среду знал хорошо, да и настроен был по отношению к евреям, судя по повести, вполне мирно: описаны здесь празднование Субботы, молитва, праздничные блюда, диалоги присутствующих, их одежда, облик – все, повторяю, живо и без враждебности, тщательно, с этнографической точностью.

Все бы ничего, но... Тот самый торговец, заполучивший монетку, поведал в конце своим собеседникам, что так, мол, спешил на Шабос, что не спас утопающего крестьянина-украинца, тем самым не нарушив святой праздник. А всего-то нужно было кинуть утопающему веревку! И вместо возмущения и порицания этот ревнитель Субботы получает горячее одобрение почтенных евреев...

Так вот мой вопрос – только прошу по-честному! Правдив ли этот эпизод, или Гребенка наклеветал на верующих евреев? Неужели кинуть веревку, спасая погибающего, означает осквернить Шабос, ведь человек же!

И последнее. В № 6 (110) «Лехаима» в материале Марка Китайгородского и Лазаря Медовара «Терезинский “рай”» есть интервью с Евгенией Адольфовной Физдель, врачом 172-й городской поликлиники Москвы, в мае 45-го освобождавшей концлагерь Терезин. Меня очень заинтересовала эта женщина. Фамилия Физдель достаточно редкая, и мне упорно кажется, что Евгения Адольфовна в каком-то родстве с Физделем Иосифом Григорьевичем, нашим родственником, родившимся в 1906 году в Вознесенске Николаевской области (между прочим, учился в гимназии и дружил с Кибриком, знаменитым художником-иллюстратором). Заранее благодарю за ответ.

Е.А. І адеіає; І еєієааі

Уважаемая г-жа Маркович!

Во-первых, о заинтересовавшей вас картине. Она принадлежит перу немецко-еврейского художника Морица Оппенгейма и называется «Субботный отдых». Что до

повести Гребенки, то, хоть, как вы заметили, написана она «без враждебности», добавим – без мелочной, зато с враждебностью по большому счету. Можно сказать, произведение по-антисемитски программное. Цель его, как и подобных ему, вызвать негодование к традиционному еврейству не только у неевреев, но и у евреев, далеких от своих традиций, вызвать у них стыд за свой народ.

Как создается самая грязная в мире ложь? На основе чистой правды. Описать правдиво детали, а сущность исказить – вот задача опытного лжеца. Мы хотим сказать вам и всем, кто еще не успел дотянуться до родных истоков: еврейская традиция учит нас любви и милосердию, которым мы должны постоянно учиться у Творца мира. Об этом в очередной раз говорится и в книге пророка Йоны, которая во всех общинах мира читается в кульминационный момент Б-жьего Суда в Йом Кипур, и в широко известной талмудической истории о мудреце Гилеле, на просьбу нееврея, пожелавшего пока он стоит на одной ноге, услышать истину о сущности Торы, ответившего: «Не делай другому того, что не желаешь себе. Остальное – лишь комментарии к этой истине». Во всем Танахе – Торе, Невиим, Ксувим (Пятикнижии, Пророках, Писаниях) – и всем Талмуде это главный мотив...

Если уж когены, потомки первосвященников, которым запрещено соприкасаться с мертвым телом даже родных людей, по еврейскому Закону, увидев, хоть и в Субботу, на безлюдной дороге мертвого, обязаны предать его земле (можно ли у мертвого выяснить наверняка его национальность?), то возможно ли допустить немилосердное отношение к живому, кем бы он ни был?.. Между прочим, милосердие Субботы распространяется и на животных – в еврейском хозяйстве они тоже отдыхают, и на растения, которые запрещается срывать. А в субботный год (каждый седьмой в земле Израиля) необходимо давать отдых и самой земле.

Читайте Танах, читайте его с комментариями еврейских мудрецов – в настоящее время на русском языке вышло несколько замечательных изданий, стремитесь попасть на семинары по традиции, на лекции раввинов, которые проводятся в общинах разных городов, и вы убедитесь, что то милосердие, которое свойственно вашему сердцу, – качество, выпестованное многими и многими поколениями нашего народа, соблюдающего традиции иудаизма. Если же – не дай Б-г! – вам встретится еврей, обнаруживший отсутствие милосердия, вы должны усомниться в его национальной принадлежности – как учат наши мудрецы.

Ответили мы хоть отчасти на ваш вопрос? Что же касается Евгении Адольфовны Физдель, то через автора интервью мы постараемся передать ей ваше письмо и надеемся, если ваши предположения не безосновательны, она охотно вам ответит.

Доброго года!

«Eaiaei»

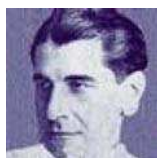
ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ НОЯБРЯ

1 НОЯБРЯ

115 лет со дня рождения писателя, автора произведений, сочетавших объективность жизнеописания с «потокосознанием» в манере Дж. Джойса и сюрреалистическую аллегоричность в духе Ф. Кафки, – трилогии «Лунатики», романов «Искуситель», «Невиновные», «Смерть Вергилия» и др. **Германа Броха** (1886, Вена – 1951, Нью-Хейвен, США).

5 НОЯБРЯ

95 лет со дня рождения спортсмена, саблиста, чемпиона мира в фехтовании на саблях 1933 – 1934 годов, обладателя золотых олимпийских медалей 1932 и 1936 годов **Эндре Кабоша** (1906, Нагиварарад, Венгрия – 1944, Будапешт).

10 лет со дня гибели предпринимателя, издателя, создателя и президента компании «Пергамон пресс», владельца «Миррор» и др. компаний, депутата парламента Великобритании **Роберта Максвелла** (наст. имя и фамилия Ян Людвиг Гох; 1923, Слатински Доли, Чехословакия – 1991, погиб на яхте на Канарских островах, похоронен на Масличной Горе в Иерусалиме).

6 НОЯБРЯ

70 лет со дня рождения режиссера, поставившего фильмы «Кто боится Виржинии Вульф» (премия «Оскар» за лучшую режиссерскую работу 1966 года), «Выпускник» (премия «Оскар» за лучшую режиссерскую работу 1967 года), «Уловка 22», «День дельфина», «Состояние», «Силквут» и др. **Майка Николса** (наст. имя и фамилия Михаил Игорь Пешковский; р. 1931, Берлин).

7 НОЯБРЯ

65 лет со дня рождения председателя комитета физической культуры и спорта Правительства Москвы, президента Федерации России по фристайлу, члена исполкома олимпийского комитета России, председателя международного координационного комитета всемирных юношеских игр, профессора и заведующего кафедрой физического воспитания МГПУ им. Ленина, обладателя высшего олимпийского ордена МОК **Льва Борисовича Кофмана** (р. 1936, Василевичи, Гомельской обл.).

10 лет со дня смерти юриста, члена Верховного апелляционного суда, члена палаты лордов Великобритании, **лорда Сайрила Салмона** (1903, Лондон – 1991, Сэндвич, Великобритания).

13 НОЯБРЯ

65 лет со дня рождения спортсмена, штангиста, обладателя олимпийских медалей: золотой 1956 года и серебряных 1960 и 1964 годов, чемпиона мира в полулегком весе 1958 и 1961 годов, многократного чемпиона США и чемпиона Панамериканских игр **Исаака Бергера** (р. 1936, Иерусалим).

145 лет со дня рождения юриста, члена Верховного суда США **Луиса Брандейса** (1856, Лусвилл, США – 1941, Вашингтон, округ Колумбия).

185 лет со дня рождения врача, доктора медицины, путешественника, члена медицинского совета министерства внутренних дел, действительного члена Императорского Русского географического общества, профессора судебной медицины Ришельевского лицея, принявшего участие в научной экспедиции по Востоку (Египет, Сирия и др.) для изучения чумы, **Артемия Алексеевича Рафаловича** (1816, Одесса – 1851, Петербург).

16 НОЯБРЯ

75 лет со дня рождения историка, члена-корреспондента РАН, автора трудов по истории русско-американских отношений и истории России конца XIX – начала XX веков **Рафаила Шоломовича Ганелина** (р. 1926, Ленинград).

120 лет со дня рождения футбольного менеджера, одного из организаторов австрийской «Вундертим», генерального секретаря федерации футбола Австрии **Хьюго Майзля** (1881 – 1937, Вена).

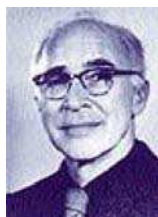
17 НОЯБРЯ

60 лет со дня рождения спортсмена, дзюдоиста, обладателя серебряной олимпийской медали 1964 года, чемпиона США в среднем весе 1963 года **Джеймса Стивена Брегмана** (р. 1941, Арлингтон, США).

100 лет со дня рождения актера, режиссера, педагога, одного из создателей «Групп-театр», руководителя актерской студии, где обучались крупнейшие американские актеры театра и кино М. Брандо, Р. Стайгер, М. Монро, П. Ньюман и др., сыгравшего в фильмах «Крестный отец», «Красиво уйти», «Правосудие для всех», «Настил» и др., **Ли Страсберга** (наст. имя Израиль; 1901, Буданов, Австро-Венгрия – 1982, Нью-Йорк).

18 НОЯБРЯ

95 лет со дня рождения биохимика, члена Американской национальной академии наук и академии наук и искусств, профессора биологии Гарвардского университета, исследовавшего химические процессы, на которых основано зрение, установившего путь распада (природу выцветания родопсина), лауреата Нобелевской

премии по биологии и медицине 1967 года (совм. с Р. Гранитом и Х. Хартлайном) **Джорджа Уолда** (р. 1906, Нью-Йорк).

20 НОЯБРЯ

15 лет со дня смерти физика, члена-корреспондента АН СССР, профессора Ленинградского политехнического института, участвовавшего в создании промышленности пьезоэлектрической и конденсаторной сегнетокерамики в СССР, открывшего индуцированный ферромагнетизм, обнаружившего явление долговременной памяти в пьезоэлектриках, автора трудов по сегнето – и диэлектричеству, созданию неметаллических магнитов и других материалов с уникальными свойствами, заложившего основы промышленного производства ферритов, **Георгия Анатольевича Смоленского** (1910, Ялта – 1986, Ленинград).

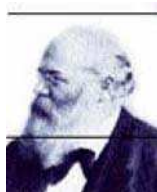
27 НОЯБРЯ

30 лет со дня смерти ученого в области кинотехники, изобретателя, заслуженного деятеля науки и техники РСФСР, профессора, заведующего кафедрой кинотехники ВГИКа, одного из разработчиков первой звуковой киноустановки, разработавшего основу теории современных процессов кинотехники, руководившего созданием советских систем панорамного, широкоэкранного, широкоформатного и кругорамного кино, автора многих работ по теории и истории кинотехники **Евсея Михайловича Голдовского** (1903, Никополь Екатеринославской губ. – 1971, Москва).

30 НОЯБРЯ

75 лет со дня рождения ученого-медика, члена Американской национальной академии наук, профессора медицины университета Тьюлейна, автора трудов по выделению, выяснению химической структуры и биологической активности релизинг-гормонов гипоталамуса, лауреата Нобелевской премии по физиологии и медицине 1977 года (совм. с Р. Гименом) **Эндрю Виктора Шалли** (р. 1926, Вильно).

80 лет со дня смерти математика, иностранного члена-корреспондента Петербургской АН, члена Берлинской АН, автора трудов по геометрии, теории функций, дифференциальным уравнениям **Карла Германа Амандуса Шварца** (1843, Гернсдорф – 1921, Берлин).